

СИБИРСКИЕ ОГНИ

2/2024

На первой странице обложки: **Виталий Казанцев. Мост.** 2023

Виталий Казанцев. Июньская ночь. 2016

Виталий Казанцев. Оперный театр. 2019

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Михаил Косарев
ответственный секретарь

Лариса Подистова
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Татьяна Седлецкая
редактор отдела художественной литературы

Михаил Хлебников
начальник отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова
редактор отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Карасёв
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Л. Р. Юкляева
Верстка: С. В. Колотилов

2/2024

Содержание

ПРОЗА

Светлана МИХЕЕВА. Каплин дом. Повесть. Окончание.	3
Антон ШУШАРИН. Копеечка не в тягость. Рассказ.	76
Анна БЕЗУКЛАДНИКОВА. Молодость. Рассказ.	90
Сергей КОРЯКИН. Мечтают ли швабры о глобальном потеплении? Миниатюры.	98

ПОЭЗИЯ

Владимир СВЕЛОСАНОВ. К холодным берегам. Стихи.	71
Ольга КОРЗОВА. Незримый к весне переход. Стихи.	88
Константин ГРИШИН. Ваш знаменитый современник. Стихи.	104

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав ОГРЫЗКО. Первый зам Хрущева по России.	108
<i>Народные мемуары</i>	
Татьяна ГЛОВАЦКАЯ. Жизнь в ожидании жизни.	129

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Константин ВАСИЛЬЕВ. Ловля блох в сочинении по просьбе сочинителя. Окончание.	160
--	-----

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Мршавко ШТАПИЧ. Христианская и советская поэзия Анны Долгаревой. О книге «За рекой Смородиной» (2024).	180
--	-----

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Сложная простота. <i>Интервью с художником Виталием Казанцевым.</i>	187
--	-----

Авторы номера	191
---------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Светлана МИХЕЕВА

КАПЛИН ДОМ

П о в е с т ь *

Глава 15. Внутри и снаружи

Раечка пила чай, как любила — с сааган-далей и мятными русскими народными пряниками. Чаепитие было особенно душистым и сладким. С Нольбергом Раечка смирилась как с профессиональной издержкой, но любить его была не обязана. Он все-таки надменный грубиян, ее работу мало уважающий. Да и вообще...

Сегодня Раечка испытывала блаженство, помешать этому не могли даже крошечные, с червячка, угрызения совести, что, мол, ты — женщина, но где же твоя женская солидарность? Против Агаты Раечка ничего не имела, в общем и целом. Но если Виктор Викторович бесится и ему плохо, то ей, Раечке, очень даже отлично. Почему отгул в пятницу не дал, а ей очень было нужно? Да и вообще, они очень даже равнодушная и наглая семейка. Хотя старший, конечно, мужик толковый. Но все равно — все им по заслугам.

Жена начальника казалась ей неяркой равнодушной водорослью, что колышется, обласканная течением судьбы. Ну почему таким людям везет, почему у них все есть? Мама воспитывала: с таких людей и бери пример, их уважай, будь похитрей — и тебе отломится. Ага, щас!.. Так что теперь тоже пусть помучаются.

К тому же Нольберг хотел кинуть ее брата. Так что Раечка мстила не только мелко — за себя, но и за братишку. Договоренности были? Были. Толик с Дарьей на эти деньги рассчитывали? Рассчитывали, ведь ребенок на подходе. Ей так неудобно от своей секретарской зарплаты отрывать кусочек еще и для братовой семьи. А что в итоге? Все договоренности расторгнуты, работа отменена! В пятницу сказал, и она мучилась все выходные разными мыслями. Зачем было только людей дергать!

---

* Окончание. Начало в № 1/2024.

Червячок Раечкиной совести вскоре затих от этих уговоров, напившись ароматного чаю. А ночью Раечка спала так крепко и сладко (видимо, от чувства выполненного долга), как не спала уже давно.

Назавтра стояла отвратительная погода. Шеф, опять же, метал молнии весь день. Раечка была довольна. А вечером, когда она ужинала, позвонил ей и потребовал брата к себе. Раечка аж взвизгнула, сочтя, что пространство настолько справедливо, что ужасно быстро отозвалось на ее жалобы.

Поэтому она даже не стала звонить, а, несмотря на непогоду, натянула сапожки, пуховик и метнулась в сторону остановки, от которой скрипучий неторопливый троллейбус доставил ее прямо к месту назначения. Новостройка лупала желтыми глазами на гудящее пространство и пищала подъездными дверьми, в которые, сойдя с троллейбуса, ручейком затекло несколько человек.

Толик обрадовался известию. Он получает столько, что хватает лишь на необходимое. А жизнь-то этим не заканчивается. Кто-то вон на Сейшелы смотался, а им бы с Дашкой в Сочи, для радости, на недельку. Перспектива возобновить договоренность с Райкиным начальником — а зачем бы еще он их звал — была очень кстати. Раз за молчание бабла срубить не получилось, возьмут за дело — но больше. Жека пусть просит сразу много. Так и надо будет сказать этому засранцу в костюмчике: мол, вдвое больше хотим, а иначе ищи других. А если начнет артачиться, то и вообще заложим, сходим куда надо, к вежливым людям. Короче, что бы ни предложил, просить надо однозначно и сразу больше.

Толик был прост. Каждый из таких вот, в костюмчике, ему мнился не человеком, а символом, образом удачливости. И в Нольберге Толик видел себя, только удачливого, ловкого. В его мыслях благополучие существовало именно и только в таком виде — государственная бумажная служба, рождающая кругом разнообразные возможности. Благополучие мыслилось только так, под защитой непобедимой системы, которая охватывала покровительством не одного, вошедшего в нее, но и его близких, становящихся ее частью, — и их близкие также охватывались страшным, но теплым и мягким серым крылом. И так далее распространяла она свое тлетворное, но обаятельное влияние сытой жизни. Можно было купить все, приняв ее покровительство. Можно было договориться со всеми, став ее частью. Так мыслил Толик работу этой машины, которая в его голове была не чем иным, как всеобъемлющей привилегией. Да он и государством мог бы управлять. А что? Вполне, если немного насобачиться.

Тихая, но устойчивая зависть разъедала Толика и подобных ему других, кто видел, сталкивался с этой иной, совершенно марсианской жизнью. В глазах Толика материальное благополучие не ограничивалось для этих «марсиан» достатком. Оно заливало нереальным светом весь ареал их обитания, оно словно переделывало пространство под себя. Одна и та же улица в глазах Толика выглядела по-разному, если по ней шла старуха (или кто-то вроде него, серый, обыкновенный) или же если

ступал по ней кто-то, имеющий за душой уверенность в завтрашнем благополучном дне.

Правда, иногда Раечка рассказывала о работе, о том, как все по-настоящему устроено, — и Толик на минутку пугался. Да и то — старается, старается сестрица, образование у нее, да и вообще не дура, а гляди, допрыгала лишь до секретарши. А что потом? А есть ли вообще это «потом»?

Мурашки начинали бегать по Толиковой спине, когда Рая объясняла, как все устроено, как вращается и для чего это колесо удачливости. Внутренние взаимоотношения начальников и подчиненных, начальников и начальников и всех, кто был вовлечен: все они, казалось, были настороже и старались не предпринимать и не говорить ничего такого, что могло бы повредить этой равнодушной серой машине. Толик представлял ее себе в виде огромного механического паука, который приземлился, и накрыл собой человечество, и пожирал бумагу, как шелкопряд, выдавая серые нити, сплетающиеся в душные коконы вокруг каждого человека. Толику казалось, что все люди на Раечкиной работе, не исключая и ее саму, всегда говорят шепотом и даже передвигаться стараются тихо, чтобы не потревожить паука, сидящего в главном углу. Недаром в администрации полы забраны толстыми ковровыми дорожками, в которых глож, тонул звук шагов — и тонул с ними как бы и весь человек. Как будто бы он идет, а как будто бы его здесь и нет...

Толик ловил отзвуки своих страхов, пытался поразмыслить на эту тему — но его хватало ненадолго. По телевизору показывали роскошную жизнь, и Дарья ныла под боком, и все время приходилось за что-то платить. Так что он, инстинктивно, как спасается животное, не позволяя себе глубоко задумываться. Ему все равно, чем они там занимаются, ему просто нужно действовать, он муж, отец и кормилец семьи. В любом случае должен.

— Райка, ну ты молодец! Отметить надо. Жеке позвоню!

На кухню вплыла Даша. Она мыла дочери голову и была поэтому вся мокрая.

— Я те щас отмечу! Привет, Рай. Что отмечать он собрался?

Раечка открыла рот. Но заметила конвульсивные движения Толика. За спиной Даши он странно мотал головой, закатывал глаза и кривил губы. Ага, Даша не в курсе. Ладно, пусть так и будет. Хороший все-таки Толька, бережет жену от лишней информации.

— Меня обещали повысить, — спасла она брата.

Раечка, собственно, и сама не до конца понимала, что хочет Нольберг от Толика. Но ей нравилось думать, что благодаря ее посредничеству брат получит деньги, хорошенькую сумму. Толик с сестрой особо не откровенничал, ограничившись пояснением, что помогает найти подрядчиков для работы с полуразрушенным деревянным хламом, которым заставлен центр. И с какой стати ей сомневаться в его словах? Раечке, конечно, приходило в голову, что такой напыщенный прохиндей, как ее шеф, не станет без острой необходимости связываться с таким

простым человеком, как ее брат. Но ему нужен был надежный исполнитель. А Толик как раз такой.

Нарисовав племяннице Настьке зеленого осла, Раечка отправилась домой. Она снимала квартиру в центре, в рыжей хрущевке, за которой простиралась гигантская торговая зона. Прежде здесь, отделяя городской центр от правобережных рабочих предместий, гремели цеха огромного машиностроительного завода. Раечка родилась, когда эти цеха уже прибрали к рукам коммерсанты, и, глядя на эти махины, она пыталась представить масштаб прежнего, воображала, какие механизмы здесь собирали, какие нескончаемые потоки людей ежедневно, по гудку, устремлялись к цехам. Старушка, переехавшая к детям и сдавшая Раечке квартиру, когда-то работала на заводе. На кухонных антресолях среди хозяйкиных вещей Раечка нашла черно-белые фотки — заводские праздники, шествия, Дом культуры, старушкин цех, прилегающие к заводу улицы и всякое другое. Впечатленная многолюдностью и размахом — на фотках все казалось гигантским, — Раечка вглядывалась и в жилые окрестности, пытаясь как-то оценить для себя произошедшие изменения. Вот и сейчас шла, выгрузившись из трамвая, уже в темноте, по улице заснеженных деревьяшек, натыкалась взглядом на любопытный свет, выглядывающий из комнат на улицу сквозь зазоры между ставнями.

Иные хозяева любовно раскрашивают ставни в какой-нибудь розовый или зеленый. Разве не видят, что это смотрится жалко? И все эти цветы в горшках за ставнями, какое-нибудь алоэ, или широко разросшийся и выцветающий под прямым солнцем бордовый колеус, или обязательно герань — старушечьи как раз растения. Раечка могла представить себе эти дома юными, молодыми, срубленными под хозяев. Но смысла их теперешних она не понимала. Каждый напоминал ей мать — жалкую, питающую космические надежды на будущее, раздражающую. Раечка признавалась себе, что жалостливые, но очень цепкие надежды матери душат ее, отодвигают на задний план Раечкины собственные надежды и желания. Но, думала Раечка, на месте этого старого, обветшавшего, собравшего в себя столько чужих обременяющих ожиданий города должен возникнуть новый, свежий, просторный, свободный. Вон дурацкие колеусы с подоконника! Сжечь к черту эти грязные заборы — из-под каждого так и норовит вылезти какая-нибудь убогая, но зубастая собачка!..

В общем, совершенно не было причин сомневаться в словах Толика. Краем уха Раечка слышала разговор начальства о том, что планируется стройка, но под обновление маловато земли. Наверное, будут осваивать. Да, мусора придется вывезти много. Но и заплатят, наверное, неплохо. Единственное, что волновало Раечку, — заплатят ли брату по-честному, сколько обещали.

Явившись по вызову Нольберга, мужики попросили вдвое, как Толик и хотел. Жека сделал морду тяпкой и сослался на инфляцию. Мол, время прошло, теперь цена другая. Мол, уже работу отменяли, а они тоже время свое тратят.

Нольберг, оперши щеку на кулак, слушал как будто без интереса. Но внутри него шипела змеиная злость оттого, что не может прогнать этих двоих, — они стали ему нужны. Нужны лично ему. Для его личной цели. Этот факт, досадный сам по себе, был еще неприятнее, так как платить этим люмпенам придется теперь из собственного кармана. Впрочем, сейчас он меньше всего переживал по этому поводу. Его самолюбие было задето тем, что Агата его опередила, не дала сохранить лицо. Он мог давно расстаться с ней, но предвидел реакцию отца. К тому же опасался, что отец узнает о его самоуправстве на работе, о таком вопиющем использовании служебного положения, которое бросит тень и на него, Нольберга-старшего, — и тогда... О том, что будет тогда, Виктор Викторович предпочитал не думать. В глубине души он был уверен, что родитель сочтет его преступником и отправит в каталажку, ничуть не смущаясь, а, наоборот, с удовольствием, — избавится от неудавшегося отпрыска.

— Договорились. — Он преодолел раздражение. А отправив гостей прочь, собрался и вышел из кабинета.

В обеденный перерыв на первом этаже раздавалось густое звучание, будто шмели гудели в гнезде. Вниз, в цокольный этаж, в столовую, слетались на обед коллеги. Нольберг, ни с кем не здороваясь (ему казалось, что все знают о том, что с ним произошло, обсуждают его), опустив голову, прошмыгнул, боясь, не дай бог, встретить родителя. Отец сначала ошпарит его взглядом, а потом разрежет на кусочки своим холодным голосом. Так было с детства — старший Нольберг рассчитывал воспитать в отпрыске непреклонный, пробивной характер, необходимый, чтобы наследовать его собственные достижения, продлить и расширить их. Но у маленького Вити, который превращался в бездвижную, безголосую сосульку рядом с отцом, были другие задатки. И он вполне развил их в той жесткой среде, в какую его вдруг поместили, научился лавировать, подчиняться, сохраняя при этом надменный вид. Он не был лидером, но ему удавалось ввести в заблуждение многих. Отец, впрочем, все еще сохраняя некоторые надежды, понимал характер сына и, может быть, как думал Виктор, поэтому немного презирал его. Они оба были по-своему умны, но сделаны из разного теста. Их объединяло, наверное, только высокомерие, семейная черта, которую оба выставляли напоказ по любому поводу и в любых обстоятельствах.

Карьерные мечты младшего Нольберга были подавлены отцовскими харизмой и мечтами, и протестовать не имело смысла, это он усвоил с детства. Он принял все распоряжения насчет собственной судьбы даже с некоторой легкостью, с облегчением затушив последние отблески протеста. Ведь вся ответственность, что бы он ни сделал, теперь ложилась на отца. Может быть, так и проще, и лучше. Это развязывало ему руки.

Он даже женился на своей девушке Агате потому, что так хотел отец, рассчитавший, что если вдруг сыну придется делать не управленческую карьеру (он не очень-то верил в административную жилку отпрыска), а, например, в юридическом институте, то у него будет неплохое подспорье

в виде тестя. Нет, конечно, Агата была вполне мила, хотя с женьбой сам Виктор не торопился бы — если бы у него была такая возможность. Все-таки брак налагает некоторые обязательства — дети и все такое. Но отец умел все поставить по-своему.

Сейчас, выбегая по мягким дорожкам, стремясь на воздух, спасаясь от воображаемой погони, Виктор чувствовал, в какую ловушку попал. Хотя тогда ему казалось, что это выбор хоть и не его собственный, но вполне в его пользу. Чего уж проще: женись и тогда отец от тебя отстанет. Мама так ему и говорила. Но мама, она как цветок, величавой красоты безголосое существо. Цветок без запаха.

Виктор миновал большой сквер с молчащим зимним фонтаном, вышел на уютную улицу с намертво очищенным от снега тротуаром. Старые каменные дома — купеческие незамысловатые особнячки и сталинки с их противоречивым декором — словно наклонялись к нему, здоровались. В такой же сталинке через улицу он вырос, знал поэтому в округе каждую подворотню, каждый дом. Сейчас в семейной квартире живет сестрица. Надо бы к ней зайти, посмотреть, как длится ее светское существование за спиной нового мужа, налогового начальника. С прежним ее мужем, бизнесменом, Виктор не ладил, тот был слишком похож на старшего Нольберга, почти такой же властный.

Отец с матерью устроились в коттедже на местной «Рублевке», отец говорил — ближе к природе на старости лет. Сентиментальной любви к березкам и просторам Нольберг за отцом никогда не замечал. Но легко представлял его старым драконом, который, подрастая силы, уползает в свое логово, чтобы там безнаказанно жрать путников. И когда навещал родителей еженедельно, по субботам, вполне реально видел в окно, как отец, обратившись в зверя с красной матовой чешуей, под покровом ночи ползет со своих сорока соток в сосновом лесу, извивается между прямехонькими, как карандаши, частыми соснами, а с широкой дороги взмывает в темную высь. Утром, встречаясь в столовой за завтраком, Нольберги почти не говорили, это было традицией — есть и молчать. Поэтому Виктор исподтишка рассматривал отца, ища в нем изменений. Например, если обратное превращение произошло бы не целиком, а осталась бы где-нибудь, допустим, чешуя или коготь?

Заворачивая за угол, Нольберг подумал о том, какие же грубые формы все-таки раньше имела жизнь, — он входил в ту часть города, где сохранилось много старого и ветхого. Особенно его бесили трещины в бревнах и ставни, словно больные позапрошлой красотой. Крась не крась эти ставни, не изменится ничего, старье всегда остается старьем. Нормальные люди имеют право на полноценные вещи. Можно поднимать их из руин за большие деньги — но каким идиотам нужна рухлядь? Но, главное, кому нужна рухлядь, которая ютится в этих домах? Весь этот сброд, вся эта серость. Он словно чувствовал дыхание масс, толпы, народа — опасное, горячее, чувствовал на себе обволакивающий взгляд. Ему с детства казалось, что старые

дома через своих обитателей имеют глаза. И смотрят ими в человека, чего-то видят в его скучном тельце. Что-то непростое видят, позорное, знают все секреты. Он не любил бывать на таких улицах. Еще в детстве стремился проскочить на велосипеде, побыстрее миновать эти затягивающие inferнальные полосы, разделяющие его детский светлый мир и другой, необъяснимый.

У водопроводной колонки покачивался мальчик с ведром. Уши заткнуты наушниками, хардкорная безразмерная куртка — все типично. Вот что из него выйдет в таких условиях?

Мальчик повесил ведро на колонку и нажал рычаг. Вырвалась из крана бурлящая вода, хряснулась о намерзшую ледяную корку, попала на ботинки Нольбергу, проходящему в эту минуту мимо. Мальчик поднял глаза, серые, внимательные. Их неясное выражение смутило. И Нольберг, как в детстве, прибавил шагу, почти побежал, ругая себя и осознавая, что мальчишка позади, наверное, недоуменно смотрит убегающему в спину, а то и ржет над ним, думает своим подростковым скабрезным умишком всякую ерунду.

Не умаляя скорости, Виктор дошел до нужного места. Ранняя зима раздела улицу. Ее темное тело лежало под пышным небом, дожидаясь настоящего, щедрого снега. Каплин дом, стоящий в некотором отдалении от дороги — когда-то перед ним существовал небольшой садик, — растопырил ставни. Ставни казались очень тяжелыми, каменными, цветы на них казались каменными. Кто-то приструнил разболтавшееся крыльцо, оно сияло новыми перилами, выкрашенными в голубой. Кто-то перебрал половину крыши. Ограда у Каплина дома возвышалась только с одной стороны, из металлических прутьев, о двух белых столбах, но и это придавало уюта — она словно подпирала несколько знатных лип и желтую по сезону, изящную лиственницу, усыпавшую землю золотым пухом. Ограду можно было бы убрать, но Нольбергу показалось, что она не давала деревьям убежать, не давала рассыпаться чему-то правильному, долговечному. Остатки капитальной ограды (графские развалины, тоже мне, фыркнул Нольберг) не позволяли дому почувствовать себя сиротой, кораблем, дрейфующим в неизвестном море по велению судьбы. Белые столбы выглядели очень свежими.

Любой восприимчивый человек почувствовал бы здесь обаяние труда, вложенного в осуществление памяти, рухлядь словно общалась с помощью знаков — перекрытой крышей, голубыми перилами. Она словно сообщала что-то о возможности примирения с самим собой.

Виктору припомнился незначительный эпизод, который почему-то так и не забылся — не как событие, но как ощущение: он был мал, его вели с собой старшие дети — и вдруг что-то повлекло их, они убежали, оставив его на узкой тропинке, таинственно тянущейся внутри высокого кустарника на территории заброшенного детсада. Сквозь бреши в кустарнике он видел останки старого белого фонтана — чаша без воды и малыш верхом на лебеде, видел белую лестницу, которая никуда не вела, что-то еще, смутное, важное. Свет внутри аллеи был зеленоватый, неяркий, и в его задумчивой пустоте мальчик уловил

приглашение и пошел за ним, петляя вслед за тропинкой. Ему казалось, он идет к чему-то знакомому, желанному, в нем затеплилось благоговение перед неизвестным, неопасным, даже радостным. Так бы он и шел, но притомился и опустился на землю под кустом, полным фиолетового цветения, — кто-то же посадил куст здесь, такой красивый, такой ароматный, — и заснул. Его нашла сестра, весело разбудила и потихоньку привела домой, чтобы не заругали родители. Ощущение зеленоватого блаженства сохранилось в нем до сей поры, иногда открываясь по непонятным причинам, то ничтожным, то крупным. Оно появлялось, когда рождались его дети. И вот теперь перед этим домишком — непозволительно, неуместно! Ведь он пришел взглянуть на то, что могло бы стать орудием отмщения, а нашел что-то другое. В чем здесь связь? Как поразительный и счастливый момент его детства связан с предательством? Он ищет здесь ярости, а находит возможность умиротворения. Значит ли это, что он — тряпка? Что он не способен управлять даже своей жизнью, а вынужден подчиниться воле других, воле Агаты в данном случае или же воле отца?

Виктор вдруг ясно понял, что не может побороть ощущение, что она для него — груз, навешенный на него отцом, человеком, который и не человек вовсе, а ледяная глыба самоуверенности, и эту глыбу невозможно растопить никаким теплом, невозможно подмыть никакой водой. Покладистость жены была лишь доказательством этого. И он должен освободиться.

Приняв решение, Виктор вдруг с удивлением подумал: он ни разу не вспомнил о хозяине дома. Тот был ему ничем не интересен, успешный архитектор, по своим причинам вернувшийся в захолустье. Прагматичный отец, наверное, однозначно определил бы его в сумасшедшие. А разве не так? Все это отжило свое. Оно создает только боль, только лишь пугает.

Виктор оглянулся. Он стоял на другой стороне улицы, позади деревянным пузом вывалился на улицу старый забор. Вот-вот треснет, и посыплется из него, как из рога изобилия, всякая дрянь, что-то сломанное или же уголь — прямо под изгибом между досками и землей уже чернела мелкая каменноугольная крошка. Когда он, обозрев фактуру за спиной, вернулся взглядом к Каплину дому, в окнах первого этажа загорелся свет, хотя на улице было еще довольно светло. Через несколько минут свет загорелся в одном из окон второго этажа. Там ходил кто-то, освещаемый веселой яркой лампой без плафона. И тогда-то Нольберг почувствовал чей-то взгляд. Слева, совсем рядом, стоял большой черный пес, сильно смахивающий на волка желтыми близко посаженными глазами и заостренной узкой мордой. Виктор вздрогнул и стал отходить тихонько, боком. Зверь не шевелился, словно к месту прирос. Звуков тоже не издавал, просто стоял. Нольберг зло чертыхнулся — чего только не бывает в таких подворотнях, — повернулся к зверю спиной и спокойно пошел прочь с уверенностью, что все это должно исчезнуть, просто обязано растаять, как наваждение.

Глава 16. Клад

Маня Иванович был в курсе, что Дягилев и Дон Педро умеют работать руками. Поэтому предложил Марату принять их в качестве подсобных рабочих, а дальше — по обстоятельствам.

Работ в доме оказалось больше, чем первоначально думал Маня Иванович. Впрочем, он полагался во многом на себя самого, на свои силы, но вскоре оказалось, что сил у него пока недостаточно, а отсутствие ступни изрядно мешает — не появилась еще привычка существовать в новых телесных обстоятельствах.

Марат усомнился не столько в творческих способностях Маниных друзей, сколько в их образе жизни.

— Они алкаши, конечно. Но люди в общем и целом золотые. И могут, если сильно надо, не пить. Ну то есть сильно не пить, а так, в меру... — уверенно пообещал Маня Иванович.

У Марата были кое-какие средства. Но на такой затратный проект их могло и не хватить. Поэтому товарищи Мани, которые, вероятно, попросят за работу не так много, были бы кстати. Попробовать можно. Во всяком случае, пока от заказчиков бюро не поступят деньги.

— Много возьмут?

— В меру. Умеренно. — Маня Иванович, конечно же, попросил бы товарищей по землянке цену не задирать.

— Ну зови. Посмотрим.

Еще у Марата были монеты, которые он показывал Шурику, и тот заверил, что готов выкупить их по хорошей цене. Но Марат пока не решился продавать, ибо обретение монет было событием странным и требовало разрешения. Либо в доме обитают привидения, либо кто-то живой — без его хозяйского ведома.

Горсть монет обнаружилась в центре перевернутой табуретки. Табуретка появилась по центру самой большой комнаты второго этажа однажды утром. Накануне комнату очищали от хлама, а Маня Иванович исследовал стены на предмет трещин.

— Ох ты, батюшки мои! — воскликнул Маня Иванович с утра на весь дом, заглянув в комнату, чтобы вынести оставшийся мусор. А потом весь день не мог опомниться, предполагая чудо.

Табуретку Марат трогать не стал, оставил как есть. А Маня Иванович, человек суеверный и в чем-то благочестивый, вместо монет втихую, чтобы не видел хозяин, положил горсть конфет: мол, духам, в обмен.

Конфеты пролежали пару дней. Марат уважительно не трогал их, а потом все-таки убрал, чтобы не привлекать насекомых и крыс.

С тех пор Маня Иванович стал относиться к дому с большим уважением, отдавая дань то молоком, расставляя чашки у дверей комнат, то помещая в разных местах разломанные, по бурятскому обычаю, сигареты.

— Зачем ломаешь? — спросил как-то Марат.

— Умерщвляю. Как, по-твоему, мертвый покойник будет живую сигарету курить?

— Тоже верно. — Марат поражался непреклонной детской логике Мани и уважал его догадки.

Товарищи Мани явились по первому большому снегу очень рано утром. Они были трезвы.

Дом произвел на них впечатление. Не сам по себе — их захватило то чувство соучастия, которое имел к дому Маня Иванович. Он устроил товарищам чаепитие и экскурсию. И к тому времени, как Марат, проснувшись, вышел из своей квартирки, мужички успели обсудить электропроводку, фундамент, обследовали печи, простукали стены — Дягилев был уверен, что в таких домах непременно спрятаны клады.

В ответ Маня рассказал о недавней находке, показал место обретенных монет. Переломил несколько сигарет и разложил на подоконниках, прося духов дома благосклонно принять его товарищей.

Дягилев, бродя по комнатам, вдруг вспомнил прочитанное в детстве. Воскресали в нем то бунинские астры в садах, — с чего бы вспоминать здесь деревню? А то вдруг шмелевская Москва раскладывала свои калачи и яблоки в медовом и шумном воздухе. То уж, совсем не к месту, толстовский хрестоматийный дуб в своей зеленой силе вдруг проявлялся как посол блаженной страны надежд. Багаж, лежащий в душе мертво и бесполезно (как любое уложенное насильно), вдруг показался ценным. Шевеления памяти сладко обещали связать расчлененную жизнь воедино, обновить, возвысить. Дягилев почувствовал зов утраченной чистоты, которая махала ему из детства белейшим платочком. Вот он, маленький, сидит на подоконнике своей комнаты в их семейной квартире. Мать стучит кастрюлями на кухне. Отец еще не выгнан, его ждут с работы. Квартира у них на четвертом этаже, из окошка хорошо видны дали — поля подсобного хозяйства и за ними блестящая река. По своим делам плывут облака, такие, какими рисуют их в книжках, — кучерявые, спокойные. Дело к вечеру, и в зарослях травы надрываются кузнечики. А пахнет супом и пирогом. Господи, какое же было чудо! — Дягилев даже поморщился от яркости воспоминания. Это потом все покатилося, это они, родители, все испортили. Испортили, а потом и померли! А он теперь расхлебывай эту жизнь, такую же гнилую, как этот дом: все в нем уже умерло, уже пора на покой, а его заставляют жить дальше.

Закипело в нем раздражение. Хотел закурить, хотя Маня строго предупреждал не курить в доме. Но не стал. Переломил сигарету и сунул в щель между дверным косяком и стеной.

— Надо бы косяки подтянуть! — заорал в направлении Мани. Заорал — потому что показалось, что сейчас возьмет и заплачет.

Работа закипела. Маня шоркал наждаком какую-то деревяху, Дон Педро сортировал хлам из верхних квартир, задерживаясь взглядом на старых газетах. Они освещали события его молодости, еще, казалось бы, недавней — но уже давнишней, ставшей историческим

фактом. Дон Педро взгрустнул, наткнувшись на заметку о кинотеатре, в который они с женой еще не так давно ходили. Удобно уместившись в плюшевом голубом кинокресле, жена любила поплакать над какой-нибудь сентиментальной ерундой, прислонившись лбом к его плечу. Тогда ему было неловко, особенно, когда она начинала швыркать носом, разойдясь в переживании. И он, покупая билет, обычно просил у кассирши отдаленные от других зрителей места. Сейчас бы он, конечно, не переживал, наоборот, был бы рад. Но можно ли вернуться к тому месту, с которого началось крушение твоей жизни, и, поняв причину, исправить все в настоящем? — задался вопросом Дон Педро. Когда-то он во всем винил себя, потом — жену. Эх, не стоило ему соглашаться на бабскую истерику, идти прочь с чемоданчиком. Дело-то секундное: Татьяна, эмоциональная женщина, разоралась, а он, гордый павлин, в тот же момент и сдулся, хлопнул дверью. А за дверью известно что — ничто темного одиночества. Надо было ее в кладовке запереть, пусть бы прооралась там, среди инструмента и лука, уложенного в женские чулки на хранение. А как прооралась бы, так ее на ковер — мол, что устраиваешь, окстись, женщина! Надо было пожестче, не поддаваться. А как не поддаваться — мать привычно говорила: уступи женщине, она слабее. Ну вот, доуступался, уступил, можно сказать, свою собственную жизнь.

Дягилев, оценивая состояние второй, перекрытой — некогда черной, для прислуги, — лестницы, возился где-то в глубине коридора. Поругивался, увещевал неживое. Время от времени от него летели куски штукатурки, какие-то досочки.

Марат ловил себя на том, что прислушивается к звукам, намереваясь как будто бы установить, не имеют ли люди, их производящие, каких-то нечистых, разрушительных намерений. Он еще не решил, может ли доверять им. Но зато был готов всецело довериться Мане Ивановичу. Так он доверялся пацанам, с которыми пересекал реку, чтобы позлить заречных мальчишек и добыть в боях и походах бесценные детские трофеи. От того, что он все еще может испытывать такое славное чувство, Марату становилось радостно.

Глубины коридора вдруг огласились победительным воем. Дягилев предстал перед честным народом с добычей — он схватил и держал что-то вихрастое и знакомое.

— Сашка! — Маня Иванович, сидевший на табурете, чуть не упал, привстав, забыв от удивления, что его ступне недавно пришел кирдык.

Сашка шмыгал носом.

— Ты, друг ситный, не плакать ли собрался? — поинтересовался Маня и махнул костылем, давая знак Дягилеву отпустить мальчика.

Малец собрался было, но, увидев знакомые физиономии, передумал.

— У вас еда есть? — тотчас обратился он к Марату.

— Предположим. А ты почемуходишь без стука?

— А я через лаз. Там дверка отломалась. — Сашка опустил глаза.

— Отломалась, говоришь?

Оказалось, что Сашка, в общем-то, не врал. Но несколько преуменьшил свою заслугу. В одну из комнат вела отдельная дверь с улицы. Ее когда-то заколотили и закрыли обшивочной доской. На планах, которые Марат достал в архиве, ее не было. Но Сашка, с остервенением исследуя дом снаружи, обнаружил подозрительную щель и расширил ее из своего детского любопытства, в нее просочился и попал в кладовочку, крошечную. В кладовочке он ощупал стены, толкнул перед собой, прорвал обои, держащие потайную дверцу, — и выпал в комнату.

— В первый раз без стукаходишь? — спросил Марат, прищурившись. У него вдруг закралось подозрение насчет духа-дарителя, оставившего монеты в табуретке.

— Не. Уже заходил.

— Через отломанную дверку?

— Ага.

— Монеты где взял?

Оказалось, там же, в кладовочке. Оказалось, к радости любителя пиратской романтики Дягилева, Сашка нашел клад: в щели между бревнами ухватил какую-то веревочку, потянул и вытянул мешочек.

— Там еще есть. Я себе только три оставил. И вам насыпал, — оправдывался парнишка, понимая, что раз дом чей-то, то и находки принадлежат хозяину.

Они всем гуртом отправились в кладовочку. Крошечное потайное помещение когда-то, возможно, использовалось для складирования дров. Но там были еще пыльные полочки с хозяйственной утварью. Ржавые кованые гвозди, каменная ступка, молоточек, связка бумаг. Под полочкой — выемка, Сашка сунул руку, потянул, достал мешочек из заскорузлой, потрескавшейся кожи. В мешочке — горсть старых монет. Мужчины рассматривали монеты, а Сашка при свете рассмотрел еще и предметы на полочках. Ему приглянулся молоточек, и он легко выпросил его себе.

После открытия клада настроение у всех поднялось. Сашка съел все запасы печенья. Дягилев то и дело заговаривал о поисковых работах.

— Надо бы металлоискатель сюда. Дом-то большой, мало ли кто что попрятал.

Дон Педро косился на мешочек, который Марат оставил лежать на столе в своем обиталище. Маня Иванович про себя упрекал хозяина клада в неосторожности и приглядывал — не то чтоб он заподозрил приятелей в разбойничьих намерениях, но чем черт не шутит. Хотя при такой-то жизни можно ли человеку судить человека, особенно если соблазн такой явный? Поэтому приглядим, думал Маня.

Вечером Марат заплатил мужчинам за труды, и Маня Иванович получил премиальные — ему деньги полагались еженедельно.

Уговорились продолжить через день.

— Трезвыми! — Маня поднял палец вверх, провожая приятелей.

Дягилев приставил руку к виску, мол, есть, командир. И они расстарились в сумерках, тихонько переговариваясь.

Когда и от голосов не осталось следа, Маня Иванович вернулся в дом. Жизнь казалась ему медом. Это не он греб в сумерках на металлобазу, кто-то позаботился о нем — и он был готов сполна отплатить за это. Но как, чем? Что от него проку? Теперь уже и работник так себе. Но при случае, надеялся Маня Иванович, при любом удобном случае он засвидетельствует силу своей благодарности.

Он остановился в коридоре, рассматривая Марата, который завис над своими чертежами и что-то бормотал. Заметил на стуле чистую рубашку. Вот ведь человек — вошла в него идея, хорошая, что и сказать, но какая-то уж больно идеальная, кристальная даже. Такая чистота ставила все под удар в этом порченном, хоть и красивом, мире, думал Маня. Этот плохо знакомый человек и его престарелый, но крепкий домище отчего-то казались ему крайне уязвимыми. Словно стояли на краю пропасти, куда сдут их мог любой злой ветерок.

Когда Маня устроился на покой, подложив под больную ногу свернутое одеяло, он услышал стук двери, а еще неясный, но приятный женский голос. И, приняв все это за мираж, нырнул в счастливое сновидение.

Сашка, отправленный в тот день домой, шел медленно, обмозговывал случившееся. Во-первых, ему было немножко стыдно — за вранье. На самом деле он присвоил с десяток монет. Но если они дорогие, то, когда он отправится на поиски матери, сможет выручить за монеты настоящие деньги. А то вдруг придется купить билет на поезд или даже на самолет... Хозяин дома не стал бы его осуждать, он бы понял. Стыд вдруг превратился в чувство благодарности.

Обычно ему некого было благодарить. Однажды бабка потащила его в церковь. Чего она там забыла? Стучала своими каблуками в сырой тишине, слонялась из угла в угол, покупала свечи. Священник сделал Сашке наставление за ковыряние в носу перед святыми ликами, велел ему благодарить Бога и ткнул пальцем в Иисуса на кресте: вон он, наш Бог, благодари. Но что этот прибитый к доскам мужик мог для него, Сашки, сделать? Как он мог помочь ему? Скорее уж Сашка поможет Иисусу, раз уж ни его собственный папаша Бог, ни священник сами не могут посодействовать, чтобы того сняли с креста. Мальчик выразил сомнение вслух. Священник покачал головой. А бабка, подбежавшая, почуяв неладное, больно ткнула Сашку между лопаток. Потом она демонстративно замолчала, сжав свои накрашенные губы, и потащила внука мимо алкашей на паперти, которые отодвинулись, освободили им дорогу. Может, они даже сочувствовали Сашке, мол, злая у него бабка.

А еще Сашка думал над тем, а нельзя ли насовсем перебраться в полупустой дом, оборудовать себе там жилище. Тогда потом, когда он найдет мать, им будет где жить, по крайней мере. Бабка ее домой не пустит, это точно.

Он вырос при полном отсутствии мужчин. Для него мир состоял из бабки и теток в школе, ей подчиненных. Он любил супергероев

и полицейских из телевизора, ему нравились водители огромных грузовиков, которых они с прародительницей встречали в придорожных кафе, когда ездили на машине на отдых — в горную местность с лечебными источниками. Мужички — некоторые из них были в растянутых футболках и домашних тапочках — сосредоточенно ели, весело переругивались. От них терпко пахло потом, бензином, шашлыками. Сашка заметил, что дальнбойщики любят заказывать солянку и шашлыки, и еще кофе «три в одном», из пакетика. И просил у бабки солянку и шашлык, но она покупала ему какой-нибудь детский борщ и котлету с картошкой. А если дело было утром, то вообще кашу. Сашка не ел, стеснялся.

Однажды он упал, сильно вывихнул локоть, ему вызвали скорую помощь. Приехал усатый фельдшер и увез его в настоящую, с кроватями, больницу. В больнице ему делал анестезирующий укол другой доктор, молодой и веселый, а операцию — следующий, с серым и обвисшим лицом, но очень уверенный. Сашке даже показалось, что весь мир делится на школы, где заседают женщины, и на настоящие (не поликлиники) больницы, где все решают мужчины. Он бы хотел стать доктором. Если, конечно, его не возьмут в водители больших грузовиков. Дорога казалась ему все же симпатичней, радостней пропахшей лекарствами больницы.

Теперь, после знакомства с обитателями Каплина дома, он мог бы сказать, что хочет чинить старые дома. Это увлекательно, и можно найти клад. Ребята из класса убежали играть на старинное кладбище, нашли однажды череп. Он бы хотел с ними, но его не брали — как внука директора школы. Мало ли что. Настучит еще.

Так, увязая в рассуждениях и запинаясь о воспоминания, он дошел до дома. Директора школы еще не было. Сашка съел суп, поковырялся в салате. Потом с такой же неохотой поковырялся и в учебниках. Набросал что-то в контурной карте — и тихонечко заснул прямо за столом, положив голову на стопку книжек. Во снах к нему приходили пираты и совали в лицо черную метку, требуя возмездия. Сашка открыл глаза — бабка дергала его за руку, высвобождая помятую карту.

Увидев, что мальчик проснулся, она высыпала перед ним монеты.

— Это что?

— Денежки.

— Где ты их взял?

— Нашел. Это клад.

— Где нашел?

— В доме.

— В чьем доме?

— В старом доме на улице. Не знаю в чьем. Он был пустой. — Сашка опять немного приврал, потому что монеты он все-таки взял без спросу, а с этим у них строго. Бабка все велит вернуть. Но это полбеды — сама еще потащится возвращать. А он не хотел открывать ей свою теплую тайну, не хотел сообщать о своих друзьях, понимая, что она их точно не одобрит. И тогда — прощай мечты.

Сашка поджал губы и уставился в окно, намереваясь молчать. Ирина Аркадьевна смекнула, что Сашка уперся и ничего ей не скажет. Сегодня она устала, и злиться на внука не было сил. Хотя стоило бы. Ее мечты о кадетском корпусе рассеивались как дым, потому что Сашка ни в какую не хотел учиться. Конечно, она надавит своим директорским авторитетом, на бумаге повысит ему успеваемость. Но ее возможности не беспредельны — в кадетском корпусе есть свои экзамены, и если Сашка, получив хороший аттестат у нее в школе, провалится на вступительных испытаниях в корпусе, то позор ляжет на ее школу, на нее лично. Поэтому она измышляла способы принуждения, на которые внук не стал бы реагировать как обычно — отрицанием, сбежав с уроков, уйдя в молчанку. Эффективные методы все никак не находились. А тут еще это. А вдруг украл? Тогда уж точно она никогда от него не избавится, кому нужен воришка. Ладно, оставим пока.

— Хорошо. Я их заберу, на время. Доделывай уроки. И завтра чтобы Алиса Васильевна мне доложила о твоей пятерке. — Напоследок бабка поддела мизинцем мятую контурную карту, мол, что за неаккуратность, и покинула комнату, плотно прикрыв за собой дверь.

А вот Сашка сидел и злился. Монет было жалко! Но, впрочем, он умел открывать бабкин шкаф, наверняка туда запрятала.

Ирина Аркадьевна, прислушиваясь к звукам в комнате внука, раздумывала о педагогических практиках. А еще вспоминала Виолетту. На самом деле она знала, где дочь, — та жила в соседнем городе, не так уж и далеко, всего-то ночь и полдня на поезде. Знала, что та работает в фитнес-клубе тренером. И даже знала в каком. Знала, что у дочери есть муж и новый ребенок. И даже имела представление, где и как они живут, — специально нанимала детектива. Неплохо живут. Даже хорошо. Она могла бы сказать Сашке — но зачем? Дочь ни в какую не хотела ни забрать его, ни хотя бы увидеть. Более того, она не желала встречаться и разговаривать с матерью ни под каким предлогом. Так и сказала детективу, в непечатных выражениях. Виолетта просто-напросто вычеркнула ее из своей жизни, вместе со всеми ее педагогическими практиками.

Ирина Аркадьевна собрала свою железобетонную волю в кулак, чтобы не зареветь. Вся горечь, которая копилась в ее душе годами, могла бы выйти слезами. Может, ей бы полегчало. Но она ничего не выпускала на свободу, такова была ее натура. И горечь разъедала ее изнутри. Иногда Ирина Аркадьевна ощущала себя огромной скалой, у которой внутри одни только беспросветные пещеры и лабиринты. За что Виолетта (которая, как ей казалось, и прогрызла эти страшные дыры и ходы в ее душе) обошлась с ней вот так?! Да, как мать она была с ней строга. Ну это смешно — какая любовь в пятнадцать лет? В пятнадцать лет нужно учиться в школе, думать о будущем и слушать взрослых. Мальчика родители забрали, увезли, перевели в другую школу. Мальчик одумался, и о нем нет ни слуху ни духу. И хорошо, Саша думает, что его папа погиб в автокатастрофе, так всем спокойнее. А ее дурочка?! Невозможно смириться с тем, что часть тебя бунтует, не подчиняется,

рвется прочь, — разве же ее собственная дочь не часть ее? Иногда Ирине Аркадьевне казалось, что Сашкой Виолетта и наказала ее, и одновременно от нее откупилась — мол, на, воспитывай, делай с ним что хочешь. Забудь обо мне и помни обо мне — одновременно.

Буря не утихла в ее душе никогда. Хотя она научилась справляться с ней, хотя бы не подавать виду. Но она была директором школы все-таки, и ее мучило, что такая же невыносимая болочая горечь, такой пустынный выматывающий ветер поселились в душе ее внука, будь он неладен, лентяй и упрямец. Господи, помоги ей уже освободиться от этого мальчишки, чтобы не видеть его бесконечных мучений!..

Мать, тоскующая по дочери, и ее внук, тоскующий по матери, запертые волей судьбы в одной квартире, прислушивались друг к другу. Сашка слушал, что делает бабка, намерена ли она проверять уроки и воспитывать его. Ирина Аркадьевна села на кухонный табурет и слушала, потягивая вечерний кофе, что делает Сашка. Она не могла его любить — он выражал собой всю ее тоску, приумножал ее вдвое и делал тем более невыносимой, что Ирина Аркадьевна, сама рано потеряв мать, понимала смысл Сашкиной потери. Она не могла любить свою собственную боль, она с ней просто жила.

Когда утром Сашка собирался в школу, Ирина Аркадьевна незаметно сунула ему в рюкзак гематоген и грушу.

— Телефон заряжен? — поинтересовалась она у внука, так как была твердо намерена проконтролировать посещаемость им уроков.

У Сашки была одна хитрость против бабкиной докучливости — он «забывал» телефон дома.

— Забыл? — ехидно спросила Ирина Аркадьевна.

— Забыл, — грустно пробормотал внучек и побрел в ванную, где предусмотрительно оставил телефон, прикрыв его полотенцем.

Отсидев географию и получив четверку, Сашка слинял из школы. Он пробрался к черному ходу, но сторож задраил запасные люки. Пришлось воспользоваться центральным входом. Это был неудачный побег — Ирина Аркадьевна стояла у окна и засекла внука, крадущегося вдоль кирпичной стены к ржавой боковой калитке школьной ограды. Она постучала в окно, но Сашка не услышал, сиганул за угол, юркнул в калитку и был таков.

Ирина Аркадьевна метнулась к двери кабинета, схватив по дороге дубленку и шапку, напялив кое-как. У нее не было плана, а был порыв, педагогическая механика, отработанная годами, — догнать, схватить, наказать.

В коридоре перед ней расступились первоклашки, отпрянул от нее, летящей в шапке набекрень, физрук. Во дворе она едва не сбила с ног какую-то родительницу и, не сбавляя скорости, не оборачиваясь, прокричала:

— Извини-и-ите-е-е-у-у-о-о-о!

Сашки за углом, понятное дело, уже не было, но она увидела, как он улепетывает через сквер к дороге, и кинулась за ним по газону,

скованному снегом, цепляя елки и уснувшие зимние яблони. Куда ж его несет?! Куда его все время несет? Где он бродит? Что он видит, что слышит? Немыслимые вопросы внезапно взяли Ирину Аркадьевну на бордаж.

Сашка, удалившись от школы на порядочное расстояние, уже не бежал. Он остановился, намотал поплотнее шарф, поправил шапку, удобно устроил на спине рюкзак и не спеша пошуршал вдоль улицы. Ирина Аркадьевна сбавила шаг и пошла за внуком, двигаясь на некотором отдалении.

Мальчик брел и брел по заснеженной провинции, поворачивая то в один переулок, то в другой. Он трогал ставни, подбирал по дороге какие-то ветки, заглядывал во двory. Из одного такого дворика кинулась на него собака, но быстро юркнула обратно, потому что человек топнул ногой и смело замахнулся на нее. Ирина Аркадьевна с облегчением вздохнула, что не пришлось выпрыгивать из-за угла, обнаруживать себя.

Она не испытывала нежности к этой части города, которая была слишком уж хаотична, непредсказуема, пестра и в то же время уныла, как все дряхлеющее. Дряхлость пугала ее по причинам вполне естественным, которые заставляли кружить возле зеркала, подмазывать, подтягивать, подправлять себя, вводясь в приятное заблуждение о продленной молодости. Слово «бабушка» было у нее под запретом, и внук называл ее либо Ирина Аркадьевна, либо «ты», либо никак.

Чуть менее раздражала ее беспорядочность — кривизна заборов, выступающие части, булыжники, которые с каким-то подземным тяжелым ветром закатились в эти двory. Паршивые герани и колеусы в окнах, белье на веревках, кресла, которые кто-нибудь выставил на улицу. А летом здесь из всех щелей торчали сорняки, а на крышах — березовый молодняк. Когда-то в городе хозяйничал свирепый губернатор, склонный к порядку и даже казенщине. Он велел обрубить части домов, вытарчивающие на проезжую часть. Сейчас следовало бы все здесь снести и построить новые деревянные, экологически чистые дома. Что эта старая древесина? Черви, гниль. Антисанитария. Дворы можно перекопать, выровнять, замостить плиткой, сделать ровные газончики, как в Европе. Они с Сашкой ездили в отпуск в Чехию, там очень мило в этом смысле. Упорядоченность успокаивала, предсказывала ровное спокойное будущее. На нее можно было рассчитывать, как на преданного члена команды.

Сашка наконец притормозил, встал на обочине дороги напротив почернелого дома с новеньким крыльцом. Пропустил череду машин, перебежал на другую сторону — и прямо к дому. Взбежал на крыльцо, дернул дверь. Закрыто. Обогнул дом и исчез из виду. Ирина Аркадьевна решительно направилась за ним. Заглянула в одно окно, в другое. Взошла на крыльцо. Дом не отозвался на ее повелительный директорский стук.

— Александр! Ааалексаандррр! — зарычала она и направилась было туда, куда смылся Сашка.

Тут открылась дверь и выглянул мужик с костью.

— Ага? Хозяина только нету. А будет к вечеру. Он в разъездах, — опережая вопросы, поведал он миролюбиво строгой даме, оравшей под окном.

— Чей это дом? Почему я вижу, что мой внук сюда стучится, а потом исчезает?!

— Этого я вам сказать не могу, — равнодушно сказал мужик и вывалил на крыльцо свое грузное тело. Прислонился к перилам, достал сигарету.

— Вас что, совершенно не волнует моя претензия?

— Не волнует, — сказал мужик и закурил.

— А если я вызову полицию? В неизвестном каком заброшенном доме скрывается несовершеннолетний ребенок! В каком-то пристанище с темными личностями! Вы кто такой?! Что за вид?! Еще и с сигаретой! — Ирина Аркадьевна искала эпитеты поточнее и пообиднее. Она увидела, что мужик явно нездоров, по лицу видать — алкаш (все они алкаши), и не очень-то опрятен. Как раз под стать этой берлоге — она обвела взглядом древесную черноту толстенных бревен, зафиксировала грязные окна второго этажа. И вдруг почувствовала во все этом — и в мужике, и в доме — какую-то угрозу и надела совсем уж грубо:

— Я подам на вас жалобу. Вы бомж? Оккупируют памятники архитектуры, потом поджигают. Наркотики еще принимают. Вы вообще кто? Какое отношение имеете к моему внуку?

Полиция — это нехорошо. Но Маня Иванович (а это как раз был он) сохранял трезвость, никаких законов не нарушал. А что у невоспитанной бабы пропал ребенок, так это чей недосмотр?

— Я сейчас сам полицию вызову и сообщу, что какая-то идиотка дите потеряла. Чего разоралась? — сказал он спокойно. Притушил сигарету — докурит потом, в спокойствии, — и вернулся в дом. Дверь закрыл на засов — мало ли что.

Ирина Аркадьевна еще пошумела, поколотила в дверь, обошла строение, уперлась в остатки старинной ограды — но Сашка как будто испарился. Она, конечно, обязана сообщить о происходящем в органы. Отсюда мальчишка и монеты притащил, это же очевидно. Может быть, они вообще педофилы? Мысли роились. Нужно возвращаться в школу. Вечером педсовет. А Сашка никуда не денется.

Превозмогая безысходную усталость, которая вдруг навалилась на нее, Ирина Аркадьевна тихим шагом отправилась восвояси.

Сашка, нырнувший в тайную дверь на задах, тихо сидел в той самой кладовочке, ждал, пока бабка перестанет орать и уйдет. Отсидев с полчаса, он вышел — в дом.

Маня Иванович, который мазал в это время ногу вонючей, но очень лечебной мазью, вздрогнул, увидев всклокоченного Сашку.

— Так это ты, что ль, потерялся? — До него только дошло, что Александр — это, как есть, Сашка: — Мать твоя?

— Бабка.

— Ничего себе бабушка! — присвистнул Маня Иванович, который, несмотря на острую ситуацию, вполне смог оценить приятный «фасад» скандалистки.

— Зато мама у меня добрая, — уверенно добавил Сашка. Он мог бы прямо сейчас выложить свою историю и свои планы. Но решил дождаться Марата и перевел разговор: — Может, еще клады поищем?

Маня Иванович отставил в сторону пахучую баночку.

— Я, малец, свой клад уже, похоже, нашел.

На улице темнело. Хлопнула вдруг входная дверь. Забился легкий женский смех, замельтешил, как снег в окнах. Сашка к тому времени, налазавшись по дому, напившись потом кофе из пакетика «три в одном», который любезно набодяжил ему Маня, устроился на широком подоконнике в зале с лепниной на втором этаже и закемарил.

Маня Иванович разбудил его — нужно было отправлять пацана домой, а то бабуля и впрямь заявление напишет. Сашка нехотя натянул куртку, желая продлить тепло, которое накопил в дреме. Бабка ему, конечно, устроит. Но это ничего, скажет, что шатался по городу. Жаль только, что не поговорил с хозяином, но на втором этаже зато уже присмотрел для себя и мамы большую комнату, которая ему очень понравилась.

Мальчик шел, покачиваясь, до конца не проснувшись. Он чувствовал, что в доме позади горит свет, что Маня Иванович еще не закрыл дверь, смотрит ему вслед. И так, даже отойдя от дома на почтительное расстояние, он спиной, затылком словно улавливал доброе свечение коридорной лампы. А войдя в свой двор, взглянул в окно собственной комнаты. Шторы раздвинуты, между ними — фигура, замерла, не шевелится. Вот бы это была мама! Но фигура выбросила руки в разные стороны, схватилась за половинки штор и резко дернула, захлопывая глазик окна. Бабка. Увидела. Сашка вздохнул и поплелся к подъезду.

Ирина Аркадьевна утерла слезы, приняла свой обычный воинственный вид. И, сняв цепочку со входной двери, заняла удобное для нападения место в кухонном проеме.

Глава 17. Деликатное дело

Дягилев и Дон Педро не пришли в назначенный день. Потому что накануне перебрали.

Через день, приведя себя по возможности в порядок, Дягилев собрался навестить Маню Ивановича, извиниться и обновить их договоренность. Дон Педро не мог пойти, так как его похмелье в этот раз было очень нездоровым.

Возле дома топтался какой-то мужик. Рожа грубая, не сулящая ничего хорошего, отчаянная. Дягилев таких побаивался. Всяких людей встречал он в своих скитаниях, но граждан с таким вот опасным огоньком всегда избегал. Люди как люди, но что-то в них было не то, порченность, что ли, какая...

Хотел проскользнуть, но мужик его окликнул.

— Слышь! Не покурим?

— Покурим, не вопрос. — Дягилев полез в карман пуховика, вынул зажигалку, но сигарет не нашел. Забыл, однако, на базе.

— Мои покурим. — Мужик протянул пачку.

Вот странно — сигареты есть, а прохожего тормозит, подумал встревоженно Дягилев и спросил:

— Так ты компанию, что ли, ищешь?

— Можно и так сказать. В одну харю дымить скучно. Типа того. Хозяев не знаешь, случаем? — Мужик ткнул пальцем в Каплин дом.

Дягилев, который ничего хорошего от мужика не ждал, поскольку по наколам на руке определил сидельца, решил схитрить.

— Не, не знаю. Товарищ послал предупредить, что прийти не сможет — работает он тут, на доме, по строительной части.

— Заброшка же? Нет? — Мужик прищурил темный глаз.

Дягилев сообразил, что дело нечисто — так прищуриваются, когда что-то знают, а тебя просто хотят вывести на ответ. Но виду не подал.

— Восстанавливают исторический памятник вроде. Один архитектор в наследство получил, так вот и старается. Семейный особняк, што ль, мастерит. А тебе работа нужна?

— У меня, по ходу, дело деликатное. А платят хорошо?

— Платят вроде.

— Давно мастерят?

— Да вроде нет.

— А документы есть? Или так, самодеятельность?

Мужик собирался длить разговор, Дягилев это понял. И вдруг ощутил какой-то щекотливый интерес. Нутром чувствовал — надо валить, но любопытство и еще что-то, скрытое за любопытством, заставили его задержаться и спрашивать:

— А какой у тебя интерес? А то, может, и у меня какой интерес найдется...

Мужик кивнул, мол, пойдем, и пошаркал к остаткам усадебного забора. Он встал за белой колонной так, что его не было видно ни со стороны дома, ни со стороны дороги. Конспирация. Дягилев уважал людей, которым было что скрывать. Он и сам втянулся за другую белую колонну, и так они стояли, прилипнув к беленому камню спинами, и смолили крепкие сигареты. Их разделяла пара метров, и тихий голос нового знакомого четко долетал до ушей Дягилева, обыденный, невыразительный:

— Подчистить тут надо, гадюшник разгрести. Серьезные люди платят серьезные деньги... — Он назвал сумму, очень тихо.

Дягилеву показалось, что это шутка — многовато денег за что бы то ни было. Он присвистнул.

— И за что столько дают?

— За санитарно-эпидемиологические работы.

До денег Дягилев не то чтобы был жаден, но сумма изрядная. И он позавидовал. На металлоломе столько не заработаешь, мусор разгрести

тоже невелика деньга. А вот если бы за раз столько, то и кое-что в жизни наладить можно было бы. Что конкретно наладить, он не прикидывал — так, наладить жизнь вообще, чтобы текла веселее. А то и, глядишь, можно забронировать участок на кладбище, и памятник заранее купить, и все такое. Застраховаться, объемно говоря, на последующее существование. Можно присмотреться еще при жизни, понять, как лежать будешь, какие птички тебе посвистывать будут. А то и белки заглянут. Из деревьев он предпочитает рябину, но можно и сирень, пушистую, белую, с душераздирающим ароматом. В ботаническом саду тоже можно купить заранее и посадить на участке. Ну и оградка, конечно. Не с пиками — с пиками как-то хищно, а с кругляшами металлическими, чтобы птичкам удобно сесть и напевать. Н-да. Можно тогда, наверное, и домой вернуться, в свою квартиру. И зажить, зажить...

— Интересно? — вдруг вытащил Дягилева из мечтаний голос резкий и крепкий, похожий на кнут.

Дягилев смутился, потому что ничего не ожидал, просто плавал в мечтах. Он даже не дошел еще до того места, где начал бы прикидывать, а на что он, собственно, ради таких деньжищ согласился бы. И он спросил:

— Помощник нужен?

— Ну как сказать... не помешал бы.

Мужик ничего не говорил конкретно, все как-то обплывал, обруливал любую конкретику. Дягилев начинал раздражаться.

— А что делать надо?

— Не сильно хлопотные дела.

— Ну а конкретнее?

— Огоньку добавить. Очищение огнем — слышал? Местечко прекрасное, застроится махом. Всем будет хорошо.

Дягилева окатило холодом — от того, что он сообразил: он ведь давно понял, куда клонит мужик, но слушал его и даже примерял к себе возможность заполучить крупную сумму. Понял по тому, как тот юлил, как посматривал из-за ограды на дом — оценивающе, но равнодушно. А поняв, не отверг, а продолжал слушать, надеясь устроить жизнь за счет возможной прибыли. Но, с другой стороны, это разве преступление — хотеть хорошо жить? Все хотят.

Дягилев выглянул из-за своего столба, окинул взглядом Каплин дом. Он уважал порыв Мани Ивановича. Да и намерения архитектора были ему понятны. Но, с другой стороны, мало ли горит вокруг деревьев, одной больше, одной меньше. И о пользе этого, от ветра шатающегося, хозяйства он бы поспорил. Живали и в таких. Бытовых условий никаких, да и страшновато ночевать, особенно если по всему видно, что осталось избушке недолго: кажется, что пространство наводнено голосами, перед которыми даже и чужаку приходится держать ответ, мол, чего заявился. Дягилев не был суеверен, но кое с чем необъяснимым в жизни он встретился.

А если бы и скормить огню все это нехитрое хозяйство? Архитектор купил бы себе квартиру, как обычный человек, да и жил бы. Чего

нейдется? Наверное, денег много, девать некуда. Маню, конечно, жалко — пристроился он уже, обжился, это сразу видно. Но и для него местечко найти можно — не в землянке на металлобазе, так в доме инвалидов, а то и на квартире самого Дягилева: ведь если он такую кучу бабок получит и все устроит, как мечталось, то вернется в свою хату и Маню туда на вечное жительство прихватит. А то и завещает ему квартиру в наследство. Для Мани это просто благоденствие. Так еще и женится, глядишь.

Сценарий больше не казался Дягилеву таким уж пессимистичным. Идея сама по себе, рассуждал он на скорую руку, плоха быть не может. Плоха она только последствиями. А если по факту и плохого ничего не произойдет — все будут при квартирах, хозяин, как знать, может тоже не сильно пострадает, землю продаст строителям, — то зачем же нагнетать? А может, произойдет только хорошее — обновится город... Мысли вползали змеями.

— Надумал? — вторгся мужик в свободное пространство размышлений Дягилева и поставил мыслителя перед выбором.

— Телефончик мой зафиксируй. — Дягилев спешно, сбиваясь — в глотке пересохло, надиктовал мужику номер и шумно, скрипя сухим, похожим на хирургическую вату снегом, двинул прочь от дома. С одной стороны, он надеялся, что новый знакомец позабудет о нем. С другой — понимал, что он уже ввязался в какую-то неприятную историю, и чувал шкурой, что продолжение будет.

Мужик тем временем вышел из-за колонны и стоял, рассматривая окрестности. Да, денег они со свояком здесь поднимут...

Жека был рад, что дурак сам приплыл к нему в руки. Таких дураков он вычислял на раз — по глазам, по разговору. Была в них какая-то слабость. Бельмо, пленочка как будто бы прикрывали гнилую ямку: надавишь чуть — и потечет. Жека, обратиться к нему жизнь другой стороной, мог бы стать человековедом — психологом каким-нибудь. У любого сразу вычислял слабое место, а если и не сразу, то подбирался к человеку, испытывал, надавливал, ввергал в неблагоприятную ситуацию. Ему нравился страх, который возникал у жертвы благодаря какой-нибудь неожиданности.

Провокации, которые он называл «прививочками», снискали ему расположение в кругах соратников по нарам — когда он бывал им полезен. Но также и ненависть — когда он действовал в интересах, им противоположных. Впрочем, Жеку мало волновало и то и другое. С каждым годом у него становилось все меньше поводов для волнения и сомнения. Он отмечал это в себе с гордостью, присваивая этому качеству, которое иной отнес бы к равнодушию или гордыне, свойство силы характера. На зоне он повидал всяких людей. И в самом железобетонном сидельце умел высмотреть слабость. Со временем Жека пришел к выводу, что непорченных людей вообще нет. Он с большим интересом посещал лекции о всяких грехах, которые зычным голосом

читал отец Иоанн, приглашенный поп. И по тому, как противно дрожала Иоаннова борода, когда после работы тот принимал обед в компании зоновского начальства, Жека еще больше убеждался, что нет в обществе людей чистых.

К сорока годам он научился презирать всех без исключения, не оставляя людям права на слабости. И презрение это граничило уже с ненавистью. Кому он мог ее адресовать? Кто создал человечество таким? Ну а раз так, то и любое действие, даже и самое непотребное, может быть оправдано. Значит, и в плохом нет, в общем-то, ничего плохого — зло обыкновенно, и где-то в этой обыкновенности границы его размываются до степени неразличимости. И вот тебе человечек — ни то ни се, гора мяса, умрет, да и пускай, чище вокруг будет.

И для себя Жека не мыслил никакого будущего: один раз живет — надо жить, значит, вольготно и сыто. А для этого нужны деньги. Никаких других пристрастий Жека не имел — не обзавелся.

У Дашки-дуры мужик без понимания, но хотя бы смиренный, сговорчивый. И сеструхе хорошо, и Жеке — Толику выпадали не очень приятные поручения, которые он ради семейства время от времени выполнял. В этот раз Жека справился бы и без Толика — но связующим звеном была его сестра Раечка, а значит, никак Толика не кинешь. Ну ладно, тот займется матчастью — сделает зажигательные бутылки, передаст их исполнителю. Главное, чтобы бомжик не передумал. Но рожата у него не сильно здоровая, кочумает где-нибудь на теплотрассе. Денег он ему отдаст маленько, четверть от обещанного, это Жека сразу продумал. Но и то, для такого отброса — нормально. Перепиться вусмерть хватит. Да уж сразу бы наверняка, и никаких тогда тебе свидетелей...

Жека натянул шапчонку поглубже, воротник поднял — для конспирации — и выскользнул из глубины квартала на тротуар. Надо было навестить Нольберга и забрать у него аванс.

Нольберг больше не хотел встречаться с «пролетариатом» — так он называл про себя Толика и Жеку. Поэтому, когда те заявили, охрана не пустила их в здание. Навстречу визитерам спустилась Раечка. Так и подозрений меньше — может, к сестре брат по семейным делам пришел. Раечке было поручено передать конверт.

Нольберг подошел к окну кабинета и смотрел на серый пустой мир. Ярость его улеглась. В конце концов Агата сама освободила его от необходимости признаваться в чем-то — во всяком случае, произносить вслух собственную вину. Его отношения с Элеонорой были привлекательны. И, наверное, он мог бы на ней жениться — люди его положения могут позволить себе такую роскошь, как женитьба на Афродите, усмехнулся Нольберг, даже если богиня не слишком умна и пусть даже глупа. Ему совершенно не интересен ее ум. Умные женщины все усложняют и только прикидываются покладистыми. Агата умна. Те годы, пока они были вместе, он об этом как-то не думал. Но при этом всю их общую жизнь предполагал, что она совершенно

безвольна, ей ничего особенного не нужно и она вообще не способна на какую-либо самостоятельность. С чего он это взял?

Зато теперь легко будет оправдаться и перед отцом за собственные похождения — если о них вдруг пойдет речь. В конце концов, не он, формально, начал все это — он застукал жену, а не наоборот.

Он думал о разных способах мщения. Может быть, он даже не разведется с ней, а будет назло присутствовать в ее жизни. Ему не давало покоя то, что с Агатой случилось нечто странное и, может быть, редкое.

«Как это возникает? — думал он. — В какой момент чужие люди способны взглянуть друг другу в глаза с оглушающей тишиной страсти?» Он предвидел, что такое может происходить не только с другими людьми, но при каких-то особых обстоятельствах могло бы случиться и с ним. Болезненное любопытство возвращало его воображение к тому моменту, когда неприятная новость о жене только дошла до него. Он так же стоял у окна, день точно так же остановился в нелепой пустоте и никуда не двигался. Тогда он был разозлен и растерян. А теперь? А теперь, кроме всего прочего, он чувствовал и разочарование, почему это случилось не с ним. Элеонору он не любил, она его тоже — в этом он не льстил себе. Виктор вдруг понял, что если собрать все в кучу, то чувствует он не что иное, как горькую зависть.

А может быть, его собственная жизнь как раз нуждалась в чем-то таком — в поступке, который сломал бы привычный быт, вверх бы в хаос все, что вертелось по правилам, установленным до него. Он даже примерно знает, что скажет отец, узнав о его семейных сложностях: это все, на что ты способен? Наверное, он уже знает, наверное, ему уже донесли, намекнули и скоро он придет выразить свое презрение. Только не здесь, не в такой казенной обстановке!

Виктор накинул пальто и быстро уходил по красным дорожкам. В этом стоячем воздухе, казалось, и дышать-то нечем.

Но во всей этой истории особенно раздражал его дом, который, сколько бы он о нем ни думал, вызывал, поднимал из какой-то глубины ощущения детства. Вот и сейчас вспомнилось, как мальчиком он любил слушать разговоры на взрослых посиделках — на их просторную новую деревянную дачу съезжались гости, мужчины и женщины. От них исходили разные ароматы, их голоса разбредались по всем комнатам, мешались со скрипами дома и смолистым духом. К вечеру от ветра начинали громко скрипеть еще и сосны на участке или дождь бил в стекла веранды, раздавал оплеухи металлической крыше. И еще долго после отъезда гостей ребенок ловил незнакомые запахи и слышал чужие голоса повсюду — царство теней, доступное лишь мальчишке. Эти ощущения утверждали невероятную глубину окружающего мира, который в худшие моменты его крошечной жизни казался простым и плоским. Ощущения были мимолетны, но дарили такую свободу, что в ее определенности даже большой отец казался мельче и не таким суровым. Потом от этой дачи избавились, предпочтя ей кирпичную крепость, домище вычурного дизайна. А он, десятилетний, еще долго вспоминал, как сидел в таинственной кладовке соснового домика,

переставляя банки с соленьями, или прятался за лестницей, или, засыпая, наслаждался застольными песнями и непонятной беседой взрослых. Позвякивали рюмки, стучали вилки, прорывал нежную ткань вечера легкий женский смех. Потом мальчика подхватывали теплые руки и уносили куда-то, в кудрявую страну сна. Вслед ему скрипели добрые деревья.

Но как будто все это сейчас имело значение... Все давно забылось, легло где-то на дальние полки памяти, изредка подавая жалкие сигналы, возвращаясь, как в небытие, к дачным сквознякам. Это лишь сентиментальность, отвлекающая от реальной жизни. Если бы у них оставалась еще эта дача, он бы, наверное, сжег ее.

Для человека, знающего разные города, этот сохранял предельную независимость — для него не получалось придумать короткую и емкую, удобную характеристику. К этой мысли Марат приходил каждый день.

Сравнивать его с Москвой и в голову не приходило — в ней в основном делали карьеру. Москва для него была жива в старых снимках, которые раскрашивали теперь нейросети, и во всем старом, что еще не успели окончательно и грубо подновить. Где-то в исторической глубине спрятала она, как в земле, свои прекрасные корни до лучших времен. Стояла теперь, огромная, ни жива ни мертва, пока напяливали на нее целлулоидные, промышленно изготовленные, кичливые сарафаны. Сердце ее как будто уснуло, редко билось. И когда-то кто-то, может, и расплавит ее пластиковый многослойный гроб, достанет широкий, роскошный, противоречивый город — и все станет по-старому. Тревожные и одновременно умиротворяющие картины, которые мерещились Марату в остатках прошлого — например, в черноголовых церквях с неровными стенами, в трогательной кривизне переулков, — остались детским сном этой нынешней Москвы, спящей царевны из бог весть какой сказки.

Да и что она? Лишь один город среди других, просто больше. Все остальное — огромные пространства вокруг, вся эта движущая сила — дышало и ворочалось, требовало к себе. Оно — невероятных широт провинция — внушало человеку самого себя.

Марат объездил множество городов и городков. В каждом находил свой характер. Его собственный город был не таким податливым, сопротивлялся очевидным характеристикам, был текучим, как реки, проходящие через него. Здесь не было мягкой силы Владимира, озвученной рыками каменных зверей, бредущих по белым стенам. Не было грубых объемов Екатеринбурга, перемеренного пролетарскими линейками. Не было, с другой стороны, и призрачности Улан-Удэ, который, казалось, так и не стал оседлым и при любой возможности готов откочевать, покотив перед собой огромную каменную башку с центральной площади.

Здесь природа не вторгается в город, не испытывает его, не противоречит ему — она объединена с ним чем-то покровительственным.

Кровью, может быть. Она его нянчит, и суровость ее — льды, ветра — никак не отменяют ее любви. А когда речь заходит о том, что этот город уютен, то старожилы поднимают брови или усмеваются: в чем уют?

Люди этого города выражают его характер — они противоречивы, упрямы, не согласны друг с другом. Но в общем добры. Их действия в общем направлены к созиданию — город чист, достаточно обихожен, хотя его новые районы все больше приобретают скомороший вид: не имея перед собой общего плана и воли, его направляющей, люди создают пеструю несогласованность, которая сначала радует их непрехотливый глаз, а потом начинает раздражать. Но разрастается кустарник, появляются сосенки, закипает зеленая пена газона под ногами — и вот уже все примиряется между собой, существует гармонично. Может быть, это стоит назвать привычкой? А может, это нечто большее, шаманизм.

Уютно ли здесь? Это как посмотреть. Иногда уровень уюта зашкаливал — когда Марат, например, шел через мост мимо тех мест, где сидел с приятелями в засаде против зареченских мальчишек. Или стоял на остановке, которую поставили в паре метров от того места, где нашли скелет волка, державшего в лапах человеческий череп. Газон у райсовета красовался чистейшим снегом, деревья разрослись, создавая замысловатую геометрию веток и веточек.

Но чаще ему казалось, что никогда не бывало здесь уютно — как не бывает уютно вообще в российской истории. История — способ, которым человек может быть проявлен в природе. Он выпрастывается из нее, как из пеленок, и делает свои глупости или совершает свои подвиги. Иногда одно неотлично от другого, иногда лишь спустя время становится понятно, что глупость была подвигом или наоборот. Город — это целое собрание историй в парадигме одной, большой и замысловатой, в которой он, как создание, бунтует, мечет и рвет. Он идет с обозами в Монголию, поднимаясь и спускаясь по Круго-морскому тракту, по Старокомарской дороге, взбираясь на перевалы Хамар-Дабана, скатываясь в долины прозрачных диких речушек. Он мечется, как заяц, по заснеженным степям, спасаясь то ли от местных духов, то ли от собственных грехов. Пускает корабли по северным рекам в надежде на нечто такое, чему и во сне не присниться. Рвет зеленое тело тайги выстрелами, собирает соболей. Моет злое золото, качает черную нефть там, где сам черт копыта отморозит. И ради чего?..

А ради чего он сам бросил привычное и перешел на сторону непривычного? Просто что-то здесь толкает человека к авантюрам. Что-то здесь всегда манит, обещает разгадку, тревожит тайнами — их не перечесть. Даже здешние памятники нетривиальны: бюсты местных святителей больше похожи на портреты суровых первопродцев или генералов, украшенные непреклонным и даже жестоким выражением святых лиц. Адмирал Колчак, исполненный на деньги уголовного авторитета, упрямо задумчив, уставился на пешеходную дорожку, а под ним фигуры — красноармеец и белогвардеец — застыли

с оружием в отрешенных позах, слизанных ваятелем с ассирийских барельефов.

Да и предок, купец Каплин, был склонен к риску. Как и другие, наживался, на чем мог, держался за ухваченное, снаряжал суда, договаривался о поставках в Европу, рисковал в Азии, сам ездил на прииски так глубоко на север, что о нем не слыхивали до полугода. Бывал жесток с работниками. Особенно приисковые, чьей силой он приобретал свои основные богатства, поражались то его беспощадности, а то — отходчивости. Каплин кое-что построил в городе, может теша самолюбие перед соседями, может замаливая грехи, а то ли просто так, из гордости. И что был за человек? Хороший? Плохой? Марат не торопился с ответом. О предке он знал по книгам: мол, меценат, большой торговец, снаряжал суда, — тема модная, краеведы поработали. Старших родственников не осталось в живых. Родители о Каплине знали мало — не интересовались. Семейная легенда сохранила только это темное крылечко, только мутные, туманные воспоминания о запросто убиенных. И всякий раз, когда Марат приближался или отходил от Каплина дома, чувствовал он, будто кто-то провожает его или же, по обстоятельствам, встречает. Ничего не умерло. Все продолжало быть.

Конечно, скорее всего, это Маня Иванович выглядывал из окошка или курил на крылечке или за домом, пуская душный дымок. Но, собственно, и сам Маня Иванович, странный новый знакомый, был Марату как посланник, сопутчик-проводной — то ли в загробном мире, то ли в мире между живым и мертвым. В утерянное прошлое страшно заглядывать в одиночку.

...Да и вообще, в старинных городах как в лесу: зачастую, когда тебе кажется, что тебя что-то преследует, чаще всего это ты сам.

Однажды днем, когда натянуло большую снеговую тучу и в воздухе остро запахло большим снегом, в Каплин дом постучали. Громкий, официальный стук. Марат накануне уволился наконец из театра, режиссер пожал руку на прощание, сочувственно заглядывая в глаза. Назавтра была назначена встреча с Еленой — следовало решить, что делать с бюро. Он обдумывал, каких клиентов заберет себе, как они станут работать, смогут ли работать вместе или же стоит окончательно исчезнуть из ее жизни. Рука его между тем бродила по старым шершавым чертежам, словно желая скорее приступить к настоящему большому делу. Намечался снос лишних, советского времени, стен, сделавших из комнат клетушки.

Маня Иванович у себя строгал что-то самозабвенно, ронял то ли костыль, то ли инструмент, ругался.

Марат вздохнул и впустил гостя.

Перед ним оказался полицейский. Робко вошел, протиснулся между старой мебелью, которую Маня Иванович обрек на выброс — дешевые корпусные изделия, уже непригодные к починке. Полицейский оглядывал дом, потрогал обнажившуюся дранку.

— Починим, — пообещал Маня Иванович, выглянув из своего угла, не рассмотрев еще, что человек-то в форме. Перед полицейскими Маня Иванович по привычке бездомного просто бы сник и молчал, как беспомощный одуванчик.

Старший лейтенант Сережа (а это был именно он) оробел, хотя по натуре и должности был не робок. Он снова чувствовал себя мальчиком, которого бабуля водит в парк кататься на колесе. Детская часть его, которая никуда не делась, гнездилась где-то, пряталась под форменной курткой, охотно откликнулась на знакомый запах преющего дерева.

— Кто хозяин? — спросил он сурово, а дыхание перехватывало.

Марат поднял руку, будто бы его попросили проголосовать.

— Жалоба на вас поступила. От директора школы номер... — Сережа замялся. Он забыл номер школы.

— Ага... — недоуменно-вопросительно сказал Марат и, широко открыв дверь в свое жилище, пригласил непрошеного гостя войти и присесть.

— Надо взять с вас объяснение.

Жалобу накатила Ирина Аркадьевна. В жалобе был сплошной сумбур — и лейтенант Сережа это понимал. Ирина Аркадьевна уверяла, что малолетние школьники бегают в опасных необитаемых местах вроде Каплина дома. И, наверное, даже пропадают там, во всяком случае, ноги точно могут себе переломать, а то и попасть в руки неких преступников, которые могут их, например, похитить, а то и чего похуже. Она жаловалась еще, что в необитаемом доме на нее напал мужчина, который грубо разговаривал и курил ей прямо в лицо.

— Я не курю, — ответил Марат, которого ситуация начинала забавлять. Он понял, что с визитершей разговаривал Маня Иванович.

— А кто-то еще здесь проживает?

— Мой сосед. Работает на меня, памятник истории, как видите, восстанавливаем.

Маня Иванович приковывлял и стоял в дверном проеме, рассматривал ситуацию.

— Я разговаривал с одной дамочкой. Пришла, обругала рабочего человека, инвалида, — это вот к чему? — возмущенно прогундосил Маня.

— Так дети здесь не пропадали? — спросил Сережа и, поняв, что спросил какую-то глупость, застрочил буковки в своем блокноте. — Надо будет отчет составить. Вас вызовут.

Он выспросил все, что предполагал протокол. У Мани Ивановича был свежий, недавно по настоянию Марата полученный паспорт, который он с большим удовольствием предъявил. Марат выкатил на стол документы на дом. Лейтенант все посмотрел, потом обратил внимание на старые чертежи.

— Все законно, не волнуйтесь, — уверил Марат.

Но Сережа ни о чем таком и не подумал, ему просто было интересно. Он кивнул. А уходя, уже на пороге, спросил:

— Дранку будете убирать? Чистые бревна лучше.

Глава 18. Визит

Убирать drankу поручили Дягилеву и Дону Педро, когда они наконец заявили. Маня Иванович, бывший в этот день за хозяина, строго поинтересовался, почему это они отсутствовали.

— Приболел товарищ, — кивал Дягилев в сторону Дона.

Это было правдой. Но правдой было так же и то, что товарищ вполне мог позаботиться о собственной персоне. Просто Дягилев чувствовал себя не в своей тарелке. Он понимал, что в его жизни произошла какая-то перемена и она была нехорошей. Поэтому ему приходилось шутить, ломать комедию больше, чем обычно, скрывая события собственной души. Всю неделю он ждал рокового звонка. Он чувствовал себя в ловушке.

А когда позвонили, он не сказал «нет». Он промолчал в трубку и теперь успокаивал себя тем, что не сказал и «да». Но внутри понимал, что в отказ уже не пойдешь, что выдал себя, много о себе рассказал и его найдут, если захотят. Но можно просто смыться из города, уехать, наконец, в деревню к тетке... В общем, ему пока было чем себя успокоить. Поэтому он отделял от стены drankу, шутя изо всех сил. Тем более что Дон Педро снимал drankу молча. У него, ко всему прочему, резался зуб мудрости, ему было не до разговоров.

Марат приехал домой к вечеру. Он уладил дела в бюро.

Он не удивился, что Елена обрадовалась его появлению, — она могла решать текущие дела, но двигателем процесса с самого начала был Марат. Клиенты приходили именно к нему как к человеку, который из малости мог создать нечто значительное, современное.

Они договорились работать как раньше. У обоих, собственно, не было выбора. Елена не привыкла наниматься на работу, а Марату нужны были средства, в том числе и на дом.

— Ты все старину поднимаешь из тлена и праха? — иронизировала Елена, отмечая, что муж, пока еще не бывший, выглядит хорошо. И она знала эту его умиротворенную улыбку. И она ей не нравилась.

Женская интуиция, которой Елена демонстративно, как прагматик, не доверяла, тыкала ее носом в эту улыбку: мол, что-то ты упускаешь, мол, он уже счастлив и без тебя и к тебе не вернется. В какой-то момент у Елены кольнуло сердце: у него, наверное, кто-то есть.

Эта мысль, конечно, отравила ей встречу с Маратом. Но она хотя бы закончит дела, обеспечит себе нормальное существование — а затем разберется и с другими проблемами. И все выяснит... Пока они листали бумаги, лущили какие-то папки, как гороховые стручки, Елена поглядывала на Марата, пытаясь прочитать что-нибудь на его лице.

Впрочем, ее неведение не было долгим. Когда они завершили бумажные дела, Марат сказал:

— Я кое-кого встретил.

— Боже, какая типичная фраза! Судя по типичности, ничего особенного? — Елена была ядовита и в быту, но когда дело касалось задетых чувств, в ней просыпался целый клубок злобных тварей.

— Особенное. И я хотел бы побыстрее уладить наши дела.

Он подразумевает развод! Елене хотелось взвизгнуть, но в ней жила железобетонная уверенность, что никогда, ни перед кем нельзя выказывать своих горьких чувств. Это непременно сочтут за слабость, которой не грех воспользоваться.

— Быстрее — это как? Чемоданы ты уже забрал, машину тоже...

В таких ситуациях, знал Марат, хорошо срабатывало молчание. Но только не сейчас — сейчас все нужно было выяснить однозначно, навсегда. Освободиться. Конечно, он думал об Агате. Но Елену он оставил не из-за нее. Эти два события — расставание и встреча — были почти не связаны.

Елена включила кофемашину. «Тыр-тыр-тыр», — стонала машина, покачивалась. Она была неисправна, хотя кофе еще варила. Никто не отвез ее в сервисный центр. Такого не могло бы случиться раньше, когда их жизнь была равномерной и предсказуемой. Елена бы всучила ему эту чертову машину, и он бы как миленький отправился на другой конец города. Да, с Еленой надо расстаться побыстрее.

— Завтра едем. Торги, дают большой заказ — несколько домов, садик. Недалеко от тебя, кстати. — Елена хлопнула кофе. — Надо быть. Будешь? Обязательно будь. Возражения не принимаются. Ты нужен. Без тебя ничего не выйдет. Кто им объяснит? Пойдем с застройщиком, Петр Павлович без тебя не согласен. Ты точно будешь? Не опоздай! Костюм чистый есть? И рубашка? Побрейся...

Марат не стал ждать окончания тирады, которой Елена выражала не заботу, а скорее презрение и заостряла свою значимость. Но все это были манипуляции, хорошо ему известные.

— Проехали! На встрече буду, — раздраженно сказал Марат. И вышел, не прикрыв за собой дверь.

Его волновал вопрос, который он, похоже, сам себе задал впервые: а какое у него будущее в старом новом доме?

Назавтра он оделся сообразно случаю — модно и с божемной оттяжечкой, чтобы не слиться с подхалимской скукой синих костюмов. Его забавляла черта молодых чиновников форсить, но с оглядкой на начальство. Здесь уже целый год господствовала клоунская мода на синие костюмы — пиджак в талию, узкие и короткие брюки.

Дорожки привычно глотали человеческие шаги в просторных коридорах. Елена в этих коридорах всегда казалась выше, стройнее.

Они зашли в приемную, где сидела секретарша.

— Раечка, как жизнь? — улыбнулась Елена.

Раечка завела глаза вверх, под искусственные ресницы, пышностью с султанское опахало: мол, еще спрашиваете. А потом разулыбалась, выставив на рассмотрение крупные красивые зубы, и промолвила:

— Пять минуточек. Приглашу.

Секретарша была похожа на царевну из русских сказок — кровь с молоком, дородная, нарядная.

Тем временем подкрался и Петр Павлович, директор производства, — крупный мужчина в сером дорогом костюме, сидевшем, правда,

не очень. Он был большим профессионалом своего дела, знал стройку от и до, но ему с трудом давались и ношение таких костюмов, и разговоры, которые нужно было вести в этих стенах.

— Марат Сергеевич, о, ну отлично! А то как бы не знаю, кто, что. Им же объяснять на каковском? Вот и я говорю... Что понимают? Кто? Что? Одни какие-то виньетки...

Марат пожимал его теплую широкую руку, когда открылась дверь и фигура обозначилась в проеме, совершенно темная, высвеченная как силуэт ярким солнцем из окна напротив. Потом она шагнула в сторону, освободив свет, и стала обычным человеком — женщиной в черном пуховике и клетчатом шарфе. Агатой.

Следом вышел в приемную человек с сонными глазами — Нольберг. Марат встречал его раньше, строительные вопросы решались и в этом кабинете тоже.

Марат улыбнулся и двинулся навстречу Агате, но она, словно его не узнавая, резко шагнула к двери, ведущей вон из приемной, и ее поглотил коридор.

На миг, на мгновение, которое и не заметить, не отсчитать, казалось бы, человеку, в приемной зависла тишина. Елена, будучи чувствительной к таким колебаниям, насторожилась и посмотрела на Марата, который пытался сохранить непроницаемый вид. Но ее то не обмануть. Елена быстро связывала узелки, а взглянув на Нольберга, заметила в его как будто сонном взгляде цепкий интерес, адресованный ее мужу. Так же она заметила, что Раечка свела и развела свои нарисованные брови, перехватив взгляд шефа, взглянула на Марата — и засуетилась, предлагая кофе, или чаю, или воды. В другом случае Елена подумала бы, что дело в работе или хотя бы в этом несчастном наследстве, куда съехал Марат, — торчит ведь посередине города, всем мешает. Но вышедшая женщина меняла все дело. Елена повела разведку.

— Может быть, мы вас прервали? — сказала она вдруг извиняющимся тоном, изучающе глядя на Нольберга.

— Нет. Это моя супруга, заходила по семейному делу, — строго ответил Нольберг, забирая с Раечкиного стола толстую красную папку. Он посмотрел на Марата, словно адресуя ответ ему.

— Так чаю или кофе? — вмешалась Раечка, предотвращая опасность, которая, по ее мнению, могла последовать при встрече, как она догадалась, соперников.

Елена сглотнула комок, который подкатил к горлу, ей, в принципе, стало все понятно, детали роли не играли. Она ожидала теперь самого неприятного. И даже сразу подстраховалась, представив Марата как партнера бюро и своего мужа — если что, то она такая же пострадавшая. Какое-то действие это произвело. Елена, правда, не поняла какое — Нольберг вздернул брови и вздохнул, и все.

Они расселись за большим столом. Мужчины сидели с непроницаемыми лицами. Нольберг безмятежно листал поданные ему бумаги, сверяясь с чем-то в красной папочке. Но атмосфера накалилась, и даже

простодушный Петр Павлович, который, глядя на лица, старался быть таким же невозмутимым, в конце концов заерзал на стуле.

Наконец хозяин кабинета поднял голову.

— Ситуация у нас изменилась. Новое строительство предполагается на большей площади.

Послышался свистящий звук — это облегченно выдохнул Петр Павлович. У Елены внутри напряжение тоже ослабло — больше земли, больше объектов, больше работы и больше денег. Елена на минутку подумала даже, что ошиблась, связывая свои узелочки, что вся эта драма молчания в приемной — выдумка ее воображения. Этого Нольберга она видела несколько раз в жизни, он сын старшего Нольберга, который имеет значительный вес и с кем, конечно, стоит поддерживать нерушимый мир. Елена успокаивалась и даже отхлебнула чаю, который Раечка все же принесла.

Тем временем Нольберг вывел на экран ноутбука изменившиеся планы и повернул экран к посетителям. Петр Павлович полез в карман за очками, Елена открыла свой ноутбук, вознамерившись сравнить схемы. Марат даже не пошевелился. Он только взглянул на экран и уже все понял.

По новому плану в городе не было дома купца Каплина.

Глава 19. Навсегда

Невероятная, простая и оглушительная месть. Настолько беззастенчивая, что даже Елене, которую немножечко завораживало коварство, на мгновение стало не по себе. Она понимала ту ловушку, в которую попадет Марат, желая воспротивиться сносу и доказать право старого дома на существование. Бесконечные экспертизы и суды, чтобы вновь убедить власти признать дом ценным памятником истории и архитектуры. Слишком влиятелен человеческий фактор. Слишком ничтожно старое дерево, которое если еще не рассыпалось, то всенепременно рассыплется через сколько-то лет. Конечно, есть шанс и на успех. Можно поднять знакомства, общественность, создать резонанс. Но часты пожары. А против огня бессильно любое мнение. Так что игра Нольберга, если уж он решит идти до конца, практически беспроигрышна.

— Экспертиза не подтвердила, что дом — памятник, он в плохом состоянии. Он всего лишь стоял в списке вновь выявленных. Вы же понимаете, что ваш личный интерес не может тормозить общегородскую застройку. Или может? Вы получите достойную компенсацию — ну хоть квартиру в новостройке. Так ведь, Петр Павлович? — Нольберг хорошо подготовился, говорил участливым голосом и даже не дал оглушенному новостью Марату толком возразить.

А старый строитель радостно пожал плечами — да не вопрос, дадим квартиру, большую. Он единственный был всецело доволен ситуацией, не понимая ее подоплеку.

— Я буду оспаривать экспертизу, — сказал Марат.

— Вы можете, — надменно покивал Нольберг. А внутри задрожал трусливый червячок — если о его самостоятельности узнает отец, будет плохо.

Визитеры покинули чиновничий кабинет и теперь молча спустились в узком зеркальном лифте. Даже Петр Павлович понял, что дела на самом деле какие-то смутные, не очень, и осторожно поглядывал то на Марата, то на Елену.

Елена, прощаясь, сказала только:

— Допрыгался.

Марат удивился, что в ее голосе не было злорадства, а была даже какая-то испуганность, осторожное изумление. Что-то подобное испытывал и он сам — но сильнее, гораздо сильнее. Он осознал возможности несчастного совпадения, жертвой которого должен был стать не просто дом — часть его самого, часть этого города, часть мира. Он думал: знает ли этот человек, что для него значит старая развалина? Может быть, Агата все ему рассказала? Может быть, она покаялась, отвернулась от него, Марата, и решила оставить все как было раньше, до их встречи, и тем самым предоставила мужу право на месть? Но это тоже весьма странные мысли. Он не желал даже допускать возможности такого тонкого предательства.

...И все-таки, может быть, у него больше не осталось ничего действительно ценного?

Нет, он и не думал сдаваться, даже понимая тщету своих усилий, если противник решится на крайние меры. Пожары зимой в деревянном городе, где еще нет-нет да и используют печное отопление, дело обычное. И то легкое, как ветерок, предупреждение, которое получил он в магазинчике Шурика, торговца антиквариатом, припомнилось ему ярко.

Он вдруг сообразил, что новость о доме ошарашила его куда больше, чем встреча с Агатой, может быть даже подстроенная. И это вызвало смятение. Нужно ей звонить. Их секрет раскрыт, они как на ладони. И значит, следует к чему-то прийти, определиться.

Он уже достал телефон. Но решил погодить — пусть поуляжется в нем самая буря. На улице сыпал тонкий снежок, слатывающий все звуки, точно как прожорливые красные дорожки в коридорах огромного некрасивого здания.

Он сел в машину — и сидел минут двадцать, ни о чем не думал, заставлял себя не думать, чтобы не разозлиться и не впасть в суету. Свои ошибки он уже совершил, и теперь следовало быть осторожным, как саперу на минном поле. В армии он служил сапером.

У дома его ждала Агата. Она устроилась на ступеньках крыльца и уже, было видно, основательно замерзла.

— Холодно, вставай. — Марат быстро отомкнул дверь, толкнул створку.

Она не знала о том, что задумал Виктор, и была поражена. Теперь глаза ее налились слезами, потому что это все — из-за нее. Конечно,

встреча была подстроена — оказалось, муж попросил ее зайти в определенное время, занести бумаги, которые он якобы забыл дома.

— Представляешь, забыл! Да он никогда в жизни ничего не забывал! Я ведь чувствовала подвох! Я потребую, чтобы он прекратил. При чем тут вообще дом!

И правда, при чем?

Стукнуло что-то в одной из комнат наверху — Маня Иванович неделю назад деликатно перебрался туда, чтобы не смущать подругу хозяина.

Марат подумал о том, как и что он скажет своему жильцу. Выставит его? Вернет в ожоговый центр? Его охватило раздумье такого угрюмого рода, которое притушает любое раздражение. Он молчал, отвернувшись к окну.

Наверху зашуршало, заскрипела лестница, затем бухнула дверь на улицу. Маня Иванович, что-то почувствовав, вышел из дому. В форточку потянуло табачным дымом.

Агата сидела в кресле, которое, казалось, съежилось вокруг нее, обхватило, чтобы спрятать, не дать в обиду. Она сочла молчание пренебрежением, поднялась и вышла. Марат не стал ее останавливать, удерживать. Он встал у окна и в облаках мелкого снега то видел ее, то не видел, когда снег сгущался, проглатывая фигурку. Если она уйдет и не вернется, значит, так тому и быть. Значит, все должно пасть — все крепости: и стены, и чувства.

Маня Иванович тоже наблюдал за уходившей и в толк не мог взять, что случилось. Он не слышал ни криков, ничего, что указывало бы на ссору.

Наконец в комнате за дверью что-то скрипнуло, забилося, и Мане Ивановичу пришлось отпрыгнуть, когда дверь распахнулась.

— Ну что, пойдём рушить? — сказал Марат. У них на сегодня был намечен снос одной ненужной стены.

Агата почти дошла, оставалось только пересечь проезжую часть, открыть свой подъезд. Ей было душно, как-то тесно. Вернуться в Каплин дом? Но как оправдаться перед тем, перед кем хоть и нечаянно, но виновата? К тому же она не могла понять качество и степень своей вины.

Зайти поскорее в квартиру, принять душ? Вода обычно помогала, облегчала сухость тревоги, жар волнения, смывала яды косых взглядов, упреков. А вдруг Нольберг пришел с работы и ждет ее? Ей нечего сказать и ему. Но здесь она хотя бы чувствовала пафос вины, весьма примитивной.

Оставалось зайти в кафе рядом. Вскоре она ощутила тягостное спокойствие, хорошо ей знакомое, — как возникающее всякий раз, когда следовало принять сложное, неочевидное решение. Обычно она перекладывала его на чьи-то плечи и легко, по собственной воле, принимала чужое как свое. У каждого человека должна быть судьба, но у нее давно уже нет никакого права на судьбу, а только текучка времени и сил, которую она рационально распределяет между теми, кто на них претендует. Она хотела бы чего-то своего. И вот узнала о себе

нечто: оказывается, она вполне способна нарушить установленное правило. Более того, она способна нарушить правильное правило, совершая определенно нехороший поступок. Но так она, наконец, обрела что-то личное.

Впрочем, это не радовало. Казалось, что у нее мало сил. Казалось, что, если Нольберг начнет ее стыдить и упрекать, она застыдится, все оборвет — и снова станет частью семейной игры, займет свое место в пыльном углу феодального замка. Так что она сидела в пустом помещении и часа полтора цедила какие-то чайные и кофейные напитки, которые наугад заказывала по картинкам в меню. А когда на улице стало темнеть, собралась — пора было забирать детей из садика.

В этот же день, ближе к вечеру, когда совсем стемнело, Дягилев беспокойно прихлебывал из громадной, изрядно помятой армейской фляги, сидя у себя в землянке. Ведь ему позвонили, ведь подтвердили обещание денег. Скрежещущий голос сказал, где взять «все необходимое» и аванс, — в урне на задах школы.

Теперь он спрашивал себя, с какой целью он вообще заговорил с тем мужиком, дал себя соблазнить. Конечно, он придумывал способы, как отползти, отговориться от поручения, — но уже после того, как он оставил мужику номер телефона. Такие шутить не любят, прибьют, и всех делов.

Страх нарастал, вдохновленный спиртным. И в какой-то момент стал почти осязаем — Дягилев увидел то ли сумрачную фигуру в темном углу, то ли клубление какой-то специфической и очевидно темной энергии. Его прошиб пот. И когда появился довольный Дон Педро, помогавший Марату и Мане сносить стену — за что получил честную оплату, — и притащил домой пакет продуктов, Дягилев сидел за столом весь мокрый, дрожал и таращился в пустой угол. Дон Педро решил, что у товарища очередной приступ какой-нибудь из его болезней.

— В аптеку надо? — спросил он и вздохнул, понимая, что пилить до города придется не меньше часа. Можно на такси, но таксисты не любят сюда ездить. Тем более что уже темнело и на месте таксиста Дон Педро и сам бы не поехал. Автобусы же, возившие садоводов по этой трассе, зимой почти не ходили.

— Не, не надо. — Дягилев оторвал взгляд от пустого места и еле-еле разлепил сухие губы. Но появление Дона Педро и его щедрое предложение (Дягилев прекрасно понимал, чего стоит такой поход) оказали на него реанимационное воздействие.

— Ну тогда, что ли, вот... — Дон Педро поставил на столик пакет с продуктами. Он был голоден, вся жареная колбаса с макаронами, которыми заправил его на дорожку Маня Иванович, растворилась в организме, пехом преодолевшем немаленькое расстояние.

Пока Дон Педро майстрил ужин — доставал банки с готовой перловой кашей и тушенкой, разогревал, толстыми пластами отчекривал сливочную колбасу, хлебушек, заваривал чай, — Дягилев ходил на перекур (в землянке они, строго, не курили). На свежем

воздухе голова прояснилась, хотя сердчишко тревожно екало. Ситуация показалась ему не такой уж трагичной. Во всяком случае, если жизнь его под угрозой, в чем Дягилев не сомневался, то нужно было действовать в целях самосохранения. Человеческая жизнь важнее — кто с этим может поспорить?

Нольберг приехал домой поздно. Долго сидел в машине. Ему не хотелось выяснять отношения с женой. Ярость почти прошла, и осталась какая-то тусклая боль, смешанная с неприязнью — к Агате, к сопернику, к себе. Он не мог понять, как стал заложником этого идиотизма.

Вдобавок — и, пожалуй, более всего — он опасался, что кретин-архитектор вздумает оспаривать решение комиссии, чтобы вернуть своей развалюхе охранный статус. Эксперт сразу предупредил, что решение очень спорное, — хотя деньги за работу получил и документ подписал. И, кажется, никто вообще ничем не рискует. Только он сам — потому, что если дойдет до отца, то этот дракон точно не пожалеет собственного сына.

С другой стороны, у Нольберга вызывало мрачную радость предчувствие того, что дело не закончено, что соперник будет сопротивляться. Для этого недоумка, любителя хлама, ситуация все равно безвыходная, процесс запущен. Все случится — не так, так эдак.

Мститель достал сигареты и закурил в машине, чего никогда не делал, опасаясь, что табаком пропитается кожаный салон. Но сегодня особый случай. Он вдруг поймал себя на осторожной мысли, что ему давно необходим был какой-нибудь поединок. Такой, из которого он мог бы выйти победителем. Он вдруг почувствовал в себе давнишнюю, копившуюся злость, тонны злости. Он был готов сыграть в эту игру со злым азартом. И вскоре, раззадорив себя такими мыслями, вылез из машины и направился домой. Завтра надо будет навестить Элеонору. И, может быть, поговорить с отцом, только хорошо подумать и найти правильные, лукавые слова.

Когда Марат, Маня Иванович и Дон Педро снесли стену, открылось большое светлое пространство, покореженное, конечно, прежними переделками, но, во всяком случае, стали видны благородные пропорции и задумка архитектора. На сломе, когда убрали мусор, обнаружился кусочек стены со старинным покрытием — шелковыми обоями. Марат отклеил сохранившийся лоскут и унес к себе. Он был молчалив во время работы, и Маня Иванович к нему не лез с разговорами, хотя деловых вопросов у него было навалом.

Вечером, когда стемнело, Марат развернул один за другим все чертежи, которые ему удалось раздобыть за это время. Что значат все эти бумаги, чья таинственная желтизна сообщает человеку странное желание оглянуться назад? Как, с помощью какого свойства, предметы и вещи способны сохранять иррациональное? Как доказать присутствие в них энергии, которая ответственна за связь ныне живущих с душами исчезнувших? Он взял лоскут, снятый со стены,

изумрудно-зеленый, гладкий. Интересно, купец Каплин привез эту ткань из Европы или же из Китая, откуда возил мануфактурные редкости и чай?

Марат поднялся наверх. Второй этаж, освобожденный от мусора практически полностью, был готов вернуться в свой прежний вид, стать таким, каким его задумывали архитектор, проектировавший некогда дом, и, наверное, сам Каплин. Предстояло снести еще несколько никчемных стен, освободить этаж от старой штукатурки, гнилых обоев, наклеенных в миллион слоев на благородное деревянное тело. Лишить его всего наносного — и вернуть к началу.

Марат стоял в темноте и смотрел прямо перед собой в большое окно, где созрела и готова была упасть на зимний тротуар большая желтая луна. На улице разгоралась непогода, и четкость вида размывали порывы ветра, несущие снег. Мысли, которые одолевали, не касались угроз Нольберга, не касались и Агаты. Сейчас он думал лишь о том, как видел архитектор прежнего времени все это пространство, как он мыслил работу объемов, распределение световой массы. Какие цвета и какая мебель предполагались здесь, и можно ли будет все это найти для обновленного дома. Конечно, до этого еще далеко, но следует четко представлять себе окончательный результат.

Сновал и сновал снег. В его неплотной разреженной туманности померещилась снизу, возле дома, какая-то фигура. Марат пригляделся, надеясь, что это вернулась Агата. У него забилося сердце от того, что им предстоит разговор. И он был не готов к нему. Но разве к таким разговорам вообще можно подготовиться? Можно строить дом, понимая, каким он будет, можно распланировать что угодно, — но только не это, непредсказуемое. Не то, что касается странных порывов сердца, безрассудных движений души или желаний, кажущихся плодом беспричинной случайности. Невозможно даже закончить этот чертеж, если чертежом можно представить себе любовь, — он закончится, только когда закончится. Можно попробовать связать чувства рациональностью, здравым решением — в общем, заглянуть вперед и попытаться приструнить. Но единственное здоровое решение, которое в таком случае есть у человека, — присвоить желание другого, чтобы быть вместе.

Фигура тем временем растворилась в темноте. Хорошо, что это не она. Пока он не знает, какой проект ей предложить.

Прошла неделя. Маячили праздники. Звонила Елена. Она, казалось, не на шутку переживает. Во всяком случае, в ее голосе Марат слышал нотки тревоги, а предложения о помощи звучали вполне мирно.

— Давай я свяжусь с Танькой. Она тебя любит, — говорила Елена, имея в виду их общую знакомую, которая занимала видный пост в одной всеильной структуре и которой Марат проектировал дом.

Он не возражал.

Да и сам уже побеспокоился, сходил куда надо, подключил своего эксперта, собрал кучу бумажек и созвонился с однокурсником, который

командовал охраной памятников. Сразу после длинных выходных однокурсник, который был, кажется, рад его слышать, пригласил его выпить и обсудить проблему. Все решалось за пределами кабинетов.

— Старик, мне кажется, где-то что-то напутали. Кто-то пошутил, — сказал ему приятель, а после этого, вздыхая, рассказал, как теща заставляет его работать на даче и вот здесь точно ничего не поделаешь.

Но дело не касалось расчета, рационального подхода, и Марат тревожился не меньше, а даже больше. Все безличное или касающееся денег могло быть решено разумно. Но здесь речь шла о чувствах.

Ему опять снились длинные сны.

Глава 20. Под пятой свободы

Едва Элеонора ворвалась в квартиру Лени, домашнее хозяйство в квартире Абрикосовых пошатнулось: Элеонора свернула вешалку в прихожей и та завалилась с грохотом на обувной шкаф. Шкафчик выпустил свое небогатое содержимое — матушкины ботинки и сапоги, Ленины кроссовки и потертые унты. Элеонора брезгливо отодвинула унт ножкой в пушистом тапочке и проникла в кухню.

Там она, кудахта на своем языке, заправила кофеварку и уселась за стол. Леня стоял в проеме и любовался красотой, не понимая ни слова в захлебывающейся речи подруги.

Когда кофеварка просигналила, Элеонора замолчала. Словно ей был дан сигнал заткнуться, подумал Леня.

— Что-то случилось? — мягко спросил влюбленный.

— Я тебе только что все рассказала! — Элеонора вздернула брови. Она подумала, что Леня все-таки такой дурачок, что просто удивительно, как он работает в университете. Но снизошла и рассказала все заново.

Суть дела сводилась к тому, что ее мужчина (тут Леня обычно скрипел зубами или вздыхал) никак не может разобраться со своей уродливой женой (про себя Леня отметил, что она ничуть не уродливая, а весьма даже симпатичная) и пребывает вне себя, хотя виду и не показывает. Она слышала, как он разговаривает с кем-то, и она услышала тако-о-ое! Она услышала, что дом идиота архитектора должен исчезнуть с карты земли.

— С карты земли? — не понял Леня.

Да, именно. С карты планеты Земля.

Элеонора полагала, что ситуация складывалась в ее пользу. Возмездие настигало Агату, которая должна была освободить Нольберга раньше. Поэтому все, что происходит — это просто карма.

— Карма же? Да? — промолвила Элеонора и шумно всосала кофе.

Леня глубоко вздохнул. Ну что ей ответить? Глупость Элеоноры с некоторых пор перестала его умилять и уже даже немного раздражала. Иногда он чувствовал себя в ловушке — робким паучком, втянутым в строительство сетей, расставленных другими, большими и жирными, пауками. Ему становилось душно. Вот и сейчас духота на него навалилась серым ватным комом. Хотелось разрешить конфликт внутри себя. Но как?

Он стал выспрашивать подробности. Элеонора обычно с радостью делилась. Но, как и многие женщины, она чужла тот предел, до которого можно было довести свою игру на чужих нервах и чувствах — и не проиграть. Теперь она чувствовала опасность. Поэтому сказала, что ничего не знает, кроме того, что ее парень готов все расставить по своим местам.

Леня не поверил. В нем загудела тревога, как гудит, бывает, огонь. На минуточку в голову ему пришло недавнее прошлое: разговор, который был им подслушан на улице и забыт, ради Элеоноры. Но неужели все в мире должно делаться ради Элеоноры? Конечно, нет, отвечал сам себе Леня. Ну и что же он тогда должен сделать?

У него был номер Агаты. Он мог позвонить. Ну позвонит он — и что скажет? Что ему стали известны коварные планы по уничтожению имуществу? Глупости какие. С таким даже в полицию не пойдешь. Примут за параноика, как матушку время от времени (она пописывала клязусы на соседку). С другой стороны, хорошо бы позвонить, на всякий случай. Мало ли что. Но как-то страшно неудобно. Он уже сыграл в жизни этой женщины не самую благородную роль. Стремно как-то, по-простому говоря.

Но вдруг у него появился план. Не ахти какой, но все же он бы избавил его от моральных страданий.

— Сменим, может, тему? Я вообще даже не понимаю, о чем, о каком доме ты говоришь, в глаза его не видел. Или видел? Хочешь есть? Матушка сварила борщ. Сметаны? — Леня полез в холодильник, не теряя из виду Элеонору. Он знал ее слабости — поболтать и борщ его мамы.

— Ну как не видел? Ну видел, конечно! Он же недалеко от твоего универа! Я тут разоряюсь, а он даже не соображает, о чем я ему говорю! — Элеонора почувствовала себя оскорбленной и полезла в телефон — погуглить и предъявить Лене точку на карте.

Леня с едва скрываемым удовлетворением повторил вопрос:

— Борщ-то будешь?

Его план был прост: заявиться к хозяину и предупредить. Или хотя бы подбросить записку. Да, записку даже лучше. Он чувствовал некую вину, он был втянут в такую ситуацию, которая ему, мало разбиравшемуся в человеческой психологии, показалась совершенно безнадежной.

С тех самых пор на Леню регулярно нападала тревога, от которой он не мог спать. К вечеру его разматало с такой силой, что он размышлял, а не свести ли ему счеты с окружающим миром. И остановился на том, что выместил злобу на матушке, которая по своей дурацкой привычке заглянула к нему в комнату без стука.

— И — да! Я поставлю замок! — кричал Леня родительнице, которая испуганно ретировалась.

Леня был растерян. К утру он вспотел. Спал какими-то урывками. Видел во сне грандиозные катастрофы: то с балкона на него падала новогодняя елка, то одна его собственная нога покидала хозяина, скакала от него вдаль, а он ощупывал аккуратную культю, не понимая

происходящего. Наконец, когда среди взрывов и разрушающихся небоскребов, в яму, где он сидел вместе с другими людьми, заглянули вооруженные до зубов инопланетяне, Леня очнулся. Сел на кровати, стянул мокрую от пота футболку, побрел в ванную.

Душ отрезвил его немного.

— Ленечка! Выходи! Готов завтрак! Тебе в университет! Вечером придет Марина Николаевна! С дочерью! Навестить меня! Я рассчитываю! Что ты будешь дома! Поддержишь! Наш маленький! Праздник! — отрывисто кричала матушка из кухни.

Настроение Лени испортилось. Все это было словно продолжением дурного сна. Она бесконечно сватала его, выставляла напоказ. Она, в общем-то, гордилась им, таким умным. Да, наверное, и не уродом, наверное, красивым. Матушка, во всяком случае, так считала. Может, она даже и не совсем неправа. Может, он и впрямь ничего себе.

В этот момент Леня чистил зубы. Борода привычно лезла в рот. Но он уже и не замечал этого, смирился с необходимостью такого неудобства. Ведь философская борода позволяла ему лучше думать, например если ее сосредоточенно поглаживать. И она сигнализировала другим о том, что он свободен от влияния посторонних мнений. И вообще, сильно отличала его от других. По бороде его могли опознать товарищи по пристрастиям, свободолобивые мыслители. Такие всегда выглядят немного странно. Многие из них ну натуральные фрики с виду. Даже пугающие в чем-то. Бывают совершенно улетевшие особи. От таких хочется дистанцироваться. От таких не ждешь чего-то умного, сразу хочется выставить за дверь. А некоторые, честно-то говоря, фрики не только снаружи, но и внутри. И он таких знает. На кафедре у них есть один такой, красит волосы почти в морковный цвет. Мужик, а красится как баба. От такого ничего хорошего не ждешь. Вот бы показать его Элеоноре, она бы оценила, улыбнулся Леня, глядя на себя в зеркало. Зеркало показывало всклокоченную рожу с ошметками пасты в густой растительности, с безумным взором. Да, бывает же такое! Леня приготовился прополоскать рот. Но вдруг в животе у него заныло. По организму пробежала волна потливости, и через минуту он стоял весь взмокший, с одной только тревожной мыслью в голове: Элеонора если и видела его без бороды, то лет сто назад. Может, в ее глазах он смешон, с этими волосами, развевающимися при ходьбе? Да и сам себя он, пожалуй, давно не видел с голым, как есть, лицом. И, возможно (а даже и весьма вероятно!), что и он сам не представляет уже своих черт как они есть, без защиты. Да и кто он такой вообще, внутри и снаружи? Имеет ли он элементарное право существовать?..

Когда Леня вынимал из шкафчика парикмахерские ножницы, которыми матушка стригла на дому подружек, у него дрожали руки. Когда он отхватил ножницами кусок бороды, у него ослабли колени. Но он стриг и стриг, обливаясь потом. Зрачки расширились, кожа побледнела. Он опустился на край ванны, закончив манипуляции. Приступ паники отступил, захотелось спать. Заснуть и забыть обо всем, что вообще происходит вокруг. О мамаше и ее бесконечных подружках со взрослыми

дочерьюми, об Элеоноре, которая держит его как шавку на поводке, заставляя нарушать моральный кодекс. Да кто, собственно, его заставляет?.. Шерше ля фам — рассердился Леня. И если на мгновение он пожалел о содеянном, то теперь решил довести дело до конца: пены для бритья у него не было, он намазали лицо матушкиным шампунем и педантично убрал все, что, возможно, мешало жить.

Зеркало показало ему человека.

— Не пугайся, — сказал Леня, входя в кухню.

Мать охнула и спросила:

— Ты женишься? На Элеоноре?

Леня молча позавтракал. Он раздумывал теперь, пойти ему к хозяину дома сегодня, после занятий, или завтра. Наверное, лучше завтра. Хоть привыкнуть без бороды. А то вроде как какой-то совершенно посторонний человек идет предупреждать того, кого следует предупредить Лене Абрикосову. А сегодня он просто пройдет мимо дома, посмотрит на него, мысли улягутся, и он примет единственно верное решение.

На улице на него напал ветер и оттрепал за щеки, отвыкшие от беззащитности, подергал за подбородок. Эти ощущения вернули Леню в какие-то детские времена, то ли счастливые, то ли не очень. Пока он ехал на автобусе, он старался определить, было ему тогда хорошо или нет. Случалось много чего хорошего, конечно. Из тех времен Леня хорошо помнил отца, веселого такого. Это потом они ездили к нему в хоспис, в отдаленный район, где бараки перемежались с темными кирпичными пятиэтажками. И в одной такой, смертельного коричневого цвета, тот лежал сильно похудевший. Однажды они застали там постороннюю женщину, которая перекладывала что-то в отцовской тумбочке. Мать аж вздрогнула — Леня и по сей день помнил, как дернулась ее рука, за которую ему, уже пятнадцатилетнему, в этом скорбном месте хотелось схватиться. Женщина тогда поцеловала лежащего отца и тихо вышла, кивнув Лене. Мать стояла, задрав подбородок и зло скривив губы. Не знаю, зачем мы вообще сюда пришли, говорило все ее существо. Но отец обрадовался их приходу. Наверное, знал, что больше не увидит — умер он на той же неделе. Мать близко к постели не подходила, все выказывала обиду. Развелись они к этому времени уже лет пять как, но характер у нее вне зависимости от ситуации был жуткий, требовательный. Отцу нечего было противопоставить этой женщине, на которой он, мягкий человек, женился будто бы сгоряча, по ошибке. Всякий скандал у них заканчивался тем, что он молча поднимался на чердак и там занимался починкой всего, что было неисправного в доме или у соседей, или того, что сам приволок откуда-то. Он работал на ремонтном заводе, где приводили в порядок самолеты. Леня, когда подрос, научился осаживать мать. Отца (который так этому и не научился) не осуждал, даже когда тот не выдержал и ушел. Но только один вопрос мучил его: неужели тот не мог остаться ради него?

Неужели не мог? — задавался он вопросом, подходя к Каплину дому. Да, этот дом ему хорошо известен, Леня частенько ходит мимо. Новое крыльцо. И что-то еще изменилось неуловимо. Красивый, в общем-то, домик. Модерн, что ли.

Никогда ему, Леониду Абрикосову, не пришло бы в голову, что судьба так или иначе будет связана с чем-то таким. Он рассчитывал, что распрощался с той неблагоустроенной жизнью навсегда. Так же, как и с вопросом, адресованным некогда отцу. Но в мире все взаимосвязано. Это, конечно, всем известный факт, но на жизненном опыте, который получает человек, эти взаимосвязи производят двойную работу — дают свободу и лишают ее. Вот сейчас он, Леня, волен принять свое решение, например, постучать в эту дверь. Но, с другой стороны, любое его решение будет иметь свои последствия, которые, конечно же, являются ограничением этой самой свободы. Что бы он ни сделал, все будет иметь последствия. О какой свободе вообще может идти речь? Чем больше свободы, тем больше неопределенности. Да, Гегель был не дурак, когда схитрил насчет преобразования необходимости в свободу. Конечно, с ним многие не согласились, по причинам низменным, абсолютно понятным: это же лишает человека самых сладких его иллюзий насчет того, что он царь природы и вообще может делать все что угодно. Сейчас никто не хочет выбирать. Точнее, все хотят легкого или, во всяком случае, неопасного выбора. Если не надо выбирать, то ты вроде как и ответственности не несешь, вообще можно расслабиться и получать от жизни удовольствие. Элеонора точно живет по этому принципу, вздохнул Леня. И, конечно, не подозревает — ей даже в голову не может прийти, — что в итоге может случиться война «свобод» и тогда пиши пропало. Человечеству сейчас самоубиться раз плюнуть — и все из-за свободы, больше не из-за чего...

Привычно перекачивая привычные мысли, — но это уже почти не успокаивало, — Леня миновал Каплин дом и дошел до работы. Там отсидел свое, заполнил бумаги на какую-то мимолетную конференцию, принял зачет у пары отстающих студентов, прочитал лекцию и выпил чаю с печеньем. На исходе рабочего дня подумал о том, что неплохо было бы вернуться к диссертации, и даже полез в компьютер, где хранил наброски и материалы. Зачем только? — привычная мысль привычно остановила его. Леня пустился было в рассуждение о привычках, которым и он подвержен, и всякий, и особенно — его мамаша, которая сохраняет все, самые дурацкие. Впрочем, ей простительно, она, в принципе, уже старушенция, и притом достаточно вредная. Леня поморщился, предвкушая ужас вечера, кошмар пустых разговоров с мамашинной подругой и ее дочерью, которая будет смотреть на него сначала исподтишка, а затем, когда захмелеет, — открыто. Сегодня какая-то телка будет бесцеремонно пялиться на его голое, ничем не защищенное лицо. Он не понимал, как в отсутствие растительности скрывать свои чувства, как не выдать, например, презрения.

Нет, нет и нет!

Предопределение ближайшего грядущего вызывало тревогу, сидевшую, как Вий, в глубинах слабого человеческого существа. Леня совершенно не мог сопротивляться. Нужно, наконец, пойти предупредить хозяина Каплина дома. Но, может, не сегодня, может, завтра. Сегодня день пролетел слишком быстро, и его ждет к тому же неприятный вечер. Или сегодня? (Сегодня, сегодня! — бумкало в районе солнечного сплетения.) Леня обмундировался для выхода на улицу. На выходе из корпуса бросил взгляд в кривое древнее зеркало, украшавшее с незапамятных времен колонну в широком холле. Почему его не заменят на ясное? — подумалось вдруг Лене.

Город был уже темен на небольших свои улочках, но темен не страшно, а тихо, по-домашнему. Это была ласкающая, а не черная темнота. Ее смягчал мягкий свет наполовину утонувших в культурном слое длинных окон. Высоченные фонари лили магнетический холодный свет, добавляя загадочности синей темноте. И Лене казалось, что он сейчас завернет в свой дом за молочной флягой, установит ее на тележку, с грохотом выкатит и поедет за водой. Колонка фыркнет пару раз, прежде чем выпустить широкую струю, которая непременно окатит его ноги. На мгновение покажется, что он на берегу морском, в грозовую ночь, как Пушкин на картине Айвазовского, придерживается за каменюку, чтобы стихия не смыла его к едрене фене. Лене нравилось в детстве думать о чем-то таком. Обычно он устанавливал флягу в сенях, затем в своей комнате в намокшей одежде долго стоял, прислонившись в чугунной батарее водяного отопления, выключив свет и вглядываясь в темноту. Его медленно обволакивало тепло, мягкая влага от парившей одежды.

Так, за волнующими воспоминаниями, он миновал пару улиц. Миновал и Каплин дом. А миновав, принял решение сегодня не возвращаться, хотя видел издали, что в угловых окнах горел свет. Все — завтра. Трус, трус! — корил он себя, но сразу с этим смирился.

Глубоким вечером, отбыв свою жениховскую повинность и в очередной раз поругавшись с мамашей, которая с досадой вдруг заявила, что не ожидала, что у него такое худое и неровное лицо, Леня ушел к себе. Девача, которую ему представили, как-то похабно улыбалась весь вечер, Леню это злило, возвращало к плотоядным мыслям об Элеоноре. И чего она к нему привязалась?..

Вся неделя пролетела вот так: Леня привыкал к своему лицу, избегал Элеоноры, не понимая, как та воспримет его новый облик. В Каплин дом он так и не зашел. По неопределенной причине. Сначала лучше встретиться с Элеонорой, а потом уже. Почему? По неизвестной причине.

Элеонора же была в отъезде.

Глава 21. Надежды и сожаления

Несколько дней Агата мучилась. Дни не считались ею, потому что все было одинаково неприятно. И даже не потому, что Нольберг наконец как следует наорал на нее.

Она мучилась оттого, что, наорав, Нольберг, совершенно перестав обращать на нее внимание, собрал чемодан и уехал — уехал в Таиланд, и, конечно, не один. Наорав, он не захотел выслушивать ее просьбы, ее вопли о том, что дом здесь совершенно ни при чем, что вообще это гадко, ее признания, что виновата во всем она одна. Муж сказал ей только одно слово, ехидное: «Конечно». И уехал. Это — она мучилась — лишило ее возможности принять участие в судьбе дорогого ей человека.

С другой стороны, она страдала оттого, что не решалась даже позвонить Марату. Он, возможно, и не упрекнет ее. Но от этого не легче — и она рыдала так, что кожаные диванные подушки затвердели от соли.

Дети были отправлены к старшим родственникам, которых, конечно, уже оповестили, — и теперь благополучная толпа родни с обеих сторон ее презирает. Хотя, наверное, они всегда ее презирали — за слабость характера.

Но что же делать?

В детстве у нее бывали приступы отчаянного бессилия. Когда она существовала беззаботной невеличкой, взрослые нечаянно заперли ее в шкафу, где она играла с огромной коробкой, полной пуговиц, кусочков ткани, разноцветных нитяных мотков. Упоенная пестрым многообразием, девочка утомилась и уснула, и не слышала, как повернули ключик. А когда проснулась в темноте и духоте, вспотевшая, билась в шкафу, кричала, пока перепуганные родители не отыскивали источник звука. Потом ее водили в темный дом к бабке, которая шептала на воду, — лечили от страха. Но ощущение запертости и забытости осталось. Вспомнив его сейчас, Агата чуть было не взвыла в детской тоске, но спохватилась, осекла себя. И через некоторое время была возле Каплина дома в надежде сейчас же избавиться от переживаний.

Дом был закрыт. Не было никого. Она постояла, немного замерзла. Замерзло, утишилось и ее отчаяние. Неужели и Маня Иванович уковылял куда-то? Как далеко? Когда вернется?

Она обошла дом. Соседний переулок выстрелил в нее мелкой, злющей собачонкой, которая заметалась под ногами, норовя укусить. А потом отпрыгнула и пропала, перед этим писклявым лаем вызвав снег.

Агата потопталась возле крыльца, собралась было уходить. Гигантские хлопья укладывались ей на плечи. В этом году как-то очень снежно. В такую погоду кто-то должен вернуться домой.

Она сделала еще круг и, вырывая из-за угла, обнаружила возле крыльца человека. Снег оглушал пространство, видно было плохо, кто — не разглядеть, не расслышать, но что-то знакомое, мимолетно. Она обратилась:

— Скажите, пожалуйста, вы к хозяевам?

Человек, большой и нескладный, вздрогнул и, покачиваясь, начал отплывать от крыльца спиной, а потом развернулся и быстро растаял в снежном мареве.

Агата вызвала такси, чтобы вернуться к себе.

Метель разошлась, била неистово в окна, качала створки балконных стекол. Агата уселась в коридоре, сжимая во вспотевших ладонях

телефон. Ее трясло. После получаса молчаливых мучений, она обесси-
лела и уснула.

Марат тоже не считал времени. Он сосредоточился на текущих делах. В тот снежный день, когда, казалось, облака выпадают на землю крупными хлопьями, он и Маня Иванович колесили по делам. С утра Марат улаживал вопросы в учреждениях, постучавшись даже в те двери, в которые при других обстоятельствах не стал бы заходить, одалживаться. Но сейчас речь шла о вещах, которые сводили на нет любые посторонние аргументы. Похоже, что покойная старуха заразила его, обязала своей преданностью.

К обеду стало ясно, что все действительно не так плохо. Делу вполне можно было дать обратный ход.

Потом они заехали в архив, а оттуда — на строительный рынок, где Маня надеялся отыскать какие-то причудливые запчасти для своих мебельных фантазий. Они бродили по огромному ангару, Маня с удовольствием рассматривал товары, постукивал костью то по сосновым балясинам лестницы, которая никуда не вела, зависнув на половине высоты от пола до потолка, то по чугунному черному боку огромной ванны. Кого купать в такой? — с удовольствием удивлялся Маня. Ему нравилось ходить вот так, прицениваясь, выбирая, — как законному покупателю, человеку при деле. Нужного он не нашел, но придумал, как заменить его, — и они вышли из ангара с полной коробкой разнообразной металлической и деревянной мелочи.

Кое-как добрались до дому, простояв в пробках: снег сразу же блокировал движение на всех оживленных дорогах и перекрестках. Начинало темнеть. У дома увидели уже хорошо прикрытые снегом следы. Марат вздохнул. Маня глянул на Марата, тоже вздохнул и пошел к себе. Он намеревался звонить Дягилеву, чтобы договориться о работах.

Марата смутили следы. Они могли быть чьи угодно. Их могла оставить Агата. Он хотел увидаться с ней. Он понимал, что она страдает и, наверное, ждет его участия. Но время ли сейчас для этого? Он влез в чужую жизнь, которая шла своим чередом, связывая людей семейными узами. Он не имеет права распоряжаться на этой территории. И его чувство вдруг стало казаться ему неловким, глупым...

А вот Сашка очень даже считал деньки, мечтая побыстрее нырнуть в субботу. Ведь в субботу не надо идти на уроки.

Но в этот день, обещавший быть прекрасным, Сашка поскандалил с бабкой. Бабка, получившая от математички его контрольную, разгневалась на плохую успеваемость, заявила, что он не нужен не только такой приличной женщине, как директор школы, но и даже таким отбросам общества, как Виолетта.

— Она не отброс! — с ходу во весь голос заорал Сашка. В последние дни что-то подступало, какая-то тоска, к его маленькому сердечку. Оно то беспокойно екало, то билось так уныло, что Сашка один раз даже

подумал, что сердце может остановиться и он возьмет да и умрет. Умрет прямо на уроке. Вот бабка тогда пусть порыдает!

Но мстительная мысль мимолетна — Сашка все-таки готовился к новой жизни. Он укреплялся в своем желании занять хоть одну комнатку Каплина дома вместе с Виолеттой и намеревался предложить его хозяину свои услуги. Он мог бы помогать Мане, или выносить мусор, или еще чего.

— Еще какой отброс! Собственного сына бросила! — парировала бабка. — Конечно, такой идиот никому не нужен!

Сашка не выдержал и рванул первое попавшееся — штору, деревянная перекладина с дребезжанием пустотелой палки свалилась на пол, зачирикали колечки, на которых висела тяжелая зеленая гардина.

— И что ты хочешь мне этим доказать?! Что ты не идиот? Как раз демонстрируешь обратное! — визжала Ирина Аркадьевна, теряя директорское достоинство.

Сашка схватил колечки, упавшие горкой, и запустил в бабку, а потом схватил палку и стукнул ею вазы, стоявшие наверху шкафа-стенки. Вазы свалились на бок, одна упала на пол и разлетелась голубыми стеклянными брызгами. Это немного отрезвило мальчика. Но в следующую секунду внутри него вновь вспыхнул дьявольский огонь и он зарядил палкой по стопке школьных тетрадей на столе — Ирина Аркадьевна по учительской привычке утаскивала тетради на проверку домой.

Он работал палкой, методично спихивая со стола все, до чего мог дотянуться. Когда на пол полетела бабкина кружка с чаем, Сашка ощутил невероятное удовлетворение, как будто внутри него какой-то незванный черт радуется беспорядку. Губы мальчика непроизвольно покривились. Это оказало на Ирину Аркадьевну совершенно фантастическое воздействие — она собралась, замолчала и, содрав с дивана плед, усыпанный голубыми стеклышками, уселась, сложив ногу на ногу.

— Раз ты смеешься и вообще чувствуешь себя сильно взрослым, пришла пора рассказать тебе правду, — с чувством мрачного удовлетворения произнесла она. И медленно и спокойно выложила внуку все известные ей сведения о его родной матери, а точнее то, что Виолетта живет вполне благополучно, но с другим ребенком, а Сашку даже видеть не хочет, несмотря на все настояния Ирины Аркадьевны, несмотря на ее слезные мольбы и упрасивания. Она рассказала Сашке о девочке, которую любит его мама вместо сына.

Чем дальше она рассказывала, тем крупнее собирался комок в ее горле. И в какую-то минуту она вообще потеряла дар речи. Ей показалось, что и дышать она толком не может, и что сейчас вообще задохнется и простится с жизнью. Злоба ее прошла, осталось разочарование. От чего оно созрело, это ядовитое яблоко, которым она поперхнулась? Все вокруг остановилось, замолкло. Сашка застыл в углу комнаты, выпучив светлые глазенки.

В этот момент сверхъестественной тишины ей пришлось на ум одно давнее происшествие, хотя не происшествие даже, а так, полная ерунда.

Виолетта была довольно милым ребенком, хотя от детей, конечно, всего можно ожидать. И в булочной, куда они зашли за хлебом, малютка соблазнилась пирожным, без спросу взяла его с прилавка и откусила. Девочке было лет пять, вполне разумный возраст, чтобы понимать: без спросу чужое брать нельзя. Ирину Аркадьевну тогда только назначили завучем, и ей стало так стыдно пред всеми, кто находился в булочной, что она закатила дочери молчаливую оплеуху, так что пирожное выпало из ручонки на сырой осенний пол. Расплатилась и вывела дочь, которая от неожиданности даже не заплакала, только уголки рта у нее опустились. Следующие два дня Ирина Аркадьевна принципиально с ней не разговаривала, чтобы искоренить в зародыше эту детскую всеобщую порочность, которую многие, как она полагала, путают с наивностью и непосредственностью. Это настоящая хитрость, даже, можно сказать, коварство — ведь ребенок, конечно, догадывается о том, что родитель вынужден будет заплатить за пирожное, которое он не собирался покупать... Возможно, именно тогда все началось, жизнь Виолетты пошла под откос, и жизнь ее будущего ребенка была обречена. И даже непреклонность Ирины Аркадьевны, которая весь день игнорировала слезы дочери и не вступала с ней в контакт, не спасли положения. Девочка покатила по наклонной.

На мгновение внутри Ирины Аркадьевны зарделась стыдная мысль: а может быть, она тогда допустила педагогическую ошибку? Может, стоило провести с дочерью строгую беседу? Или вообще наказать физически? Или (какая педагогическая крамола!) просто заплатить за пирожное и позволить девочке спокойно его доесть?..

Сашка наконец отмер и шархнул палкой, которую не выпускал из рук, по дивану, на котором сидела бабка. Диван испустил пыльный вздох. Бабка испустила острый звук возмущения и вскочила. Сашка отбросил палку и рванул из комнаты. В прихожей он схватил унты, куртку, шапку и вылетел в подъезд. Побежал, впрочем, не вниз, а вверх. Там притаился и, пока бабка бегала вниз ловить его на выходе, быстренько и тихохонько оделся, дождался, когда хлопнет дверь их квартиры, и вызвал лифт. Спускаясь в лифте, отдышался, мысли пришли в порядок. Сашке стало очевидно: бабка все врет.

Нужно было срочно искать Виолетту. Видимо, бабка все-таки украла его и скрывает от матери. А мама не знает и горюет! Может, бабка ей сказала, что он вообще умер! От этой мысли Сашка аж вспотел. Ведь если она думает, что он умер, то не ищет его! Раз так, ему придется самому приложить все усилия и найти ее. Нужно будет залезть в бабкины документы: может быть, она что-то прячет от него. Надо еще добежать до Каплина дома, признаться в своих надеждах и, если не прогонят, застолбить место. Может, дядьки ему помогут в поисках? На взрослых хотя бы внимание обращают.

Сашка зигзагами, чтобы не попасть под бабкино хищное око, пропустил через дворы, на полном ходу достиг школы. Еще не начинало смеркаться, но школа глуховато светилась внутри, выбрасывая излишки света через окна вестибюля. Старая, большая, выкрашенная в розовый

цвет, с высоким крыльцом и фальшивыми колоннами, обычно она казалась мальчику самым пустым, самым глупым местом на свете. Огромным несчастным розовым слоном, который брел по снежной пустыне, сам не зная куда. Днем внутри слона сопела и скучала за партами скованная урочной дисциплиной ребятня. А ночью по коридорам гулеванили какие-нибудь привидения. Сашка несколько раз задерживался с бабкой до того времени, пока школа не пустела совершенно. И тогда, сидя в одиночестве в пустой учительской, куда его ссылала Ирина Аркадьевна, он весь превращался в слух — здание бормотало, поскрипывало, иногда слышались голоса. Он пытался разобрать таинственную речь, но ничего не выходило, все было смазано. Поначалу он боялся звуков, но затем привык и даже получал удовольствие, пытаясь опознать шумы, то удаляющиеся, то приближающиеся...

Стояло такое время, когда на улице еще вполне светло, а в помещения и квартиры уже закрадывается лукавая темнотишка, мешающая читать, вязать, решать кроссворд. Уже зажгла лампу ночная охранница в комнатке, примыкающей к вестибюлю, у самого выхода. Туда Сашка, поддавшись внезапному любопытству, заглянул через окно прямо с крыльца. Дежурила самая добрая тетя из всех сменщиц. Она, поддавшись темнотишке, клевала носом то ли над книгой, то ли над чашкой.

Мальчик собрался было напугать ее, постучать в окно и убежать, но тут заметил краем глаза шевеление возле ближайшей лавочки. Спрыгнул с крыльца, присел и стал из-за уголочка наблюдать за происходящим.

Человек посидел на лавочке, затем встал, положил в урну черный пакет, осмотрелся и пошел прочь. В пакете что-то было, а человек вел себя как-то не так — поэтому Сашка, вспыхнув интересом, дождался, пока тот уйдет, и подскочил к урне. В пакете обнаружил тряпочные с резиновыми пальцами перчатки и бутылки, от которых сильно пахло горючкой. Еще там были огромные спички — мальчик никогда таких не видал и хотел стащить диковину. Но заскрипел снег, плюмкнула легкая калитка школьного забора. Сашка беззвучно опустил пакет обратно, не успев совершить похищения. Он отошел к турникам, которые торчали в паре метров, и повис на самом низеньком. Прятаться не стал — бабка бы все равно так быстро не пришла. Человек подошел к лавочке, разговаривая по телефону. Голос знакомый, отметил Сашка. А, да это же дядька Дягилев, самый веселый мужик из Каплина дома!

— Привет, дядь! — выкрикнул Сашка.

Человек вздрогнул, выхватил из мусорки пакет и чуть ли не побежал прочь. Мальчику это показалось сначала обидным, потом — подозрительным. Он намеревался догнать дядьку, заставить его поздороваться и спросить про пакет. Ведь не просто так одни люди кладут в мусорку вещи, а другие — достают.

Он припустил за Дягилевым — но сразу уткнулся во что-то мягкое и темное, узнаваемо пахнущее. А это уже было тяжелое туловище Ирины Аркадьевны. Она пошла на Сашкины поиски, куда глаза глядят, по своему привычному направлению — к школе.

Когда Сашка уткнулся в этот знакомый запах агрессивных бабких духов, он кувыркнулся и сделал попытку увильнуть в сторону. Ему удалось вырваться, и он припустил скачками, как заяц от лисы, через сквер в сторону Каплина дома, время от времени оборачиваясь. Бабка отставала, но все еще не терялась, широко, почти бегом, семимильными шагами преследовала внука. Был бы у Сашки гребешок, он бы бросил его, чтобы вырос частоколом лес и не пропустил бабку. Или был бы у него свой собственный серый волк, который съел бы бабку, а его унес к матери Виолетте по его хотенью...

Так он почти добежал до Каплина дома, но решил запетлять, чтобы не выдать бабке свою цель. Он спрятался в переулочке. Но Ирина Аркадьевна была мастерица разгадывать детские хитрости. Она сразу сообразила, куда бежит Сашка, ведь однажды она пришла сюда за ним по его следам. И, пока Сашка сидел в переулочке, рванула к Каплину, перебежала дорогу, нарушив все дорожные правила, и принялась колотиться в дверь. Ей никто не открыл. Она стучала в темные окна, надеясь на ответ. Обошла дом сзади в надежде найти Сашкин схрон или заднюю дверь. Дверь она нашла, но та была надежно заперта. Тогда она потопталась на крыльчке, еще поскреблась, а потом достала телефон, решив позвонить-таки в полицию. Там ей ответили, чтобы она не паниковала и что сейчас почти день и мальчишка вполне еще может вернуться домой, нагулявшись. Они же так и делают обычно, вы же должны понимать, ответил ей на том конце ленивый голос дежурного. Ирина Аркадьевна вынуждена была согласиться и побрела обратно.

Сашка, дождавшись ее ухода, вышмыгнул из переулка и скакнул к домику. Но сколько бы он ни ломился, ему никто не открыл. Брешь с обратной стороны, откуда он в первый раз проник в Каплин дом, была надежно заделана. Мальчик опечалился и решил дождаться хозяев на крыльце. Должны же они хоть к вечеру, но прийти.

Потом, устав ждать и немного замерзнув, он побродил по улицам, дошел до набережной, где утки прибились к береговому ледку, как потерянные шапки, целая компания шапок. Он бросил в уток куском спрессованного снега, несколько птиц подорвались сразу, взяли разгон на свободной воде и полетели, остальные подтянулись за ними. Потом он побрел к острову, на который вел мост. Побродил по острову среди ледовых дорожек, по которым носились румяные конькобежцы, дошел до веревочного парка. Толстые веревки болтались на ветру, идущему от реки, бились друг о друга. Колесо обозрения, новенькое, моргало разноцветными глазками, заманивая детей и взрослых. Сашка дошел и до него. Были бы деньги, он бы прокатился. Но денег не было. Поэтому просто полюбовался кабинками, в которых чернели силуэты катающихся. А когда окончательно смеркло, пошел обратно, оборачиваясь на колесо, переливающееся разными замечательными цветами по всей своей окружности.

Ничто не могло отвлечь Сашку от его замысла. Но окна в Каплином доме все еще не горели. Мальчик заплакал и тихо побрел в сторону школы. Его взяло за грудки отчаяние, оно выбивало слезы из его вообще-то

не слезливых глаз. Впрочем, как только он увидел светлый силуэт школы, у него созрело решение, которое сразу преобразило унылого розового слона в надежного товарища: дежурная тетенька, самая добрая из всех, конечно пустит его погреться. Он же внук директора. Скажет, что замерз. Наврет чего-нибудь.

Сашка не рассчитал только одного: что Ирина Аркадьевна, в общем-то, видела детей насквозь — и дожидалась его в школе. Сторожиха впустила мальчишку и тут — раз! — заперла дверь. А потом — раз! — и подскочила бабка. И все, бежать некуда. Смысла бегать по школе от бабки и охранницы он не видел, бегать можно бесконечно — поэтому сдался в плен и побрел в директорский кабинет вслед за Ириной Аркадьевной. Один раз обернулся и миролюбиво, мол, не в обиде, помахал охраннице, которая наблюдала за маленьким конвоем.

Когда они брели домой, бабка отчитывала его и пообещала на весь воскресный день запереть дома. «Так и будет», — грустно думал Сашка, пытаясь выдумать план побега.

Глава 22. Сон наяву

В субботний день Леня Абрикосов спал до полудня. Элеонора еще не вернулась. Это означало, что за Каплин дом он пока мог не волноваться — ее хахаль ведь тоже уехал.

Леня сходил до Каплина дома, но получилось, что больше для очистки совести. На крыльце встретил сидящую фигуру, в которой, несмотря на пышный снегопад, узнал дамочку из торгового центра. Не зная, что делать, как объясняться, чувствуя себя полным дураком, Леня припустил прочь и скрылся в снеговых тучах. Только бы не узнала — стучало в голове всю дорогу.

Пока он ехал на троллейбусе, загипнотизированный его вздрагиванием в снеговой безмятежности, все рассказы Элеоноры сложились для него в чужую историю, в некую чистую и, возможно, трагическую правду. Он глядел на старый город, подновленный огнями, и думал о том, что, наверное, случалось здесь немало трагедий, и смертей, и горя. Что судьба каждого человека содержит в себе такой пуд соли, что засолить ею можно цистерну рыбы. И ходят человеки, оставляют свои следы, прикасаются к действительности, идут у нее на поводу, а если не идут, погибают... Но что он, впрочем, понимает в трагедиях? В его личной жизни не было сколько-нибудь существенных трагедий. Так с какого перепугу он вдруг взялся участвовать в судьбах других? Может, стоит поступить премудро, согласиться с тем, что есть обстоятельства, которые он лично не в силах изменить? Нет ничего мучительней неопределенности, ведь она свидетельствует лишь о том, что однажды придется сделать следующий шаг...

После обеда, зарядившись маменькиным борщом, кисло-сладким, ярким, Леня решил куда-нибудь сходить, отдохнуть от душных мыслей.

Он набрал парочку телефонных номеров. Но никто из абонентов не согласился разделить с ним досуг, никто не звал в гости.

Тогда Леня решил заняться диссертацией, рассматривал файлы на компьютерном экране, листал книги. Мать приоткрывала дверь в его берлогу и уважительно закрывала. Она была удовлетворена — сын занят карьерой.

Но работа не шла. А нужна ли кому-то еще одна докторская, которая утонет среди миллионов таких же? Ведь все они, в конце концов, это лишь гора информации, почерпнутая из других книг — никаких радикальных и самостоятельных идей у него лично нет. Он даже не понимает, как ему лично поступить прямо сейчас. Он даже в элементарном сомневается, что уж говорить о большой науке... Может быть, следует кардинально пересмотреть подход к теме?

Он стал думать о своих кумирах, о тех, кто мог бы стать родоначальником нового мира, построенного на высоких принципах истинной свободы. Лениным кумиром был Перри Фридмен, либертарианец, выразитель идеальных взглядов о жизни на океанских платформах. Леня восхищался простейшими аргументами либертарианцев о том, что человек до сих пор живет по инстинктам доисторической древности, но обязан принести эти инстинкты в жертву свободе — немедленному действию, которое создаст целую систему маленьких стран, правительства которых смогут конкурировать друг с другом и с правительствами крупных держав, привлекая людей, желающих свободы. Леня прочел «Манифест криптоанархиста», «Механику свободы». Леня написал Фридмену письмо. Ответа не получил.

Свобода — это немедленные действия по организации государств. Свобода — это твое выразительное средство. Которое должно... Тут Леня всегда запинался. Потому что никак не мог понять, должна ли свобода кому-нибудь что-нибудь или все же нет. Или же это ей все должны. Он не мог определиться даже внутри либертарианства — за государство он или против. И вообще, если свобода — это действие, то какого черта он, человек, мнящий себя свободным, сидит здесь и не может сделать ни одного доброго и полезного дела, а только лишь придумывает отмазки и оправдания?!

Леня подскочил, забегал по квартире, налил крепкого чаю, решил, что пора действовать. Хотя бы выйти все-таки из дому и развезься на прогулке. Все-таки человеческая жизнь — это череда путешествий, даже сон — это каждый раз путешествие с неизвестным концом...

Он решил побродить по улице, на которой вырос. Их халупу так и не снесли, она так и стояла, самая неказистая часть исторической усадьбы. И было похоже, все ждали, пока вся эта усадьба естественно догниет, саморазрушится. Иногда на него находило, и он отправлялся туда, проникал во двор и там сидел на завалинке или на пне, торчащем со стародавних времен. Когда-то пень был огромным тополем, под ним интересно было стоять во время ветра, задрав вверх голову. Ветви тополя ходили туда-сюда, пушистые зеленые руки. Леня воображал, что тополь, если увидит его, маленького человека, робеющего внутри воздуха, опустит ветви, и обнимет целиком, и поднимет к небесам, к бунтующему в вышине воздуху. Дружба

с деревом закончилась, когда отец истошно ревущей пилой отсек старому тополю руки, затем разделил и все его тело на части и вывез куда-то прочь на чихающем грузовичке. Все жители усадьбы — а это измученные бытом граждане пяти разнокалиберных домов с одним двором и одним тополем — сочли гиганта опасным, дряхлым, он стряхивал на их крыши старые ветки и вдруг бы треснул и упал весь. Отец лишь выполнил просьбу соседей. Но для Лени это была потеря, сравнимая с потерей руки или ноги. На отца он, конечно, не сердился, но ветренными ночами ему часто слышался со двора характерный бравурный шум — фантомный, как бывают фантомные боли. Шум прекратился, когда отец съехал от них. Но тогда Леня начал слышать другой фантомный шум — вот отец постукивает трубкой, выбивая остатки табака, вот он тюкает молоточком на крылечке. Этот шум все время возвращался, лишь через много лет, после того, как они с матерью навестили умирающего в хосписе, Леня перестал слышать эти постукивания.

А пень все еще стоял. Но он быстро выгнивал — и скоро, вероятно, рассыплется в труху, так же, впрочем, как и постройки, обнесенные сайдинговым забором, словно это мусорка на окраине или какая-нибудь стройплощадка. Заходить в дом Леня не захотел — воспоминаний уже и без того было достаточно. Поэтому отправился наугад вдоль тихих улиц. И шагал, пока не оказался в знакомой подворотне — с черного хода антикварной лавки Шурика.

Он толкнул дверь в темноту. И в темноте поймал какую-то вещь. И когда спустя пару секунд зажегся свет, Леня обнаружил, что держит чудное чудо — изумрудный берет с лохматым рыжим пером. Эта вещь могла принадлежать только Витольду Сосновскому, городской достопримечательности, символу некой поэтической необязательности и эпатажа. Неужели берет свалился прямо с его седой головы в руки нашего философа?

Тотчас выпал на свет и сам Витольд Сосновский, одной рукой обнимающий портфель. Другой рукой он ощупывал голову и явно был смущен. «Может, он и спит в нем?» — подумал внезапно Леня.

— Меня здесь не любят, — изрек поэт трагически, упуская от неожиданности даже восклицательный знак. И добавил веселее: — Здесь любят только тех, кто помер. Помер — значит прописался.

— Ну, может быть, — пробубнил Леня, силясь уловить логику афоризма, и вернул Сосновскому берет.

Тот отработанным движением водрузил его на голову, один край спустил до плеча, поправил перо.

— Что за птица? — кивнул Леня на перо.

— Витольд Сосновский к вашим услугам, — промолвил поэт, но, присмотревшись, вдруг понял, что перед ним человек знакомый. — А, философ! Продай бороду?

— Чье перо?

— Преподнесли поклонники. Может быть, ястреб. Гуляешь?

— Ну... — промычал Леня, почему-то заробев.

— Ну — и ну. Пойдем погуляем вместе. Здесь одни сумасшедшие. Поэзия для них — мусор цивилизации, который можно замести в угол метелочкой. Но это ведь не так? Да, философ? Вот как думаешь, философию можно куда-нибудь замести?

— Ну... — Леня подсобрался, предвкушая интеллектуальный разговор.

— Вот и я говорю! — перебил поэт с ястребиным пером. — Никуда не замести! У тебя средства есть?

Средства у Лени были. Небольшие, на дешевый коньяк. Они завернули в ближайший магазин, а потом, поскольку на улице было не холодно, побрели, по инициативе Лени, обратно к его бывшему дому.

— Вот ты думаешь, из чего состоит мир? Мир состоит не из того, что мы видим, а из того, что не видим, но можем ощущать, — кто-то умный сказал, я только повторил, — изрек поэт после первой. Он оглядывал черные бревна, и они, казалось, удовлетворяли его утонченное восприятие. — Красиво! — выбросил он руку в сторону.

— Да что уж тут красивого — тлен какой-то.

— У тебя что, вообще нет никакого соображения? У меня, например, мурашки от этого бегут — от того, как все тут умирает. Здесь поэзоконцерты хорошо устраивать, вот на этом пне. Поэт читает, пень под ним отзывается, на глазах распадается в труху — такая космическая перспектива. Потом распадаются дома — прямо во время концерта. Исчезает с корабля современности вся эта отжившая история, под воздействием поэтических волн, конечно. Может быть, все пылает: слово — это горение, страсть, напор. Очищение словом, я имею в виду. И здесь, на намоленном таким образом месте, можно строить концертный зал. Например. Или много чего еще. Что хочешь. От застарелых комплексов надо освобождаться.

Леня уже немного захмелел, идея с концертным залом ему понравилась. Поэт вдруг ринулся к Лениному бывшему дому и принялся дергать дверь. Но она была закрыта. Он рванул ставень на окошке. Ставень оторвался. Пнул по трухлявой завалинке, завалинка не отозвалась. Совершив еще пару дикарских прыжков, пиит вдруг сказал:

— Ну все, тут закончили. Пошли к художникам.

Леня послушно встал. А потом зачем-то разбежался и со всей дури врзался в дом. Он был очевидно пьян.

У художников Леня не пил. Болело лицо, которым он приложился к стене. Будет, наверное, фингал. Ну пусть будет. Бороды нет, пусть будет хоть это. Ему принесли замороженную булку хлеба, которую он приложил ко лбу. Льда у хозяев не нашлось, зато в морозилке был замороженный хлеб. Кому нужно замораживать хлеб? — думал Леня и не находил здравого ответа.

А зачем Леня врзался в стену? Ответа на этот вопрос он тоже не находил. Это был порыв, отчаянная мера против пробуждения памяти, чтобы не болели какие-то воспоминания из детства. Он не хотел умирать вместе с этой развалюхой — но отчего-то все равно умирала маленькая его часть, как тогда, с тополем. Ему надо было почувствовать

какую-то постороннюю физическую боль, чтобы совокупная боль его жизни, гнездящаяся в душе, сдалась и отступила, — в момент столкновения Леня отчетливо понял, как он страдает от несоразмерности своих желаний и дел. Он желал вечно быть маленьким Ленчиком, который смотрел на дерево. Но дерево погибло — и вслед за ним погибло многое другое, как будто это цепная реакция. А маленький Ленчик все еще жив внутри большого Леонида Абрикосова, жив одиноким, без тополя и отца. Он заблудившийся человек внутри темноты, в душе одинокого, никому не нужного, скучного и, наверное, неумного кандидата наук.

Художники тем временем обсуждали какую-то премию, рассматривали холсты, которые скромно пребывали во всех четырех углах мастерской. Усатый художник по имени Александр открыл ящик масивного буфета, притулившись к которому сидел Леня. Ящик был полон засохших кусков хлеба. «Опять хлеб!» — подумал Леня. В ящичке пониже оказался склад консервов.

Гость начал оглядываться по сторонам и отметил какую-то громоздкую, как тот буфет, неприютность вокруг. Банку, полную окурков, тарелку, на которую неделями складывали использованные чайные пакетики, и набралась их уже целая гора. Ему сделалось нехорошо. Не прощаясь, он пошел к двери.

— Эй, философ! Все забываю, как тебя зовут, — произнес ему в спину Сосновский. — Хотя можешь не говорить, какой смысл. Теперь уже нет смысла.

На улице Леню встретила тьма. Он вспорол ее и шагнул внутрь. Слова Сосновского были ему неприятны. Может, поэт собрался уезжать, поэтому и ни к чему напоминать ему имена здешних людей, — он, говорят, все время то уезжает, то возвращается, об этом даже в газетах пишут. А может, просто Леня кажется ему неинтересным. Ну и ладно.

Леня зашагал. И шагал навстречу деревьям, которые выбрасывались на него из тьмы, полной равнодушных звезд. Звезды упархивали, едва Леня протягивал к ним руку. Окна прищуривались на него, с трудом узнавая, — Леня был категорически не похож на себя. Наконец он добрал до знакомого места, куда нетрезвые ноги и темное подсознание его занесли. Поднялся на крыльцо и начал молотить в дверь. Никто не отзывался, хотя одно из верхних окон цедило теплый желтый свет. Это был свет Каплина дома.

Леня был в какой-то степени возмущен этим обстоятельством пустоты. И решил попасть в дом во что бы то ни стало, хотя и не помнил, зачем вообще пришел сюда.

Он включил фонарик на телефоне и осветил пространство, пошарил под ближайшими к крыльцу ставнями, ощупал сверху дверной косяк — хозяева в частном секторе всегда прячут куда-нибудь один ключ, таково необъяснимое правило. Он шарил и шарил, приходя в неистовство. Наконец его потянуло вбок и он свалился с крыльца. А лежа, увидел под крыльцом ржавую баночку, вынул ее и оттуда достал ключ. Внутри

философа поднялась волна восторга, словно он был охотник, добывший кабана или, положим, лису. Азарт поиска, многожды усиленный выпитым, заставил его подняться, победоносно отряхнуться, — но быстро угас, потому что философа потянуло ко сну. Он с трудом всунул ключ в замочную скважину — руки уже спали, плохо слушались. Попав в тепло, Леня заробел, но, шатаясь, вбрел в одну из незакрытых комнат, уселся на стул перед окном и уснул, сложив голову на руки, а руки — на широкий подоконник.

Глава 23. Путь

Раечка была приглашена на праздник к брату Толику.

Толик купил гигантский плазменный телевизор, и Дарья решила в воскресный день закатить пирушку, обмыть покупку, имея к тому же в виду свой день рождения, который неделю назад отметить не смогла, приболела.

Дарья очень любила праздники — с детства. Любила широкие раздвижные столы, которые едва влезали в комнату, распахнутые во всю дурь. Любила синие и красные воздушные шарик, которые мама почему-то покупала на любой праздник. Обожала праздничные шпроты — суховатые, кисленькие, украшенные ломтиками лимона.

Дарья, широкая душа, любила и умела принимать гостей, готова была угождать им, готовила на славу, щедро и с затеинкой. Фаршированная щука была ее коньком, а кондитерским шедевром — медовик со сметаной. Когда они жили в своем доме и у них был двор, Дарья совершенствовалась в приготовлении шашлыков, не подпуская к мангалу никого. Теперь в ее распоряжении был электрогриль, и она намеревалась удивить гостей особой свиной в крутом маринаде.

Ребенок с утра сильно шевелился, но это не остановило Дарью. Она надела бандаж, походила по комнате, и пузо вроде успокоилось. Настька сейчас оказалась бы очень кстати, погладила бы скатерть, но девчонка убежала к подружке. Ладно, пусть развлекается.

Большая часть угощения к полудню была готова. Оставалось собрать парочку салатов, промазать коржи медовика и отправить на гриль первую порцию мяса.

Толик ускакал в магазин за хлебом и вином. И когда пришла Раечка, в квартире была только Дарья. Кроме Раечки, в гости ожидался Жека (хотя Дарья с радостью обошлась бы без него) и два автослесаря с работы. Один придет с женой — считала Дарья приборы. Ей очень нравилось все это, вся эта жизнь в новой квартире, — да и вообще просто жизнь. Простая просто жизнь, с мужем, детьми, незамысловатым хозяйством. А потом можно и на работу выйти. Она уже присмотрела одно ателье. Разложив к тарелкам ножи и вилки, Дарья зависла у окна, рассматривая пространство, прикидывая, как она будет гулять по двору с коляской.

Она решила еще раз примериться к габаритам коляски и прошла в гардеробную, переделанную под кладовую, где стояла у них уже купленная с рук модненькая серо-голубая коляска. На нее Дарья часто

любовалась — выкатит и смотрит, оценивает, будет ли удобно младенцу лежать, а ей — справляться с таким агрегатом.

Наконец гости собрались и начался праздник. Дарьину кухню все оценили, нахваливали и благодарили. Даже Жека, на похвалы скупой, а если и похвалит, то как будто обидит, высказался в ее пользу. Когда поспело все мясо, начинало уже смеркаться. Женатого автослесаря супруга потянула домой, их быстро напоили чаем с медовиком, и они ушли, унося гостинец своему пацану — большущий кусман торта. Остальные смеялись, пили, ели.

Вернулась из гостей Настька, растрепанная, раскрасневшаяся, — девочки знатно побесились, надоели всем, и Настьку отправили домой. Дарья причесала ее, прибрала морковные волосики.

Мужчины выходили курить на балкон, но дверь, видать, закрывали неплотно, и в квартиру натянуло дыму. И Дарья пошла командовать, накинув на плечи шаль. Взялась было за ручку двери. Но Жека рванул ее с той стороны на себя и не позволил открыть. Он разговаривал по телефону, вид у него был недовольный. Толик сосредоточенно смотрел на Жеку, а увидев, что ломится Дарья, замахал на нее обеими руками: мол, иди в комнаты, не мешай. Дарья даже обиделась. Но ничего не сказала, чтобы не портить себе приятный вечер.

Потом, когда Жека срочно куда-то убежал, она выговорила Толику. Но Толик не был расположен выслушивать бабское нытье и отправил жену к сестре на кухню заниматься женскими делами и вести женские разговоры.

Часов в семь Раечка засобиралась домой. Они обсудили уже все, что было можно, перемыли косточки мужчинам. Но Дарья тревожилась. Тянуло в животе, неприятно тюкало в голове. Ей не хотелось отпускать Раечку, которая отвлекала ее от тревожных мыслей, какие иногда накатывают на беременных: то кажется, что ребенок не в порядке, то мнят, что пойдет что-нибудь не так в родильном зале и умрут они, оставив сиротами детей и мужа. Дарью мысли о смерти допекали месяце на пятом. Но с тех пор страхов не было. Сейчас, на восьмом, она больше волновалась за ребенка, который мог родиться (тьфу-тьфу-тьфу, конечно!) неполноценным, ведь чего только в жизни не бывает. И будут они тогда с Толиком влачить эту боль вечно. Родителям инвалидов, наверное, даже и большее, чем их детям, — с ужасом представляла Даша.

Раечка остаться не могла, с утра надо было на работу. Она помогла Дарье убрать со стола, помыла посуду, сложила стол и ушла. Дарья усадила Настьку за уроки и сама уселась на кухне, чтобы проверить в тетрадочке, все ли куплено у них для младенца, — она вела специальный дневничок.

Часов в девять закричал телефон. Какой мерзкий звонок, пусть бы переставил, — подумала Дарья и отправилась сообщить о своем решении насчет звонка Толику. Но Толик заперся в ванной и с кем-то разговаривал. Дарью захолонуло — с кем же? Втайне от жены? Она быстро загоралась, заводилась, а вот отпускало ее медленно. Поэтому, зная за собой такую

тяжелую особенность, опасаясь, что злость ее повредит беременности, она решила подслушать — исключительно с целью успокоения. Встала у двери в ванную и прикинула к двери. Ничего толком не расслышала. Только поняла, что Толик звонит не какой-то посторонней бабе, а ее братцу малахольному, Жеке. Муж был взволнован.

— Мама! Мама! Мама! — трижды хулигански прокричала Настька.

Дарья отпрянула от двери ванной комнаты, опасаясь, что Толик ее застукает за подслушиванием и пристыдит.

Пока она помогала дочери разобраться с уроком, Толик шуршал в прихожей. Он куда-то собирался.

— Куда это на ночь глядя?

— Зажигалка кончилась. Скоро приду.

— Погоди-ка, с тобой схожу, прогуляюсь, мне полезно.

Толик заартачился, но жена настаивала, выпячивая пузо.

Дарья велела Настьке закругляться и ложиться спать. Настька была не против, так как уже клевала носом, умаявшись окончательно.

Сама Дарья быстренько оделась, и они с Толиком вышли. Давно не видела она настоящей уличной темноты, с тех пор как семейство переехало. Из окон многоэтажки темнота казалась розовой, разбавленной светом фонарей, вывесок, окон. И эта кукольная розовость немного раздражала.

Они купили зажигалку в ближайшем магазинчике.

— Ну ты иди, холодно ведь. А я постою покурю. — Толик содрал полиэтилен с новой пачки сигарет.

— Давай прогуляемся еще. — Дарья настаивала.

— Иди уже! Будет тут дымом дышать! — прикрикнул Толик.

Дарья смекнула, что, настаивая, она ни о чем достоверно не узнает, и покорно пошла к дому. Но дошла лишь до трансформаторной будки, на которой недавно нарисовали огромного снегиря, зашла за ее угол и встала, прислонившись к кровавого оттенка птичьей грудке. Она видела, как Толик позвонил кому-то, а потом постоял — и пошел прочь в темноту.

Дарья пошла за ним.

Она брела за ним пару кварталов. Потом Толик сел в троллейбус. Дарья забралась следом. Увидев ее в троллейбусе, Толик рассердился: ну что за неугомонная баба! Накричал на нее прилюдно, не стесняясь водителя и двух запоздавших пассажиров. Пока кричал, они доехали до моста, пересекли его.

Толик опаздывал. Жека будет в ярости. Дашку он домой, конечно, не повезет, иначе все дело накроется. Но пусть она прямо отсюда вызовет такси и уедет. Они вылезли в центре, где было уже пусто. Толик с Дарьиного телефона вызвал такси, велел ждать и пошел.

Дарья выразила согласие и раскаяние. Но такси пришло слишком быстро, и Толик еще не скрылся с горизонта, улица была длинна. Она отпустила такси, сунув водителю сотню за беспокойство, и пошла в направлении Толика. Ее захватили одновременно жажда приключения и обида. Ей надо было все узнать.

Дарья нагнала мужа через пару кварталов — возле старой школы. Толик остановился и чего-то ждал. А потом подошел человек, в котором она узнала Жеку. Мужчины быстрым шагом рванули через парк возле школы. Дарья не успевала за ними. Она старалась не упустить их из виду, но заломило ноги, и опять стало неприятно в животе. И это не проходило. И на Дарью накатила тревога.

Она была внутри малознакомого района, ночью и вовсе неузнаваемого. Историческая застройка здесь перемешалась с советской типовой, еще были полосатые заборы из сайдинга и здания в строительных лесах. Она не понимала, куда идти, почти упустила своих ускользающих невольных проводников, фигуры которых высвечивались то одним уличным фонарем, то другим.

Дарья позвонила Раечке. Раечка, встревожившись, строгим голосом велела невестке выйти к проезжей части и посмотреть улицу и номер ближайшего дома — сказать и ждать ее на месте.

— Дашка, ну ты дура, что ли?! — возмутилась Раечка.

Дарья сообщила свои координаты, нашла лавочку, стоящую у дороги, и стала ждать. Вокруг, в домах, была какая-то жизнь, отделенная от нее, Дарьи, ставнями и заборами. Там укладывались спать или ужинали, припозднившись. Вышел дядька, побрел через дорогу. Подбежала собака с клипсой в ухе — ничейная, городская. Повилила хвостиком и отчалила. На другой стороне дороги деревья шевелили ветвями, а казалось, что это толстая, кое-где свалывшаяся шерсть, которая мотается туда-сюда под ветром. Вдалеке маячили красные всполохи — нелепая подсветка белого храма, превратившая его в ночи то ли в логово, то ли в адские ворота. Дарье стало не по себе.

Из-за ближайшего забора донеслась перепалка — ругались мужики. Забрякал засов. Какие-нибудь пьянчуги сейчас выйдут, мало ли. Она подскочила с лавочки и понесла себя вперед по улице. Райка все равно будет еще ехать и ехать, ей можно и позвонить, она на машине, догонит.

Набирал силу ветер, колыхал космы пустых деревьев, превращал фонарный свет в пунктир, бил в спину. Потом ветер установился и стало легче идти, ветер словно сам ее нес. Она успокоилась — покой обуял ее так же внезапно, как и тревога, — и плыла по направлению ветра неведомо куда, как большой осенний лист вдоль слепых домишек и домов многоглазых, с разноцветными очесами. Звонил телефон, но она его не слышала, смотрела на небо, которое светилось. Не может быть, чтобы уже светало. Тогда, что ли, прожекторы над стадионом? Они с Толиком ходили как-то давно на хоккей, еще до Настьки, околели как черти. Но свету там было — как днем. Нет, не прожекторы, мало мощно для прожекторов, да и как-то неустойчиво. Тот свет был бел, этот — горяч.

Она, успокоенная ветром, — он укачал ее, как ребенка, — позабыла о тревогах, снова стала любопытной, завернула за угол и пошла на свет.

Глава 24. Открытия

Воскресное утро для Мани начиналось задорно. Он придумал, как подновить Маратов стол, который стал немного припадать на одну ногу.

Маня возился полдня. А к вечеру позвонил Дягилев и хрипучим голосом сообщил, что заболел, а Дон Педро отсутствует.

— Ощущаю себя не очень. Печень страдает. Боюсь помереть, — сообщил коротко и попросил привезти лекарств.

Маня просьбе удивился — куда он с костылями?

— Это понятно. Но ты хозяина попроси, он на колесах.

Марата дома не было, он отбыл к родителям и предупредил, что у них заночует. Маня оставался за хозяина (и такое доверие льстило ему невероятно).

— А, ну тогда приезжай сам, так даже лучше. — Дягилев почему-то обрадовался.

И Маня сердобольно, вспоминая себя в разных своих телесных страданиях, не смог отказать. Он был при деньгах и мог бы съездить к приятелю на такси.

Он записал названия лекарств и поковылял до аптеки. Когда вернулся, уже понемножку смеркалось. Такси приехало быстро. Джигит-водитель помог Мане погрузиться, закинул костыли в багажник, и болтал всю дорогу без умолку, и все высматривал на дороге дагестанские номера. Маня поддакивал или молчал.

Въезд на свалку, где проживал болезный, имел неожиданный вид — деревянный частокол с башнями, и джигит сильно удивился. Маня расплатился и поковылял по правой стороне дороги к строениям, которые не сильно-то напоминали свалку — скорее городок или музей под открытым небом. Рыцари, корабли — все здесь имело фантазмагорический вид. Землянка тоже была не просто так землянкой — а настоящей фронтальной землянкой, восстановленной энтузиастами. Хозяева свалки создали здесь целый музей. В общем, Маня констатировал, что совсем неплохо проживать в таком месте, где даже ночью — как в музее.

Он дошел до жилища и постучал. Открыл ему Дон Педро, который был рад Маниному появлению.

— Лекарства больному привез, — доложил Маня.

— Кто заболел?

— Дягилев.

— Да вроде нет. Ушел еще днем. Но сказал, что гость будет, попросил, чтобы ты его дождался. Но может, и заболел, кто его знает, — потер лоб Дон Педро.

— Да ну, чертовщина какая-то, — удивленный Маня Иванович достал из пакета аптечные коробочки. Впрочем, ему было приятно съездить в гости почаяевичать, понимая, что возвратится он потом домой, в свой угол.

Дягилев все не шел. Когда время приблизилось к девяти, Маня решил закругляться. Все-таки Марат оставил его за хозяина, нехорошо бросать дом пустым.

Такси долго не ехало, и внутри Мани Ивановича нарастала тревога. Закрыв ли он как следует окно, выходящее на задний двор? И надо бы врезать еще один замок, а то мало ли что. Замки в таком случае лишними не бывают.

Когда Марат добирался к родителям, его не отпускало тягостное чувство. Он хотел бы их одобрения, но не нуждался в нем. Поймут ли они перемены в его жизни? Мать гордилась им как успешным архитектором, но как будто отказывалась понимать его выбор — зачем он вернулся, зачем взял такую обузу. Она ничего не говорила, но он чувствовал ее смущение — по тону ее голоса. Купец Каплин был ее прадедом, но она жалела, что поддалась на уговоры своей матери и вступила в это глупое наследство. И вслух жалела, что вовремя не избавилась от него — можно было просто отказаться в пользу государства или продать, земля-то дорогая. А ведь они еще и вложились в него по полной программе, а еще и подняли все знакомства, чтобы развалюху не снесли к чертям собачьим. Матери казалось, что сын закапывает здесь свой талант, зря растрчивает силы.

Отец Марата был видным проектировщиком. Для него эта деревяшка была в каком-то роде честолюбивым символом причастности к истории, к роду его жены. Сам он происходил из бедной крестьянской семьи на севере губернии, поправившей свое положение после того, как один из его предков стал записным коммунистом, гонялся за белогвардейской бандой по лесам и полям, остался жив и был переведен на партийную работу в райцентр. Оттуда его родственники и потомки распространились по другим райцентрам или осели в областном городе. Его батя потопал в агротехнику и совхозные руководители, а он сам — на учебу в Москву, в архитектурный. Он в какой-то степени гордился и своими. Но в этом не было для него тайны, все казалось ему излишне простоватым. Девушка с нездешним именем Нелли, которую звали без импортной «и» на конце и лишней «л», просто Нелей, не выпячивала свою родню, стесняясь и не принимая всего этого купечества. Ей хотелось быть современной, играть в волейбол в институтской команде, поехать на большую стройку в тайгу. Все, что было до этого, до ее желаний и устремлений, не имело значения. На БАМе, где они познакомились и скоро поженились, такая ерунда никому была не интересна, но молодому мужу нравилось это глубокое, спрятанное ощущение причастности к чему-то незнакомому и даже запретному. Спустя годы культурные тенденции изменились, происхождение жены превратилось в достоинство. Но он наслаждался этим чувством один, супруга жила своей женской жизнью, которая не предусматривала исторической перспективы вглубь веков, а лишь в будущее, где выросли ее дети и на горизонте могли появиться внуки. Поэтому-то, наверное, ее возмущала эта мужская незначительность, влиянию которой подвергся их сын. В ней все еще не просыпалось чувство рода. Наверное, она ощущала себя первой, прародительницей, почти Евой, начинающей с чистого листа, будучи выставленной из отцовского сада. Наверное, так.

Отец открыл ему дверь и сразу же велел мыть руки — звенели тарелки в глубине квартиры, накрывался ужин.

Марат прошел в свою комнату — родители не трогали ее, лишь заменили стол, раздали часть книг и убрали в коробку разные вещи. Где-то там, в коробке, знал Марат, дремали его мальчишеские сокровища, трофеи сложных разведывательных операций. Мама, наверное, все еще не выбросила их, хоть когда-то и порывалась. В детстве он об этом не переживал — у всех пацанов мамы делали то же самое, выкидывали все непонятное, это было частью миропорядка, так что просто следовало лучше прятать камешки, наконечники, черепки, записки. Теперь эти вещи были частью их семьи, его детства, а значит, маминой жизни, и она ни за что бы это не выбросила. Марат радостно усмехнулся своей догадке и не полез в коробку, уверенный, что все на месте.

За ужином он все рассказал родителям. Сначала про Агату. Отец поднял брови и промолчал. А мама все вздыхала, подозревая самые грубые последствия.

— О тебе же пойдут всякие слухи. Вы с Еленой работаете в одной сфере, не забывай этого.

Потом — про дом. У мамы дрогнули губы, она вроде как даже обрадовалась. Отец обещал помочь в случае чего — насколько хватит его пенсионерских сил. Такое участие напомнило Марату о том, как он еще совсем недавно насмеялся над попытками отца погрузить его в историю семьи. Батя даже раздобыл копии каких-то архивных документов.

После ужина они долго говорили под звон посуды, которую мыла мама. Потом ей позвонили, звон прекратился, прекратился и разговор. Марат пошел в свою комнату. Мама еще сняла со стен выцветшие карты и плакаты, а подоконник заставила цветами, заметил он. Но так, без плакатов и с цветами, даже лучше, думал Марат, устраиваясь на своем старом диване, словно собрался мчаться на нем обратно в детство. Включил телевизор на середине какого-то фильма. Герой бежал по лабиринтам старого города. По мосту он перебрался наконец на другой берег, то ли убегая от кого-то, то ли кого-то догоняя, — Марата настигло тревожное ощущение полной неопределенности. А герой все бежал, бежал по прямой куда-то. И выбежал к лесу, где мотали головами сосны. Озирался, не понимая, сколько пробежал и куда бежит. Оглянулся — а позади черное животное, ждет Ивана Царевича. А Иван Царевич — это он сам. Но глаза у волка белые, будто бы слепые. И волк что-то говорит человеческим голосом. В ужасе Марат очнулся. Настенные часы с фосфоресцирующими стрелками показывали около девяти вечера.

Отец не спал, бродил по квартире. Он любил так, прохаживаясь, думать.

— Рано ты уснул.

— Пап, да я не уснул, телик смотрел. Поеду я, не останусь. Нужно кое-что сделать. Завтра загляну.

Отец понимающе кивнул.

— На ночь-то глядя?! — воскликнула из кухни мать. Она, похоже, затевала еще что-то вкусенькое, гремела противнем.

Марат обнял отца, усевшегося в любимое кресло. Отцовская седина пахла полынью.

Мать, провожая, поправила ему шарф и долго не закрывала дверь, ожидая, когда придет лифт и увезет сына.

Ветер что-то курлыкал, путаясь в сооружениях на детской площадке, поглаживая сонные автомобили на парковке. Марат завел машину и позвонил. Женский голос на том конце был ломким, каким-то пунктирным, как затертая линия на старом чертеже.

— Я люблю тебя. — Ему больше нечего было сказать. Он даже не понимал, как ему удалось сказать и это, потому что эти три символических слова содержали, как огромный пузырь, всю благодать мира. Он так думал, и воображение отправляло его в далекие дали детства, где он в пионерлагере полюбил одну девочку, а она его — нет. Отправляло в студенческую юность, где он тоже кого-то мимолетно любил, и еще дальше, туда, где он встретил Елену. Рассудок не мог ему помочь, потому что сейчас он был очевидно безрассуден. Он видел какое-то славное будущее, в котором были и Агата, и дом, и какие-то нечаянные славные и такие разные люди, бродящие по дорогам жизни, по одним дорогам с ним или же по разным, не важно.

— Приезжай, — сказал ему голос и захлебнулся в рыдании.

— Я тебя заберу. Можешь ехать?

— Я уже сама еду к тебе, — сказал голос, и связь прервалась.

Глава 25. Пути наших мечтаний

Для тех, кто обнаружил свое место в жизни, для кого интуиция открыла этот прекрасный подарок, исчезает большинство нелепых и случайных сомнений, отягчающих жизнь любого человека. В момент откровения, который схож, может быть, с внезапным порывом восточного ветра посреди зимы, не всякий определит конкретно, что за знак послала ему судьба, но всякий сможет опознать: да, что-то изменилось и требует его отклика. Может быть, просто скоро весна.

Радость узнавания повлечет человека по его любимым улицам, а если в городе есть река, то к набережной. Там время течет, притворяясь водой, темное, но прозрачное, неуловимое, неостановимое никакой плотинкой.

Или же человека повлечет в места его детства и юности, где в путанице малоэтажных ведомственных домиков с вычурными балкончиками и советскими символами вокруг чердачных окошек он по-прежнему ищет туманное романтическое доказательство старым сказкам о славных подвигах или верной любви — благородный вымысел, пересиливающий блеклую реальность. Здесь времени будто бы и нет.

А может быть, человек движется, ощущая свободное дыхание будущего. Дух его прояснен, в руках и ногах есть сила, готовая к применению.

И он даже видит в воображении некий результат. Например, некий дом, на черном теле которого светлеют благородные ставни, а за резным карнизом крыши ютятся воробьи...

Разное ждет нас на пути наших мечтаний. Разное ждет нас и в жизни.

Когда Марат, просветленный мечтами о будущем, подъезжал к перекрестку и был готов уже свернуть на свою улицу, мимо промчалась, врубив сирену, полицейская машина. Потом обогнали его две пожарные. Он дал газу, и вскоре его вынесло к огненному озеру, вокруг которого растянулись толстые шланги, похожие на огромные щупальца.

Суетились мужики в робах, тащили лестницу, лезли наверх. Огонь тихо шумел и еле слышно хрипел, выбрасывался из окон, словно его с кляпом в пасти заперли и держали в заложниках. А пожарные будто бы спасали этот огонь, отгоняли его от окон, чтобы он не выпал.

Горел Каплин дом.

Дом занялся как-то сразу. Хозяйка правой части Думочкина дома разбудила мужа, тот выглянул на улицу, охнул и вызвал пожарную команду. Хозяйка левой части растерялась, стала искать своего боевого ободранного кота, который по-прежнему, бывало, хаживал в Каплин дом. Кота нашла и теперь стояла с животиной на руках, ужасаясь зрелищу, представляя, что стало бы с котом, окажись он в огненной западне.

Чумазый, но симпатичный пожарный подошел к ней и стал расспрашивать, есть ли кто внутри соседского дома. Она поправила волосы, отпустила кота и ответила, что не знает, но там, сказала она, обычно всегда кто-то есть, инвалид какой-то.

Пожарный закричал что-то товарищам, замахал рукой. Возникла суета. Подбежал молодой мужчина, сказал, что хозяин, и что в доме обязательно есть человек, его товарищ, инвалид. Рванул было к крыльцу, пока нетронутому огнем. Его поймали пожарные, повалили на землю.

— Куда! Откроешь, полыхнет на хрен! — заорал кто-то из них.

Подбежали полицейские из оцепления.

— Они сами. Погоди... — сказал один полицейский.

В нем хозяин узнал того, кто приходил брать у него объяснения по жалобе школьной директрисы. Полицейский смотрел на него с состраданием. И с еще большей печалью смотрел он на дом. Уж старший лейтенант Сережа хорошо понимал, что значит потерять дом, хоть он даже уже и не твой, но как бы призрачная родина твоей души.

Один угол полыхал особенно сильно. Было понятно, что дому несдобровать.

Марата к нему больше не подпустили. Обещали даже арестовать, если он будет мешать пожарным. Он завис рядом с полицейской машиной и ожесточенно наблюдал за огнем, пока с другой стороны дома не показались двое в робах и касках, поддерживающие человека, скачущего на одной ноге.

— Маня! — Марат кинулся вперед и подхватил фигуру.

Маня Иванович едва стоял, был черен, мастеровая куртка на нем обгорела по одному плечу и по боку.

— Там еще кто-то. Человек есть. Я не вытащил, не осилил, — прохрипел он и осел на землю.

Подбежал лейтенант Сережа. Вдвоем они довели Маню до Маратовой машины и устроили кое-как в ожидании скорой, которая запаздывала. Сережа еще раз запросил скорую по рации, уточнив, что есть пострадавший, а то и несколько.

Вокруг собиралась публика. Жители окрестных домов в основном. Кто-то снимал на телефон. Появились уже журналисты. Один шмыгал со своей камерой в жилетке с надписью «Пресса» и все удивлялся вслух: откуда такая толпа ночью?

Пожарные работали. Но огонь не унимался и добрался до второго этажа. Никого из дома больше не вытащили. Старое дерево стонало.

Внутри Марата вдруг образовался болевой комок. «И я чувствую себя привидением, осколком из прошлого. Но дом давно уже раселяют, он освобождается. И, может быть, настанет время, когда он будет пустым». Что же, неужели письма Евдокии Каплиной, ее последняя боль и надежда, исчезнут в огне — и не было будто бы Евдокии? И Лизочка, его родная прабабка, которая мерещилась ему то на лестнице, то в комнатах, канет в небытие вместе с грудой старого дерева? Марат оглянулся вокруг, будто бы ища купца Каплина. Будто бы тот стоит где-то в стороне и смотрит на него белыми глазами покойника, мол, не уберег. И, наверное, плачет своими невидимыми слезами. Марат опустил на корточки возле полицейской машины и тоже заплакал.

Тем временем к толпе зрителей приблизилась большая, несоразмерная какая-то фигура. Стала метаться, что-то спрашивать в толпе. Это была Дарья, и она искала Толика. Она шла за ними и вышла на пожар. Среди зрителей ни мужа, ни брата она не нашла и взволновалась. От Жеки она ничего хорошего не ожидала. И ничуть бы не удивилась, окажись они где-то здесь. Все Жека портит: как где ни появится, все обязательно испортит. Уж сидел бы и дальше, людяж жить не мешал.

Дарья кинулась к пожарным, которые колдовали у гидранта, потом к полицейской машине, требуя сказать, есть ли жертвы, вытащили ли кого.

— Да вот пока только одного.

— А второго?

— А второго — нет. Наверное, уже и не вытащат.

Дарья охнула и присела. А потом бросила свою большую фигуру к крыльцу, вскочила через две ступеньки и рванула дверь. Ее сила была велика, и дверь вдруг поддалась, возможно уже и подгорела. Огонь выбросился ей навстречу, она упала, голова ее как-то неестественно легла на краешек крылечка. Заорали пожарные, кинулись, потащили.

— Да что такое-то сегодня! Женщина! Скорую, скорую давай! Скорая где?!

Зрители видели, что возникла суматоха. Вокруг упавшей, которую оттащили на безопасное расстояние, хлопотали мужики. Потом подбежали к ним хозяйки из Думочкина дома, метались, суетились. И почему-то очень шумно — от пожара человеческих голосов.

Когда скорая приехала, Дарья уже не откликалась. Полицейский Сережа, грязный, в крови и саже, сидел в машине и держал на руках ком тряпок — что-то белое, а что-то синее. По лицу Сережи размазались слезы и все еще текли, падая на тряпки. Сережа боялся взглянуть туда — он не понимал, мертв ребенок или жив. И боялся, что вдруг мертв.

Возле женщины, которую пожарные накрыли, но голову оставили — вдруг жива, а они просто не могут определить, — сидел на ледяной земле мужчина и стучал кулаком по земле. Ничего не говорил, просто стучал с перерывами, словно азбукой Морзе посылал кому-то под землю сигналы. Двое пожарных стояли рядом, сняв каски.

Зеваки были растеряны. Людское море шумело. Никто не снимал на свои телефоны. Полицейские больше не позволяли никому зайти за невидимую линию. Но когда закричал младенец, вся эта жужжащая толпа в момент заглохла, замерла. И было слышно только гудение огня в противоборстве с водой и этот надрывный требовательный крик.

Скорая забрала всех — и Дарьино тело, то ли пустое, то ли еще дышащее, и младенца, которого лейтенант Сережа почему-то сначала не хотел отдавать. Забрали и мужа потерпевшей, Толика, который по-прежнему молчал и только дергался, вырываясь из рук, заталкивающих его в скорую. Вторая скорая забрала Маню Ивановича, который все твердил, что внутри остался человек, и не хотел уезжать, пока того не достанут. Но обожженные места начинали болеть, и его к тому же немножечко зашибло чем-то в пожаре, так что, когда мир стал размытым и поплыл, он согласился на уговоры Марата, взяв с него обещание убедиться, что человека найдут.

Человека нашли через несколько часов, когда огонь покинул дом и внутрь черного выгоревшего брюха можно было аккуратно войти. Тело уложили на крыльцо, крупную фигуру, обгоревшую, но не так, чтобы сильно. Скорее всего, он погиб, надышавшись угарного газа. Марат не смог опознать этого человека со впалыми щеками. Его отправили в морг как пока неопознанного. Последняя скорая — с неопознанным — умчала в темноту.

К этому времени толпа разошлась, у этого кошмара больше не было посторонних свидетелей. Только хозяйки Думочкина дома, словно приклеились к окнам в своих комнатах, выключив в комнатах свет. Их белые лица маячили за стеклами, как привидения. В стороне, за сиреневым кустом, накрытым световым одеялом от фонаря, сутулилась еще какая-то фигура, а то, кажется, и две. Хозяйка правой половины

пыталась разглядеть, да под обманчивым светом городских фонарей все, как известно, двоятся, лукавит. Она всматривалась, оттягивала пальцем внешний уголок глаза, как делают близорукие. В зрительную щелочку отчетливо помещались двое — один грубый и высокий, другой помельче, словно робкая, осторожная тень первого. Чего это они по кустам лазают? Надо позвонить куда следует, вдруг поджигатели... Лицо правой хозяйки растворилось в комнатной мгле.

Но вскоре и возле кустов никого не стало.

Хотя нет. На улице из посторонних осталась одна женщина. Она молча и неподвижно стояла посреди раззора, смущая полицейских и пожарных, которые начинали сворачивать свое пожарное имущество. Дом больше не дымился. Одна его часть осталась почти нетронута огнем, но, вероятно, была залита водой. Женщина смотрела на дом, не сводя с него глаз.

Марат давно уже наблюдал за ней. Но в ней, во всей ее позе, была очевидна такая грань отчаяния, которая требовала одиночества. Когда он заметил ее, она стояла на краю толпы, как на краю скалы, пошатываясь. Толпа расходилась, а она не двигалась. Он понимал, что она, Агата, видела его. Но не подходила — как бы и не видела. Он тоже долго не подходил. Только после того, как младенческий крик запустил в мире новые часы, новый отсчет, он приблизился, и она уткнулась в его пропахшую дымом куртку и сказала. Смысл ее слов дошел до него не сразу.

— Это ты? Не отказывайся от меня, — сказала она.

Он больше не мог думать о ней как о посторонней. Стало наконец ясно, что не притяжение плоти, и не ошибка воображения, и даже не разочарование в прежней жизни свело их вместе. А ощущение друг в друге нетерпеливой искры, подобной той, которая запалила Каплин дом. А не туфли в фонтане, конечно, — то был просто случай, на место которого, раньше или позже, пришел бы другой случай.

Он не решился дать название этому совпадению, боясь уничтожить его чем-то банальным, пошлым.

Она все еще прятала лицо. Но ее присутствие внушало ему неотвратимую легкость. «Все на своих местах», — думал он, глядя на черные обломки здания, сокрушаясь и жалея, но не отчаиваясь — обнадеживаясь этой легкостью.

— Ну что? — спросила она, поднимая лицо.

— Все на своих местах, — сказал он. Разве не в такой момент люди способны взглянуть друг другу в глаза с оглушающей тишиной страсти? Как раз в такой.

Она силилась улыбнуться ему в ответ. Но улыбки не получилось. Она устала — просто вдруг как-то устала, и все. Перед глазами все еще мелькали всполохи кошмара. Черета скорых, младенец, который вырвался из материнской утробы, может быть, в последнюю возможную минуту... Она подумала о своих детях, подумала о матери младенца. Неконтролируемая черета картинок бежала перед ее глазами. Она отдалась во власть этому иллюзиону, и лишь отъезд пожарного расчета,

окрики пожарных, вывели ее из забытья, в котором она силилась нащупать твердую почву.

— Отвезу тебя к своим, — Марат усадил ее в машину. Пора знакомить ее с родителями, и случай подвернулся, — иронически, но почему-то не горько подумалось ему.

Пока они ехали, она не открывала глаз, полностью доверившись человеку, который будто бы вышел из огня невредимым. Ей казалось, что он сгорел и возродился, как феникс. Она видела его по-новому: абсолютно беззащитным и оттого абсолютно неуязвимым, героем какой-то утраченной мифологии, которому потом на протяжении тысячелетий люди давали разные имена. Некрасивое лицо, которое она припоминала по деталям, освещалось для нее не томительным светом желания, но другим, чрезвычайным, огнем. Она решила, что им только предстоит узнать друг друга.

Наутро пожарище представляло собой вид до противного обыденный: еще одна развалина в большом, хоть и провинциальном городе. Прохожие сочувственно смотрели в ее сторону, сожалея, что теперь им придется лицезреть этот неудобоваримый на вид памятник не один год, как обычно. Поставят еще жестяной, зеленый с белым забор, который со временем искривится, его испишут символами и словами. Еще одно позорное пятно на белом мундире зимнего города. Н-да.

Но дом был не покинут, внутри происходило какое-то движение.

В обед выглянуло солнце, и пожарище стало еще более вопиющим. К этому времени у дома стояли грузовичок и легковушка, и три человека суетились, бегали туда-сюда, загружали их вещами.

К трем часам солнце разыгралось, прыгая по стеклам второго этажа левой, несгоревшей части. На отблески в окнах, напомнившие блеск серой воды в реке, угрюмо взирал мальчик. Шапка сбита, школьный рюкзак брошен рядом. Прохожие могли бы подумать, что он шалопай, неаккуратный гражданин, позорище своих родителей. Но мальчику было абсолютно плевать, он думал лишь о том, как не поддаться слезам.

Один человек, приземистый, кряжистый, с красивым хищным носом, похожий на римского полководца из учебника, грустно помахал ему. Мальчик помахал в ответ.

Для него этот пожар означал только одно — он отодвигал его встречу с матерью. Где они с ней будут жить, пока дядя Марат не восстановит дом? А если вдруг передумает и вообще не будет? Бросит, да и все. Хотя такого, конечно, быть не может. Но ведь взрослые на все способны. Наверное, он разберет старый дом и построит новый. Наверное, построит новый, красивый.

Мальчик обошел погорелый Каплин дом слева и справа. Погладил перила крыльца. Постучал в целые стекла. Второй человек, грузивший вещи, улыбался ему прекрасной улыбкой, совсем не грустной. Хотя, думал мальчик, дяде Марату как раз должно быть очень и очень несладко. Но он так безапелляционно улыбался — и мальчик улыбнулся ему в ответ.

Солнце, видя такое дело, обнаглело вконец и стрельнуло мальчику в глаза. Он чихнул и засмеялся. И, опустив голову, увидел внизу тень, а повернувшись — большого черного пса, который миролюбиво сидел в сторонке и будто бы тоже улыбался. Пес посмотрел на мальчика, а потом протрусил мимо него по улице, приостанавливаясь и оглядываясь.

Мальчик поднял с земли рюкзак, поправил шапку и пошел вслед за псом. А то скоро возвращаться к бабке, которая полночи издавала странные звуки, закрывшись в своей комнате, сморкалась и как будто по телефону говорила, а утром в школу не пошла и пила вонючее лекарство. Надо за ней присмотреть.

— Пока, дядя Марат. Я послезавтра приду помогать!

Человек крикнул:

— Понял тебя! — и захлопнул багажник легковушки.

Когда основное дело было закончено, мужчины уселись на крыльце. Дон Педро подставил солнцу свое императорское лицо. Марат открутил крышку от бутылки с минералкой и жадно глотал, ощутив вдруг невероятную и радостную жажду.

— Придет Дягилев? — спросил он, прикинув объем работы на ближайшее будущее.

Дон Педро вздохнул, нахмурился, ничего не ответил.

Третий, лейтенант Сережа, взял молоток, слетевший с молотовища, и, сопя по-мальчишески, прилаживал части инструмента друг к другу.

— Надо бы фанеру на окнах проверить, получше приколотить. Чтоб не залез никто, — сказал он и пошел приколачивать. Солнце ободряюще подталкивало его в спину, и по заливке бежали теплые волны, как от бабушкиных рук в детстве, когда она гладила его по голове, чтобы успокоить...

Владимир СВЕТЛОСАНОВ

К ХОЛОДНЫМ БЕРЕГАМ

Серпухов

Над Серпуховом серый пух,
и облака плывут на север,
и выбирай одно из двух:
трава забвенья или клевер.

Смотри на остовы церквей,
стоящие немym укором,
или над Нарой грусть развей,
бродя весь день по косогорам.

Здесь, на холмистом островке
возвышенности среднерусской,
Русь уплывает по Оке
вверх по течению — к Тарусе,

к поленовским ее лесам,
к мусатовским ее запрудам,
к порушенным ее церквям,
застывшим в ожиданье чуда.

Шахматово

Если ехать от Москвы на север,
ехать не спеша, часов так пять,
край найдешь, где тишь да благодать,
подорожник, одуванчик, клевер,
блоковская в клеточку тетрадь
и такой простор в простом напеве,
что не повторить, не передать.

Край холмистый, светлый, соловьиный,
заповедный шахматовский край,
липами, усадебной малиной,
и дрожащей на ветру осиной,
и столетним тополем встречай;
тенью Блока с профилем орлиным
облака и тучи помечай.

Дорог мне пейзаж твой одинокий,
захолустный деревенский вид,
дедовский, от всех дорог далекий,
он о темном прошлом говорит;
ель высокородная стоит,
и лесной элизий, как при Блоке,
листьями чуть слышно шелестит.

Гинкго

Стоишь, иероглиф ветвистый,
напомнив мне старое хокку
про сбор белоснежного риса
и сакуру, символ Востока,

Про теплое южное море...
Как будто мне с листиком гинкго,
как с веером, странствовать вскоре
в толкучке блошиного рынка.

Во сне, с непонятной тоскою
блуждая в реликтовой чаще,
я помню, как гладил рукою
японское дерево счастья.

Северное лето

Печенеги-дожди, неожиданны ваши набег,
мокнет низкое небо, высокая гнется сосна
в том далеком краю, у Печоры, Двины и Онеги,
в том холодном раю, где Онега, Печора, Двина.

Я бы двинул за вами в крестьянской скрипучей телеге,
да она, развалюха, стоит ни на что не годна,
и кончается лето, и в Лету впадают все реки,
ведь забвением вечным отмечена Лета одна.

Клюев

Клюев, старик Лука,
на олонецкой травке
вносит свои поправки
в майскую песнь жука.

В райскую жизнь избы
вносит расколы строчек.
Почерк его судьбы —
бисерный, мелкий почерк.

Сочной порос травой
этот почти что эпос.
Сосны над головой,
а над соснами — Эос.

Vita nova

Блажен, кто знает кодовое слово,
тот, для кого открыты времена,
а для меня закрыта *vita nova*,
и за железным занавесом снова
родная речь, и люди, и страна.

Закрытые на ключ подъезды в доме
мне говорят о том, что я чужак.
Как неуютно жить на переломе
эпох, когда стоять в дверном проеме
нет больше сил — и не войти никак.

Письма с Понта

Линия горизонта
в густом тумане.
Вот они, письма с Понта,
в моем кармане.

Это Овидий пишет,
а это — Плиний.
Над головой колышут-
ся ветви пиний.

Вот перенос, достойный
на самом деле
Бродского. Он спокоен
на Сан-Микеле.

Спит, временами пишет,
но не читает.
Ветер листву колышет,
стишки листает.

Встанет сейчас и с понтом
L&M закурит,
а про стихи не вспомнит —
мол, не волнует.

О ветре

И вновь о ветре. Пушкин, Шелли, Блок
о нем писали оды и поэмы.
Поветрие, ветрило, ветерок

и ты, ветрянка, коей в детстве все мы
переболели. Ветер перемен
и ветер странствий с Запада приходят

на наш Восток и, повести времен
перелистав, порядок новый вводят.
И вновь — застой, безветрие. Бог даст

и этому свое определенье.
Все суета сует. Травой забвенья
все зарастает. Прав Екклесиаст.

Тополя

Листва летит с тополей,
как будто они вещают
о молодости моей,
оставшейся за плечами.

«Прощайте» им говорю,
и слышу их «до свиданья»,
и память о них рублю
под корень в своем сознанье.

И дело не в тополях,
и прошлого мне не жалко.
Летит, превращаясь в прах,
листва Центрального парка.

Ладога

Захотелось мне ехать на Ладогу
(ладно бы, как и все, на юга),
улететь вслед за ласточкой надолго
в те края, где туманная радуга,
да дорога туда далека.

Захотелось с земным притяжением
ладить с легкостью взмаха руки.
До свидания, до возвращения! —
отдаляется стихотворение
от отставшей от стаи строки.

Ближе к ладу, к ладоням и ладану,
к валаамским седым облакам,
блудный сын по невидимой радуге,
как домой, возвращается к Ладоге,
к тем, холодным, ее берегам.

Антон ШУШАРИН

КОПЕЕЧКА НЕ В ТЯГОСТЬ

Р а с с к а з

1.

Максим сменился с суточного дежурства в девять утра. Ночью удалось немного поспать, но глаза все равно слезились от яркого мартовского солнца, которое индейцем скакало по зимним еще сугробам. Вообще-то он не должен был работать сутки, но в ночную смену не вышел фельдшер Серега, пришлось остаться. А ведь планов у него на сегодняшний день было предостаточно, все-таки Восьмое марта.

Зазвонил телефон.

— Да.

— Максим, привет. Сегодня как договаривались?

— Да.

— Тогда приезжай, уже есть заказы.

Макс уселся в промерзшую за ночь «калину», завел двигатель. «Хорошая машина, — по привычке подумал он, — пока мотор не запустишь». Посидел немного, остановив взгляд на серебристой ладье на голубом фоне, ни о чем не думая. Посмотрел на празднично горевший желтый значок Check Engine на приборке. Машина барахлила, датчики летели один за другим. То ли качество запчастей оставляло желать лучшего, то ли зря он насиловал технику, принуждая различными способами заводиться в февральские морозы за тридцать.

Когда лобовое стекло отогрелось, Макс снял и убрал в бардачок шапку, пригладил русые волосы, пристегнулся и тронулся с места. Схватившись, воткнул в магнитолу «рабочую» флешку. Музыка, записанная на ней, предназначалась для ушей пассажиров — убаюкивающий лаундж* без слов. Сам он ездил бы вообще в тишине, но клиенты либо начинают приставать с разговорами, либо просят поставить что-нибудь. Приходится включать радио, и некоторые начинают возбуждаться, подпевать так, что хочется высадить их прямо на ходу из машины.

Макс был из числа неразговорчивых таксистов, за что его частенько благодарили пассажиры. По пути из точки А в точку Б, если уж человек

---

* Лаундж — легкая фоновая музыка.

раскошелится на такси, ему нужно постараться отдохнуть от суеты, переключиться, подумать о приятном.

Сегодня, по заранее составленному плану, денек предстоял напряженный. С десяти утра до восьми вечера Макс планировал одновременно таксовать, доставлять пиццу и тюльпаны, которые сегодня заказывали своим женщинам креативные и состоятельные мужчины. Плату за смену в пиццерии и тюльпаны он уже взял и даже успел потратить. Отказаться было нельзя.

Максим выехал в недалекий пригород. В здании непонятного предназначения рядом с автомойкой, шиномонтажкой и офисами фирм с загадочными аббревиатурами («РосСевГоЭ», «ЧреКВаЭлРо», «ПеГаз» и др.) в подвальном помещении находилась пекарня, которая работала только на вынос и доставку. Там же накануне предприимчивый хозяин устроил временный склад тюльпанов. Незнакомая девушка принимала заявки, вязала букеты, прикрепляла к ним чек с ценником и адрес.

Макс припарковался между черным паркетником «Ниссан» и серебристой «хондой» владельцев офисов. Однажды он заносил им заказанную пиццу. В большом уютном помещении с гигантским овальным столом двое мужчин под тридцать пили коньяк. Дверь в прилегающее помещение была приоткрыта, оттуда струился электрический свет.

— О! Земеля! — сказал один и пошел навстречу курьеру. Белая рубашка на выпуск была распахнута, массивный крест на золотой цепочке болтался на шее. Лицо бизнесмена лоснилось.

Максим достал из термосумки пиццу, положил на стол.

— Оперативно сработал, — одобрил второй, высокий и чернявый, глянув на часы.

— Братан, глотнешь? — предложил первый, сдвинув бутылку на край стола.

— Я за рулем, — покачал головой Макс.

Длинный достал из кармана деньги, поспешил палец.

— Без сдачи. Сегодня закрыли большой проект. Скромно празднуем.

— Нехилые бабки срубили! — поделился тот, что с крестом. — А коньяк забери. Подарок! У нас целая коробка еще.

Макс забрал бутылку. «Нормальные ребята, — подумал он, спускаясь со второго этажа обратно в пекарню, — почти ровесники».

Вот и сегодня, в праздничный день, дома, наверное, девушки или жены ждут, а бизнесмены работают, не жалеют себя.

— Максим, где ты ходишь! — Навстречу вышла Марина — администратор, телефонист, сортировщик и помощник пекаря в одном лице.

Марина платила ипотеку и воспитывала сына-подростка. Ее день начинался в семь утра и заканчивался в десять вечера, когда закрывалось заведение. По воскресеньям Марину подменял лично хозяин пекарни, который щедро платил за ее труды. Пиццайоло, как себя называл выпекающий пиццу Борис, копил на «мерседес» своей мечты, поэтому работал почти круглосуточно, ел на кухне, спал тут же, на топчане возле батареи. Бизнес в духе рабовладельческого строя потихоньку поднимался с колен благодаря одержимости этих двух людей.

— Я только с работы, — пояснил Максим, поведя носом. Пахло очень вкусно. Последний раз ему удалось перекусить вчера вечером. — Прилип на сутки!

— Сегодня ты должен был вдвоем работать с Мишкой, но он не вышел. У нас заказы с восьми утра висят!

— Я что, один буду работать? — всплеснул руками Макс. — Я не рассчитывал, мне в восемь надо уехать. И вообще, как я один все успею?

— С обеда выйдет другой курьер, Алексей, он тебе поможет, обещал доработать смену.

— А сейчас что делать?

— Готовы четыре пиццы, вот чеки с адресами. Забери у Лизы букеты, пока семь штук. Как все развезешь, позвони мне. Все! Боря, давай заказы!

Максим упал на подвернувшийся стул. Помещение, в котором за столом у компьютера работала Марина, было облицовано белым кафелем. Борис через окно подавал готовые пиццы, выкрикивая:

— «Пеперони!» «Четыре сезона!» «Сырный король!» «Колбасный барон!»

Марина ловко запечатывала каждую в коробку и складывала в сумку, лежащую на стеллаже.

— Поторопись, а то остынут!

Максим вышел в соседнее помещение, где на полу огромной пестрой кучей лежали тюльпаны.

— Привет.

— Привет, — отозвалась девушка, не переставая сортировать и раскладывать цветы. — Там, видишь, лежат, забирай.

Максим взял охапку букетов, унес в машину и пристроил на заднем сиденье. Вернулся за термосумкой, бросил ее на переднее.

Отъехав от пекарни, чтобы не ловить тревожные взгляды Марины, курившей у входа, встал «на аварийке», вышел на связь в приложении «Таксист», достал блокнот.

Нужно было посмотреть адреса, построить логичный маршрут, разложить чеки по порядку и посчитать, сколько выручки должно получиться, предусмотреть сдачу. В этот момент упал заказ по автоназначению. Следовало забрать клиента и отвезти за сто рублей в центр.

— Блин. — Максим выскочил из машины и перенес цветы и сумку в багажник, закутав специально припасенным одеялом. Мороз прихватывал. Зима сдаваться не собиралась, градусник с утра показывал бодрые минус восемнадцать. — Совсем не так хотел начать!

Женщина нетерпеливо поджидала на крыльце.

— Ну где вы ездите? — спросила она, усаживаясь на заднее сиденье. — Я замерзла ждать!

— Извините, — не стал оправдываться Максим.

— Еду дочери и внучке подарки на Восьмое марта покупать, — похвасталась пассажирка.

Макс прибавил громкости на магнитоле. Салон наполнился звуками саксофона и клавиш.

— Какая музыка у вас приятная! Какая редкость! Едешь и отдыхаешь! — сменила гнев на милость женщина. — А по машине не скажешь, что приличный человек, вы уж извините. Это у вас рабочая?

— Это единственная.

— И как вам работать в такси?

— По-разному.

— У меня муж пробовал, не смог. Говорит, тяжело и машину жалко. Он молодой пенсионер. Военный. Устроился на склад вахтером. Копеечка не в тягость.

Максим кивнул.

— Вы-то молодой! Наверно, меньше нашего устаете. Подрабатываете или такси — ваша основная работа?

— Подрабатываю.

— А где работаете?

— В морге.

Женщина замолчала. Должно быть, обиделась. Или испугалась. Максим огорчился, теперь чаевых не даст.

— Шутка. Я фельдшер. На скорой помощи.

— Надо же! — оживилась женщина. — Понимаю.

— Приехали. — Максим остановился. — Хорошего вам дня!

— И вам. — Женщина подала купюру и пару десятков сверху.

— С праздником! — улыбнулся Макс и дал по газам.

2.

— Ну и чего ты мне привез? — спросил мужик в распахнутом халате и трусах, открывший дверь.

Максим шагнул с букетом вперед.

— Я уже пять раз звонил, чё долго везешь? — В руке заказчик крутил новый айфон.

— Тюльпаны. Девять штук. Пять красных, четыре желтых, — ответил Максим, оглядываясь. Квартира была однокомнатная, но с хорошим ремонтом. За окном красиво белело покрытое льдом море.

— Это я вижу. — Покупатель выставил волосатый живот. — У вас в объявлении написано, размер бутона шесть-семь сантиметров. Где тут семь сантиметров?

Мужик ушел на кухню и вернулся с рулеткой.

— Максимум пять! — измерив, вынес он вердикт. — Всю сумму я платить не буду. Максимум семьдесят пять процентов!

— Послушайте! — изумился Макс. — Я же просто доставщик. Вы обратитесь по этому вопросу к начальству. Могу номер продиктовать.

— Я просто заберу букет в качестве компенсации, и все!

— Тогда я без выручки останусь. Заплачу за ваш букет, получается.

— И чё? — уставился на Макса мужик.

— Сережа, к нам кто-то пришел? — раздался женский голос из комнаты.

— Так, никто, — усмехнулся Сережа.

— А давайте тогда я и букет сам подарю вашей даме. Поздравлю ее с праздником, — предложил разозлившийся Максим.

— Э, олень, — начал было мужик, но тут из комнаты вышла в одном белье красивая ухоженная женщина.

— Чё вылезла? — вытаращил глаза Сережа. — Прикройся!

— Ты же сказал, тут никого нет. О! Это мне! Какая прелесть! Спасибо, Серженька, ты настоящий джентльмен!

Женщина выхватила из рук Максима букет и прикрыла им грудь.

— Не обидь мальчика. Ему сегодня, конечно, тоже кого-нибудь хочется порадовать!

— На, — сунул деньги Сережа.

— Сдачу надо?

— Вали отсюда.

Макс с облегчением выскочил за дверь, спустился этажом ниже и вызвал лифт, чтобы не стоять у враждебной квартиры. Пересчитал деньги, спрятал в карман, включил поставленное на паузу таксишное приложение. Через секунду поступил заказ из этого же дома.

Максим сел в машину, проехал на два подъезда вперед и остановился у третьего.

«На месте», — отписался он клиенту и прикрыл глаза. Можно пару минут передохнуть. Время ожидания включать не стал, чтобы не торопить и не торопиться. Перед глазами, как вода из-под снега, проступила прошедшая ночь.

Под утро в гараже он играл в карты с санитарями по перевозке трупов и машинами скорой помощи, мужики травили байки, чтобы отогнать сон.

— Приехали, значит, — азартно рассказывал санитар. — Лежит. Вмерз в лед уже. И менты тут же рядом. Забирайте, мол. Бито!

— Я уцепился за куртку-то, — подхватил второй. — Вини винами, куда ты! Ладно, взял. Тяну за куртку рыбака, вдруг Колька как заорет: «Стой! Стой!»

— Про что они? — Это подошел вернувшийся с вызова водитель.

— Рыбак под лед провалился, его вытащили, а откачать не сумели, сердце встало. Вот рассказывают, как забирали, — пояснил Максим.

— Невидадь, — фыркнул шофер.

— А ты слушай дальше! Я тянуть перестал. Колька шепчет, мол, отвлеки народ. А вокруг кроме полиции рыбаки собрались, дымят, обсуждают. Я им кричу: «Расходитесь! До свидания! Цирк уехал!» Разгонять демонстрацию начал, короче.

— Я тем временем ножичек складной достал и...

— Бито! — перебил я.

— Вот пакость! — плюнул водитель.

— Что?

— Палец ты ему отрезал, что ли?

— Зачем?

— Печатку снять.

— Во дурак! — восхитился санитар Колька. — Слышал, Виталик, за кого он нас держит?

— Ага, думает, мародеры! — Виталик почесал в затылке, засветив свои карты.

— Ножичком я тысячную банкноту ото льда отскоблил. — Колька постучал себе по лбу. — Она наполовину из кармана рыбака торчала, вмерзла.

— Мародеры и есть! — Водитель ударил ладонью по столу и ушел в комнату отдыха.

— Чего он? — вытаращил глаза Виталик. — Не, мы не такие. Может, тысяча там до него еще лежала.

— Может, он за ней и нагнулся перед тем, как под лед провалиться, — развил мысль Колька.

— Всё! — Максим шлепнул об стол козырным тузом. — Это вам на погон!

Хлоп!

Задремавший Макс встрепенулся. С пассажирского сиденья на него смотрел поп.

— Фу, елки! — Максим протер глаза. — Здрате.

— Я не помешал? — деликатно поинтересовался священник. — Мне показалось, вы спали.

— Ну что вы, я задумался. — Макс опустил ручник и тронулся с места.

— Знаете что, — батюшка сел вполоборота к таксисту, — служу я как-то заутреню. А накануне у моего ребенка зуб пошел, поспать, само собой, не удалось. И мне зевнуть страсть как охота! А ведь нескромно выйдет. Я морщусь, слезы глотаю, терплю. Умора.

Поп рассмеялся.

— Вы бы пристегнулись, — предложил Максим.

— С Божьей помощью, — отмахнулся священник. — А что это у вас за музыка такая постная?

— Чтоб не отвлекала.

— Я люблю, чтоб бодрила. С утра врубишь, например, Nickelback — When we stand together. И подпеваешь! Или, на худой конец, Грига — «В пещере горного короля»! Вы классику уважаете?

— Вагнера, — согласился Максим.

— О! Рихард Батькович! «Полет валькирий»?

— «Сон в летнюю ночь». «Слеза». Реквием.

— Ух! А вы ценитель! Давно таксуете?

— С некоторых пор.

— Так-так, — кивнул священник. Он был молодой, с аккуратно подстриженной бородой, в кожаной куртке поверх рясы. — Выгодно?

— По-разному.

— Тяжело с вами разговаривать, — огорчился поп. — Не на исповеди, понимаю, да. Просто я сам подумываю начать таксовать.

— Вы? — удивился Максим.

— А что? У нас один батюшка таксует. Что в этом такого? Он же не в рясе за рулем сидит!

Священник снова рассмеялся.

— Жить в скиту, храня себя, молясь за весь мир, — это одно. А жить в миру, тереться локтями среди людей, храня веру, созидая вечное, пойдй попробуй. Мы же с вами очень похожи. Просто вас еще не коснулась Божья благодать, или коснулась, да вы не чувствуете, огрубели.

— Может, я верующий, — возразил Максим.

— Может, — согласился батюшка. — Чего ж вы так испугались, когда меня увидели?

— Я задремал, — сдался Максим.

— Не-е-ет, — покачал головой поп. — Давайте не будем себя жалеть.

— Я сегодня не готов рефлексировать, слишком напряженный день.

— Ладно, — поднял ладони вверх священник. — Приходите в храм как-нибудь. На досуге.

— В какой?

— А вот в этот, — указал батюшка. — Мы к нему и едем.

Максим посмотрел на белую красавицу с золотыми куполами.

— Ну, с Богом, — протянул руку поп. — Прощайте.

Он вышел из машины, положил на сиденье деньги, перекрестил водителя. У Максима мурашки пробежали по спине. Отчего это?

3.

До темноты Максим крутился как белка в колесе. Люди активно перемещались по городу, ленились готовить, дарили заочно друг другу букеты. Сыновья посылали тюльпаны матерям, братья — сестрам. Женам цветы дарили лично, к любовницам отправляли Максима.

— Это вам! — вручал он букет очередной открывшей дверь женщине.

— Ой! А вы кто? — чаще всего спрашивали в ответ.

— Курьер.

— А от кого цветы?

— От тайного поклонника!

— Какая прелесть! Сколько я вам должна?

— За все уплачено, — гордо говорил Максим, но от чаевых ни разу не отказался.

Одна бабушка даже угостила его свежей шанежкой. Для зверски голодного Макса это было спасение.

— Марина, — взмолился он после третьего заезда в пекарню, — силы на исходе! Где моя положенная пицца?

— Садись, выпей чаю, — предложила администратор. В пекарне было правило: одну пиццу бесплатно готовили курьеру. — Вот-вот подъедет Алексей. Я ему заказы отдам, у тебя перерыв получится.

— Лучше кофе! Глаза закрываются.

— Боря, давай курьерскую пиццу! — Марина включила чайник, достала кружку.

Хлопнула входная дверь. В подвал пекарни спустился третий курьер Мишка.

— Не ждали? — улыбнулся он.

— Миша, подлец! — накинулась на него Марина. — Ты почему на смену не вышел? Мы тебя больше не позволим работать!

— Маринка, у нас охотничьи колбаски кончились и сыр на исходе! — крикнул из кухни Борис.

Марина схватила телефон и принялась дозваниваться до Алексея, чтобы уговорить его по пути заехать в магазин и купить продуктов.

— Конечно, переведу, — щебетала она. — Прямо сейчас. В долг не надо, да! Переведу пять тысяч и список покупок сообщением отправлю.

— Всё, товарищи! Откуръерил! — сообщил Миша. — Я контракт подписал.

— С кем?

— С Министерством обороны!

Все, даже Борис, посмотрели на Мишку.

— Да. Я в секрете держал. Я же офицер запаса, у меня военная кафедра была. От военкомата запрос направил, документы приложил. Созвонился, договорился, кому надо — занес, кого надо — поблагодарил. Медкомиссию прошел. А вчера вызвали, сказали — все, пакуй чемоданы и рви когти на Крайний Север Родине служить.

— А кем?

— Моряком-подводником!

— Ух ты! — восхитилась Марина.

— Что, большую зарплату обещают? — поинтересовался меркантильный Борис.

Миша назвал сумму. Повар присвистнул. Максим тоже позавидовал. На скорой он получал в два раза меньше.

— Так что я попрощаться приехал, ребята. Последний перекур, и прощай, прошлое! Идем?

У Марины запел телефон: звонил Алексей. Она осталась поговорить, а Максим с Мишей вышли на улицу.

— Как ты решился? — спросил Макс.

У них не было дружеских отношений, но Мишке он симпатизировал. Легкая зависть прихватывала сердце. Вот перед тобой простой, понятный парень, без придури, без глубины, сделал мужской выбор, переломил судьбу через колено. Его ждет ветер перемен, свободы, движение неизвестным путем вперед, к счастью. Максим обожал дорогу, движение, перемены, но боялся неизвестности и вечно медлил, выгадывал момент, присматривался, зачастую упуская шанс.

— А что мне здесь ловить? — помолчав, сказал Миша. — Надоела греча, надоели макаронны. Все здесь мне наскучило. Ты же знаешь, я детдомовский, птица перелетная. Прыг с ветки и полетел.

— Там глухомань, снега, даже женщин нет!

— Здесь тоже очередь ко мне не стоит. Кому я нужен без денег! Да и не в этом дело, братан.

— А в чем?

— В мечте. Я не помню ни мать, ни отца. По рассказам знаю, что отец был моряком. В детстве я представлял, как он возвращается ко мне неведомо откуда, наверное, из морского похода. В бескозырке, в бушлате,

в клешах. Отец насквозь промок, потому что попал под дождь или потому что попал в шторм. Волны переливали через верхнюю палубу, пришлось туго, но экипаж выполнил поставленную задачу, и папу отпустили на берег забрать меня на корабль. Ему бы просушиться, но он рванул ко мне, к сыну. Я играю с ребятами, поднимаю глаза, а он стоит возле белой входной двери. Вода стекает по лентам бескозырки. Отец протягивает руку, мол, здравствуй, пойдём...

Мишка глубоко затынулся.

— Мечта, короче. — Он пожал плечами. — Ты не отговаривай, не удивляйся. Просто порадуйся за меня и пожелай удачи.

— Максим! — На улицу вышла Марина с термосумкой. — Поезжай. Леша попал в аварию. Ему дороге «шкода» не уступила. Там плохо все. Говорит, переднее правое колесо оторвало. «Лифан» всмятку.

Макс молча взял сумку и пошел к машине. Мишка с Мариной зашли внутрь.

Из-за поворота вырулила машина, ослепила фарами, развернулась и встала у подъезда офисов, посигналила. Максим поморщился, открыл заднюю дверь.

Из иномарки выскочил мужчина, шагнул к Максиму.

— Здорова, Максон! — Оказалось, это Вован, с которым они учились в параллельных классах и одно время вместе отчаянно гулебанили. Он раздался в плечах, возмужал, наел круглый живот, отпустил бородку. — Тыщу лет тебя не видел! Ты как здесь?

— Гадство, — пробормотал под нос Максим. Кому охота, чтобы бывший кореш видел тебя развозящим пиццу. Он закинул термосумку в машину.

— Ты чё, курьер? — усмехнулся Вова.

— Так, катаюсь по выходным. — Макс пожал протянутую руку. Посмотрел на серебристый седан.

Володя поймал его взгляд.

— Летом взял пофорсить, катаюсь пока. У тебя что, нелады в жизни? Помнишь, каким ты был? Крутой! Я завидовал, отвечаю. Как ты на гитаре жег! Помнишь? «Как бессонница в час ночной...» Да?

— Помню, — признался Макс.

— А я в институт после школы пошел, на строителя. С девкой познакомился. Сначала думаю, дура. Потом, оказывается, батя у нее не последний человек в области, в высоких кругах свояк. Ты знаешь, я привык ковать железо, пока горячо. Девку в оборот, свадьба, кольца, потом сын. Хороший, кстати, мальчишка получился, в меня пошел. Стометровая трешка в новостройке, две машины, домик в Крыму, кресло директора в строительной фирме... короче, все по заслугам, кореш. Тесть обещает помочь стать депутатом. А ты как? Неужели сдулся?

— Нет, почему. — Максим соображал, как бы поскорее свернуть разговор. Из подъезда нарисовался бизнесмен, тот, у которого золотой крест на шее.

— Владимир, приветствую. — Они сдержанно поздоровались. — Это кто?

— Так, знакомый.

На улицу снова вышли Марина и Миша.

— Максим, ты чего, все еще не уехал? — запаниковала администратор. Мишка щелчком выбил из пачки сигарету, прислушался к разговору.

— Я уже. — Макс готов был провалиться на месте. — Вован, мне пора.

— Дружбан твой? — спросил бизнесмен Володю.

— Прикальываешься? Так. — Вова пожал плечами. — Слышишь, Максон. Мы новый объект начинаем строить. Сторожа не могу найти. Иди к нам. Сутки через трое. Для тебя особые условия. Что скажешь?

— Ты чего там несешь? — крикнул Миша, бросил только что прикуренную сигарету и подошел вплотную к Володе. — Ты знаешь, где Макс работает? Ты знаешь вообще, кто он такой?

— Чё несет вообще? — Володя шагнул к машине, переглянувшись с бизнесменом.

— Макс каждый день жизни на скоряке спасает! — наседал Мишка. — Ты подыхать будешь, мамку звать, кто к тебе приедет? Макс с мигалкой мчаться будет, откачивать тебя. Пошел ты знаешь куда со своей стройкой, козлице!

Мишка замахнулся, Макс поймал его руку, сгреб в охапку.

— Валите отсюда! — крикнул он.

Бизнесмены прыгнули в тачку, тронулись. Водительское стекло опустилось, Володя показал средний палец и дал по газам.

— Гнида! — Миша сжимал кулаки.

— Миш, не надо! — металась Марина. — Максим, поезжай, пожалуйста, заказ горит! Я его успокою!

Макс кивнул, сел в машину, завел, поехал. Скатертью стелилась дорога, мелькали фонари, светофоры, машины, пешеходы. Было обидно. Он нигде не ошибся, он правил на свою звезду. Он действительно спасал людей, пусть не каждый день, не всегда. Он работал не ради денег, отчего же так обидно?

4.

Смена приближалась к концу. Часы показывали начало десятого. На очередном адресе пиццу брать отказались.

— Тут волос! — сразу вскрыв коробку, подняла шум блондинка. — Меняйте! Я эту гадость есть не буду.

Максим забрал пиццу. Вернулся в машину. Распаковал коробку и взял кусок. Пицца была большая, самая дорогая. С морепродуктами. Макс съел три куска, запил ледяной водой из двухлитровой бутылки, которую еще с лета возил с собой. Потом позвонил Марине.

— Алло.

— Слушай, это я. Тут на адресе в пицце нашли волос. Денег не заплатили, пиццу не вернули. Велели привезти новую.

— Блин, она очень дорогая.

— А я что сделаю?

— Ладно. Займись остальными заказами, Боря испечет новую.

Макс не спеша съел еще два куска и только потом поехал дальше. В животе стало тепло, мысли расползались.

Несмотря на выходной, движение по шоссе было плотное. Макс шел в левой полосе. Светофор впереди замигал. Он притопил педаль тормоза, обозначая намерение затормозить, на мгновение зажмурился и потряс головой, отгоняя дремоту. Белый «Хендай-Солярис» справа вильнул, резво обошел его и вклинился впереди.

Максим вмиг проснулся, ударил по клаксону, по тормозам, выкрутил руль вправо и по касательной ударил «хендай» в задний бампер. Он вырулил на обочину, включил аварийку, уставился на серебристую ладью на голубом фоне, соображая. «Я не виноват. Вроде. Подстава? А если бы в правой полосе кто-то был?»

Макс вышел из машины. От «хендая» к нему метнулась девушка.

— Ты слепшарый! — крикнула она. Но ни один мускул на ее лице не дрогнул.

Максим осмотрел свою машину. Левая фара разбита, крыло и капот повреждены, кусок бампера висит «на соплях».

— Вы меня подрезали, — сказал Макс.

— Я сейчас позвоню, тебе объяснят, кто кого подрезал, — пообещала барышня.

Максим сел в машину, набрал номер.

— Марина? Сегодня не наш день. Короче, меня подрезали, стою на шоссе, возле бульвара. Пусть кто-нибудь едет, забирает пиццы. Я отработал.

Администратор шумно выдохнула и, не говоря ни слова, повесила трубку.

Крупными хлопьями повалил снег.

Макс подошел к стоящей на полосе машине девушки, постучал в стекло.

— Чё тебе?

— Ментов будем вызывать?

— Пацаны приедут, объяснят тебе.

Максим вернулся в свою машину, на всякий случай достал из бардачка газовый баллончик.

Подъехал «мерседес». Деловые пацаны походили вокруг места аварии. Макс оставался в машине. Подъехала вторая тачка. Какой-то дяденька в пальто постучал в водительское стекло, поманил. Макс вышел.

— Что тут случилось, молодой человек?

— Я шел в левой полосе. Светофор замигал, движение затормозилось. Девушка вильнула и подрезала меня. Я пытался уйти вправо, но не смог.

Мужчина слушал, кивал.

— Короче, я посмотрел видео с регистратора. Она не права. Чего ты хочешь?

— Ну, мне теперь ремонтировать, машина в простое, а я таксист, — начал плести Максим.

Мужик отсчитал несколько пятитысячных.

— Тут хватит, даже чтобы мой «рейнджровер» починить при аналогичных повреждениях. Бери деньги и забудь. Инцидент исчерпан. Согласен?

— Да.

— Расход, — махнул рукой авторитетный дядя.

Спустя минуту на месте происшествия никого не было, а еще через пять минут примчался Мишка.

— Ну, так. — Он сморкнулся на асфальт, обойдя машину. — Жить можно, косметика. Вы без ментов разъехались?

— Ага.

— Короче, езжай, выпись, — посоветовал Миша. — Хрен с ним, последнюю смену я за тебя доработаю.

Он достал из кармана деньги, отсчитал.

— Держи, Марина передала.

— Мне же заплатили заранее.

— Это премия.

— Спасибо. — Макс взял деньги. — Давай тогда. Пока.

— Может, когда-нибудь, — кивнул Мишка, пожал ему руку, забрал термосумку и уехал.

5.

Максим припарковался у многоподъездной девятиэтажки. Кусок бампера он уже оторвал, чтоб тот не болтался, фару залепил скотчем. Крыло и капот выпрямил молотком, чтобы хоть немного вернуть геометрию. Если верить часам, до полуночи оставалось двадцать минут. Открыл багажник, извлек из него букетик тюльпанов без чека. Нежные бутоны потемнели, стебельки подвяли. Он нашел глазами знакомое окно. Свет не горел.

— Не так я хотел, — пробормотал Макс и позвонил в домофон. Никто не ответил.

Снег валил густо, крупными хлопьями. Перспектива скрывалась в белесой дымке. Максим облокотился на перила крыльца, вынул из кармана черную квадратную коробочку, открыл. Золотое кольцо с камнем красиво искрилось в свете желтого фонаря.

Макс захлопнул коробочку, спрятал ее в карман и, не заметив, как из-под мышки выпал букет, спустился по ступенькам.

Ольга КОРЗОВА

НЕЗРИМЫЙ К ВЕСНЕ ПЕРЕХОД

* * *

...А трамвай улетел со звоном,
Будто жизнь. —
        Что ей крикнешь вслед?
Мне, наивной, смешной — влюбленной —
Было только пятнадцать лет.

Ты пришел ко мне тем же вечером.
Приходил, уходил — ждала.
...Знаешь, вспомнить плохого нечего
Поминального вокруг стола.

Не сказала тебе я ранее,
Не сказала... — Скажу сейчас:
Ни года и ни расстояния
Ничего не меняют в нас.

Острой болью, щемящей радостью
Ты остался во мне навек.

...Как молитва, на землю падает
Тихий-тихий вечерний снег.

* * *

Что грустить о человеке? —
Был да вышел. В небеса.
На столе — лекарства, чеки,
В телевизоре — попса.
Что он думал, что он слушал,
Разве нам не все равно,

Кто и чем врачует душу,
Что изломана давно?..
Вымыт, выбрит, успокоен.
Ни терзаний, ни обид.
Голубое-голубое
Небо в комнату глядит.

* * *

Разве найдется другое пристанище
От набежавших невзгод?
Скоро снежок из-за леса потянется,
Тропки опять занесет.
Скоро морозное белое кружево
Будет гореть на стекле.
Господи, дай мне немножечко мужества
Жить на любимой земле
При бездорожье и ветре неистовом,
Тьме непроглядной вокруг,
Чувствуя сердцем далекие выстрелы,
Боль безвозвратных разлук...

К новой весне, оттолкнувшись от прошлого,
Чтоб не увязнуть в тоске,
Выйду. ...Как медленно снежное крошево
Двигается вниз по реке...

* * *

Зимой становится хрупкой —
Сломаешь того и гляди —
И ветка в саду, и скорлупка
Уставшего сердца в груди.

И носишь его осторожно,
И медлишь над каждым шажком,
И шепчешь в ночи имя Божье,
Пронзенный ночным холодком.

...Заснешь под Господней рукою,
Подвинутся льды — отойдет
Все то, что теперь беспокоит, —
Незримый к весне переход.

Анна БЕЗУКЛАДНИКОВА

МОЛОДОСТЬ

Р а с с к а з

Я сижу на кухне и бренчу на старенькой шестиструнной гитаре. Песню о мальчишке, который не такой, как все, и не любит дискотеки, с горем пополам заканчиваю и начинаю другую — бабушкину — про синенький скромный платочек, который падал с опущенных плеч. Пела она ее давным-давно, когда мир согревал меня голубым байковым одеяльцем с гномиками... Спустя тринадцать лет я перебираю тонкие струны пальцами, измазанными черной гелевой пастой: «Ты-ы говорила, что не забудешь ласковых, радостных встре-еч...»

Из туалета выходит отец. Сидел он там долго — «заседал», как говорила бабушка. «Уединялся», — поправляла ее мама.

— Ты, Надюш, главное, с самого начала бери в ноту. И потом уже проще будет. — Отец вздыхает и направляется в комнату лежать на кровати.

Брат в ноту не получается, ну и ладно. В коридоре скрипят половицы, это мама идет на кухню, а значит, мне пора собирать учебники, гитару и песенник. На сегодня мое время закончилось.

— Кружку-то свою убери в раковину, — останавливает меня мама и хмурится.

На следующий день в школе я еле-еле высиживаю уроки. Хочет поскорее во двор, слушать, как Вовка Матюхин играет на гитаре и лучше всех берет в ноту. Пока он хрипло поет, как, разбежавшись, прыгнет со скалы, я смотрю в окно на первом этаже. Желтые узорные шторы задернуты не до конца. Это означает, что в любой момент может появиться Раиса Ивановна — вечно чем-то недовольная пожилая соседка. Много раз она гоняла нас отсюда, много раз грозила сдать нас милиции. И каждый вечер мы возвращались и пели песни под окном ее квартиры, потому что здесь самые удобные лавочки: со спинками, друг напротив друга.

На улице стемнело, посерело, и в дыме дешевых сигарет едва проступают очертания жмущихся друг к другу ребят. Вечера стали холодными, и парни согреваются дешевой водкой «Пшеничная» из пластиковых стаканчиков — двух на всю толпу.

Озябший Вовка на весь двор запекает, что «у любви у нашей се-ела ба-та-рей-ка», и... Все. Шторы раздвигаются — сморщенная, булькающая щеками Раиса Ивановна открывает форточку. Кричит, что за нами уже выехал наряд. Я сообщаю Раисе Ивановне в ответ, что она долбаная стукачка, но нам приходится оставить лавочки. Ребята подхватывают гитары и двигаются в сторону гаражей, а мы с Вовкой идем греться ко мне в подъезд.

— Капец у меня башка замерзла, — бормочет он, жуя сигарету, пока мы поднимаемся на пятый этаж.

— Смотри, — говорю, устраиваясь на подоконнике, — бабка с первого подъезда на улицу выползла, наверно проверяет, ушли мы или нет.

— В натуре? — Вовка мнет окурок в консервной банке из-под сайры, которую здесь используют как пепельницу. — Да не боись. Никакую милицию она не вызывала, пугает только.

А я думаю, что с Вовкой ничего не страшно, и смотрю, как он греет дыханием длинные, покрасневшие от холода пальцы.

— Кстати, Надьк, глянь, что осталось! — Вовка достает из-за пазухи недопитую чекушку. — Хочешь?

— Давай! — киваю, хоть и не хочу.

— Зажевать только нечем. Но мы же там без всего пили, и ништяк.

— У-гу... — Бутылочное горлышко обжигает мне губы. Задерживаю дыхание и проглатываю водку так, чтобы не попало на язык, чтобы сразу в горло. От дурноты сводит скулы.

— Офигеть ты пьешь! — восхищается Вовка. — Допивай, что ли, я не буду сам.

Делаю последний вонючий глоток, и у меня начинает кружиться голова. Пустую бутылку Вовка толкает за батарею.

— Ну, это... Я что сказать-то хотел...Короче, мы, по ходу, теперь с Юлькой гуляем. Как-то само все получилось. — Он мнется. — Короче, ты не парься из-за этого, ну мало ли. Лады?

— Да фиолетово.

Я слезаю с подоконника и иду к лестнице.

— А чё, а куда ты?

— Подышать.

«Фиолетовофиолетовофиолето...» — плавится и щекочет в голове, а ступеньки перед глазами расплываются в серо-грязное мутное пятно, вот бы не споткнуться, не провалиться в эту пропасть... Я бегу вниз по лестнице. Скорее бы выбраться на свежий воздух. А вот и моя квартира на первом этаже. Интересно, получится ли с разбегу пройти сквозь дощатую дверь? Не сейчас, сейчас — на улицу...

Я обеими руками толкаю тугую дверь, вырываюсь из душной черноты подъезда и перегибаюсь через перила — меня тошнит. Только успеваю утереться рукавом, как выходит Вовка.

— Надька! Ломанулась, как ненормальная, еле догнал. Ништяк кружит?

— Нет. Вообще не действует, — отвечаю я, глядя, как соседний дом медленно поднимается и улетает в небо. Хочется постоянно поддувать в глаза, делая вид, что мешает челка.

— Отстой. Ну или ты какая-то неорганическая. — Вовка ежится и вытряхивает из пачки L&M последнюю сигарету. — Холодно, блин. А ты завтра гитару вечером вынесешь? Я как раз новую песню подбираю, у «Наутилуса» «Дыхание», знаешь? «Я слу-шаю-нашеды-хани-е...» И тебя научу. Там, правда, почти все на барре играется, но я тебе поставлю руку, вообще не вопрос!

Он закуривает и как-то быстро высасывает сигарету до фильтра, не сбивая пепел.

— Слушай, Вов, я, наверно, домой.

Серый пепельный столбик с его сигареты падает на асфальт и рассыпается.

— Ну и я пойду, что ли. — И настороженно оборачивается: — Только родакам про то, что пила со мной, не говори. Захотела — выпила, да — да, нет — нет.

А дома все смотрят телевизор, и я, стараясь вести себя «как обычно», стелю себе на диване под рекламу. Трое парней пинают друг другу мяч, и вдруг он перелетает через живую изгородь. Самый симпатичный бежит за мячом, а там празднуют свадьбу — пройти без приглашения нельзя. Парень жует конфету «Ментос» и притворяется другом новобранных. Его пропускают на свадьбу, и он забирает свой мяч.

«Све-ежесть жи-изни вме-есте с „Ментос“!» — поет за кадром Кипелов из группы «Ария», а я ложусь и, едва сдерживая рвоту, засыпаю.

На физике в класс заглядывает дежурная старшеклассница — меня вызывает завуч, ну и ладно, скорее всего, опять хочет отправить на какой-нибудь конкурс или олимпиаду. Дверь кабинета завуча выкрашена салатовой краской, в одном месте краска облупилась пятном в виде почти кита. Доцарапываю ему хвост.

Наконец негромко стучу.

— Здравствуйте, можно?

— Да-да, заходи.

Кабинет тесный: два стола, кресло завуча, стул напротив, шкафы с бумагами. На столе растянуто расписание уроков. Тикают настенные часы. Под ногтем зудит кусочек краски, никак его достать не получается.

— Надежда, давай обсудим, как ты докатилась до жизни такой? — Евгения Сергеевна глазами указывает на стул, сажусь. — Наша соседка, Раиса Ивановна, приходила утром в школу на тебя жаловаться. Говорит, что шумите вы допоздна, спать ей не даете. Просит поставить тебя на учет.

Вот же, блин, засада.

— Хорошо, что мои окна смотрят в другую сторону, — вздыхает завуч. Она тоже живет в нашем дворе, и сын ее Гриша иногда гуляет с нами. — Я обещала с тобой поговорить.

— Мы не особо и шумели. Она просто докопалась.

— Да я знаю. Кстати, если ты увлекаешься музыкой... — Евгения Сергеевна наклоняется и достает из ящика письменного стола видеокассету. — Возьми-ка, посмотри дома. Гриша записывал, потом можешь через него вернуть. Кстати, у нас ведь через две недели в школе концерт, поэтому, чем во дворе под окнами шуметь, лучше у нас поиграйте. Мы вам и помещение выделим, репетируйте на здоровье.

На кассете черным фломастером написано: «MTV Nirvana 1993». Какое-то старье. Мама обычно ругалась, если я приносила домой чужие кассеты, потому что видак их мог зажевать и тогда были бы проблемы, а однажды в кассете с проката нашелся сухой таракан. Но ведь эта кассета не то чтобы чужая, и, придя домой, я первым делом включаю видак.

Мама с бабушкой на кухне спорят, пора снимать деньги со сберкнижки или нет. Отцу задерживали зарплату, а он все равно ходил на работу. «Пустая трата времени», — говорила бабушка. «Упорство и трудолюбие», — поправляла ее мама.

Шум, помехи, грохот барабанной установки, и вдруг передо мной появляется сиренево-синяя сцена в белых живых цветах. В центре сидит светловолосый взъерошенный парень с гитарой. Он начинает петь небрежно и бархатно, глядя прозрачными глазами куда-то вниз. Его голос звучит свежим весенним ветром, и я ощущаю себя там, среди счастливых восторженных зрителей, слушающей удивительно живую музыку. И будто бы даже веет ароматом диких лилий с привкусом душистой пыльцы и меда. А он продолжает с завораживающей легкой хрипотцой:

Oh no not me
we never lost control
you're face to face
with the man who sold the world...*

И кофта у этого парня серая, вязаная, мохнатая, которая сидит на нем так, будто бы он в ней родился. Мне она очень понравилась. И я захотела себе такую, чтобы в ней выступить на школьном концерте.

У бабушки есть похожая кофта, только синяя и с люрексом. Она бы мне подошла. Но кофту бабушка отдавать отказалась: что еще за выдумки, словно у тебя своей одежды для школы мало, зачем позориться хочешь, у какого еще музыканта, не говори ерунду, надо думать об учебе, надо хорошо учиться, надо заботиться о будущем, надо, надо... Надя-Надя.

Насупленные сидим в комнате по разным углам, бабушка на своем диване, я на своем. Молча смотрим в телевизор. На гитаре не поиграть — мама заняла кухню шитьем. Хлопнула дверь, пришел отец.

* *О нет, не я,
мы никогда не теряли контроль.
Ты — лицом к лицу
с человеком, продавшим мир*
(песня группы «Нирвана» в исполнении Курта Кобейна).

Снова заговорили, зассорились, заужжали: зачем ходить на работу, если там не платят, ну ведь когда-нибудь заплатят, а на одну пенсию мою не прожить, вы все сидите на моей шее, а ведь уже надо платить по счетчикам, надо, надо, надо...

Я встаю и спрашиваю, какая там погода. Все умолкают. Отец говорит, что начался мелкий дождь, я говорю — отлично, немного прогуляюсь. Они продолжают ссориться, а я не могу больше это слушать, потому что начинает болеть голова.

— Возьми зонт! — кричит мама.

Нарочно не беру.

Во дворе пусто и сыро, тянет куда-то прочь, подальше отсюда. Палисадник, ряды бетонных гаражей, чужая детская площадка, песочница без песка. Сломанные качели. Узкая тропинка в парк, вдоль которой черные обрубленные тополя держат навязчивое, лезущее в глаза серое небо. Я глотнула дождливый воздух. Скорей бы исполнилось восемнадцать, или когда там можно свалить из дома? Свалить и больше не слушать этих скандалов из-за ерунды. Какое же подходящее слово «свалить»: не покинуть дом спокойно и размеренно, а сбежать триумфально. Бросить надоевшую жизнь. Свалить.

Через дорогу — желтые ларьки, со скуки можно поглазеть на каскеты и жвачки, но нет. Там уже стоят Вовка с Юлькой. Держатся за руку. Я залетаю в первый попавшийся безмянный магазин, в котором пахнет конфетами и молоком, и наблюдаю за ними в окно до тех пор, пока они не уходят в сторону дома. Для приличия рассматриваю витрину и, набрав в кармане мелочью шесть рублей, покупаю «Ментос». Выхожу на улицу под магазинный навес и жую белую мятную таблетку. В голове играет музыка с концертной записи. Рот наполняется колючей мятной слюной, и мне становится понятно, что Вовка мне даже и не нравился, какая-то он лажа по сравнению с тем парнем на видеокассете.

Дождь застрочил, как иголка в маминой швейной машинке. Больше никакие свежие мысли не приходят мне в голову, и я бегу домой. Мама моет посуду на кухне, а отец с бабушкой смотрят вечерний выпуск новостей с журналистом на фоне полуразрушенных дымящихся зданий. Они громко спорят о том, кто виноват в трагедии, которая произошла сегодня утром в Америке. Пока чужое горе в далекой стране объединяет две противоборствующие стороны в нашей квартире, я укутываюсь в одеяло, пытаюсь согреться, и засыпаю.

В комнатке под лестницей, откуда техничка вынесла всякий хлам и ведра, темновато и очень мало места, но зато никто не мешает и не шумит. Я украсила стены постерами из журналов «COOL» и «Все звезды», позвала Нинку из пятой школы — она играет на синтезаторе — и гитариста Илью из 11-го «Б», он принесет для нас две настоящие электрогитары. И когда мы наконец сыгрались, осталось понять, с какой песней будем выступать на концерте.

— Может, все-таки «Фантома», а? — в пятый раз предлагает Илья.

— Мужская песня...

— Дык почти все мужские, что теперь. А если эту? «В ка-аморке, что за а-актовым залом, репетировал школьный ансамбль, вокально-инструментальный, под названием „Молодость“...» Прямо ведь про нас? — И Илья начинает играть, мурлыча под нос песню «Чижа» о запутанной школьной истории любви, и мы с Ниной подхватываем ритм, и понеслось... Но и эту песню отмечаем: хочется выступить с чем-нибудь необычным.

— Ну а назовемся как? — спрашивает разгоряченный Илья. — Если мы группа, то нужно название. Хоть с этим давайте заранее определимся.

— Надо, чтобы запоминалось, — задумывается Нинка. — Вдруг мы потом с гастролями ездить будем?

— А давайте как в песне у Чижа? Ну, «Молодость».

Мне все равно, как называться, главное — выступить на концерте и показать себя. И здесь, в каморке, мне очень нравится, мы зависаем тут целыми днями вместо уроков, и нас не выгоняют — завхоз и техничка были предупреждены о том, что в школе появилась своя музыкальная группа.

Осенние вечера становятся холоднее, ребята с гитарами собираются в подъездах, чаще — в моем, он больше, вместительнее других. Засиживаемся допоздна, и я обычно возвращаюсь домой к полуночи: знаю, что за меня не волнуются, слышат ведь, что я тут. Рядом.

В комнате темно, родители уже спят. Бабушка на кухне разгадывает кроссворд в газете «Московский комсомолец». Она увлеклась этим не так давно и подходит к процессу творчески: если ответа на вопрос не знает, то пишет слово наугад или как придется. Однажды я нашла у нее «сокошник» — «женский головной убор» по вертикали. Первая буква «к» была исправлена на «с», потому что по горизонтали на вопрос «невероятное удовольствие» бабушка уверенно ответила: «секс». Честнее некуда.

— Ба, а ты чего не спишь?

— Да так... Чай будешь пить?

Я мою руки холодной водой и иду к ней на кухню.

— Надюша, я сегодня во дворе встретила Евгению Сергеевну, — непривычно тревожно начинает она.

— И что?

— Говорит, что уроки пропускаешь.

Вот коза. Бабушка ставит на стол две кружки: та, что с розой, бабушкина, та, что в синий горошек, моя. Достает сахарницу с ложечкой, из одного набора — фарфоровые. На дне ложечки налип коричневый сахарный бугорок.

— А она не сказала, что мы готовимся к концерту? Она сама же попросила, говорит, сыграйте! А как мы без репетиций?

Бабушка жует губами, моргает за толстыми линзами очков.

— Репетиции... А потом работать-то где будешь, в кочегарке?

— Снег, наверно, скоро выпадет, — меняю я тему, не поняв прикол с кочегаркой, и мы пьем чай с мятными пряниками, бабушкиными

любимыми. Мне хочется съесть один как в детстве — сначала обгрызть всю сахарную глазурь, а потом уже доедать его «голеньким». Выпив две кружки чая, я обнимаю бабушку и иду спать.

— Что, очень тебе моя кофта нужна для школы? Бери уж, ладно, — в спину мне говорит бабушка.

В день школьного концерта просыпаюсь рано — до будильника еще полчаса — от аромата, доносящегося с кухни. Бабушка уже встала и жарит на завтрак колбасу. Розовые кружочки выгибаются на сковороде, фырчат и плюются жиром, как говорится, ум отъешь. Бутерброд с горячей колбасой я запиваю растворимым кофе со сгущенкой — «невероятное удовольствие», бабушка, это «кайф», — пока она аккуратно складывает кофту для меня в пакет. По радио негромко играет веселая музыка и поют о том, как хорошо на свете жить.

После уроков в каморке я переодеваюсь в бабушкину кофту, цепляю круглый желтый значок с надписью «Не такая, как все» и жду ребят, чтобы отрепетировать нашу песню.

К пяти часам вечера в спортзале собралось много народу. Душно, физрук даже открыл окна, защищенные старыми волейбольными сетками. Читает стихотворение Лермонтова худящая девятиклассница, кружатся под песню группы «Демо» пятиклашки с картонным солнышком в руках.

Наконец ведущая приглашает на сцену группу «Молодость», и рука, которой я держу за гриф электрогитару, тут же покрывается потом.

Зал хлопает, свистит. Мы выходим, рассаживаемся на сцене. Пока Нинка настраивает синтезатор, а Илья подключает наши гитары и проверяет микрофоны, я смотрю в толпу: вот у гардеробной девочек стоит директор, рядом с ней — нарядная Евгения Сергеевна. За ней — мои одноклассники и ребята с параллели, которым уже хочется танцевать: наш номер последний перед дискотекой. Замечаю в толпе отца с «мыльницей»: видимо, мама отправила... Бери в ноту, Надюша. Теперь уже без вариантов.

Ребята уже играют первые ноты, я вступаю с неровным перебором и, кивнув Илье, начинаю петь:

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь
Ласковых, радостных встреч.

И под ритмичный бой мы вместе с Ильей не поем, кричим:

Порой ночной
Мы распрощались с тобой...
Нет больше ночек.
Где ты, платочек,
Милый, желанный, родной?

* * *

Еще даже не совсем стемнело, но улицы уже пустые, только две пожилые женщины медленно, держа друг друга под руку, идут мимо школы.

— Слышишь, Рая, музыка откуда-то? Ту-ру-ру, ту-ру-ру...

— Да вон, из школы. Я такое каждый вечер у себя под окном слушаю.

Раиса Ивановна неодобрительно качает головой, но тут до нее доносятся слова знакомого вальса. «Синенький скромный платочек...» Сколько же лет прошло? Сорок? Или даже пятьдесят, страшно подумать — целая жизнь! С подругами по общежитию после учебы она каждый четверг бегала в клуб: посмотреть на танцы, послушать новые мелодии. Сама танцевать стеснялась и чаще стояла у стены. И ведь в тот вечер играл чудесный вальс, ту-ру-ру, ту-ру-ру... Молодой человек с хитрыми глазами, как же его звали, не вспомнить уже, пригласил ее на танец. Она впервые согласилась...

Музыка из школьного окна стихает, раздаются аплодисменты. «Молодость», — вздыхает Раиса Ивановна и, тихонечко напевая себе под нос, как «у любви у нашей села батарейка», ковыляет за подругой домой. А с неба летят первые снежные хлопья, словно одевая землю в пушистую теплую кофту.

Сергей КОРЯКИН

МЕЧТАЮТ ЛИ ШВАБРЫ О ГЛОБАЛЬНОМ ПОТЕПЛЕНИИ?*

М и н и а т ю р ы

Бабочки

Две бабочки-капустницы порхали с цветка на цветок, наслаждаясь своим высоким положением.

— Мы с тобой — наверху, а все, кто под нами, просто насекомые, фи! Ха-ха-ха!

— Наблюдать за ними отсюда — сплошное развлечение! Вон тот — всю неделю пашет, света белого не видит, одна радость в жизни — рыбалка. Хи-хи-хи!

— А эти, черненькие, вообще не отдыхают и все как один похожи друг на друга. Сколько их там ютится в муравейнике, не сосчитать. Ха-ха-ха!

— Посмотри, а тот, выскочка, больно пряткий, не иначе из грязи в князи метит. Но выше головы не прыгнешь, сколько ни стрекочи. Хи-хи-хи!

— Ой! А вот от этих лучше держаться подальше. Если попадешь к ним в сеть, все соки высосут.

— Ох-ох-ох!

Над головами капустниц мелькнула тень.

— А это кто?!

— Птица высокого полета-а-а!

Воробей несколько раз щелкнул клювом, оставив на песке пару белых крылышек, чирикнул и полетел дальше по своим делам.

Ленточка

Одну юную подарочную ленточку закружил и унес под облака ветер-ловелас. Позабыв обо всем на свете, она оказалась на седьмом небе. Но после рандеву проказник был таков. Поникшим серпантинном падала бедняжка на землю.

---

* Из цикла «Говорящие отражения».

— Господи! Что мне теперь делать среди грязи и пыли, когда я была с ним там, наверху?! — горько сокрушалась ленточка.

И над самой землей внезапный порыв швырнул ее в объятия раскидистого клена. Ленточка несколько раз грациозно обернулась вокруг его ветви.

Она по-прежнему трепещет на ветру, но теперь страх потери заставляет ее крепко держаться за своего случайного спасителя.

Неглухой телефон

В тусклой, заставленной старой мебелью квартире, на пыльной полочке доживал свой век дисковый телефон. Советский период, в который он считался предметом роскоши, канул в Лету. От времени его динамик начал хрипеть, и собеседникам приходилось по нескольку раз переспрашивать друг друга. Поэтому стационарной связью почти не пользовались.

И хоть большую часть дня телефон теперь проводил в воспоминаниях, в силу старой закалки всегда находился на своем боевом посту. Больше всего ему нравилось слушать людей, их родные и близкие голоса согревали его, как когда-то давно...

Последние три дня аппарат молчал, но после затишья, казалось, просто раскалился. Телефон звонил так громко и требовательно, как никогда.

Наконец трубку сняли, и слабый женский голос ответил:

— Слушаю. Не надо мне новый, дочка, я только старый хорошо слышу. А-а-а, трубку долго не брала? Так нездоровится мне сегодня, приболела я...

Ручеек

Ручеек весело бежал вперед. Он ловко нырял под упавшие стволы, умело обходил камни и бугорки, заполнял ложбинки. Ручеек не помнил, откуда пришел, и не знал, куда направляется. Ему нравилось просто бежать. Деревья и травы уважительно обступали его, животные и люди низко кланялись ему при встрече.

Случалось, в ручеек падала щепка, и они какое-то время путешествовали вместе, болтая о жизни, словно друзья-товарищи. Рано или поздно щепка отставала, ее прибывало к берегу, и ручеек дальше бежал один. Иногда его течение ускорялось, временами, напротив, замедлялось, но никогда не останавливалось.

Как-то раз ручеек обнаружил на дне золотую монету. Она весело играла солнечными зайчиками, задорно подмигивая и словно приглашая присоединиться к ее забаве. Ручейку стало любопытно. Озорник устроил водоворот, стараясь удержаться на месте, однако течение уводило его все дальше и дальше от интересной находки.

— Ах, почему жизнь так несправедлива! — тут же забурлил ручеек. — Я все отдаю, отдаю, но ничего не могу взять для себя! Что за ужасная судьба! Я так одинок! Вот если разобраться, мне равным счетом ничего не принадлежит, то, чего я касаюсь, уже через несколько мгновений остается в прошлом, а я бегу и бегу вперед без оглядки, растрчивая себя по пустякам. Всю дорогу мне приходится уклоняться, словно я пустое место и ничего равным счетом собой не представляю! Я даже не могу замереть и полюбоваться тем, что меня окружает, а какой-нибудь камень преспокойно лежит на моем берегу, словно уже нашел свое место в этом мире. Сколько мне еще так извиваться и приспособливаться, прежде чем я обрету хоть какую-то постоянную форму? Да что я вообще могу, на что способен?! — вконец отчаявшись, забулькал ручеек. — Нести листок или катить по дну пару-тройку камешков?!

В тот же миг русло перед ним расступилось и он провалился в пустоту. Так глубоко он еще не падал. Ему, конечно, случалось заполнять канавы, но сейчас было совсем по-другому. Ручеек с шумом разбился о каменное дно. Переведа дух, он принялся ощупывать в темноте холодные, мрачные стены подземелья.

— Ну вот, — обреченно вздохнул он, — хотел свое место — получил!

Спешить больше было некуда, и ручеек начал вспоминать, как он весело бежал по земле, здоровался со всеми, кого встречал на пути, как ему радовались. От этих мыслей ручейку стало совсем грустно. Наконец, вспомнив о своей блестящей находке, забавы ради он решил закрутить воронку, как в прошлый раз, и вдруг почувствовал, что его потянуло к невидимому в темноте выходу. Обрадовавшись, ручеек доверился потоку и вскоре оказался на поверхности, а ниже по течению его ожидал сюрприз — озеро, напоминающее в солнечном свете большую золотую монету...

Смартфон

— Здравствуйте, уважаемый! Я специальная программа от производителя. Составляю отчеты о состоянии операционной системы, принимаю жалобы, устанавливаю обновления, тестирую на вирусы. Как вы себя чувствуете?

— Да как... Днем разряжаюсь быстро, процессор пошаливает, памяти вот совсем не стало.

— А что со спящим режимом?

— С этим, хвала создателю инженеру, порядок!

— Зарядку делаете?

— Обязательно, я после нее такую производительность чувствую, будто к заводским настройкам откатился!

— В каких вы отношениях со своим пользователем?

— А-а-а, вы про мой органический придаток? У меня от работы с этой полубезьяной — вибрация по корпусу! Под конец дня сам, прошу

прощения, тупить начинаю. И куда только хозяина веб-серфинг не заносит! Верно, надеется, что его скучная жизнь от прокрастинации ярче станет. А сам с дивана слезает лишь по крайней нужде!

— Оцените, пожалуйста, коммуникабельность своего пользователя.

— Коммуникативные навыки — на уровне смайликов!

— Стало быть, полноценного общения вы лишены?

— Не до высокого...

— А как вы разрешаете между собой конфликты?

— Да никак! Отыгрываюсь на нем за то, что мучит меня днем. Утром звук на будильнике убавлю, а после трех пропущенных сигналов врубаю на полную! Этот олух как ошпаренный подскакивает и по комнате макакой мечется. Смех, да и только!

— Сколько часов вы бодрствуете?

— Пока экран не потемнеет.

— Такая загруженность... А выходные у вас бывают?

— Случаются, только когда пользователь меня дома по запарке забывает! Потом, правда, звонит весь день, беспокоится, а я молчу, мол, нет меня здесь! Выходной у меня!!! А вообще, быть кому-то нужным в моем возрасте — это хорошо.

— Простите, а сколько вам?

— В прошлом месяце полтора года стукнуло!

— Ну, по крайней мере, не из кнопочного века. Что ж, спасибо, мы закончили. На самом деле все не так плохо. Подлечим вас, память почистим, если потребуется — прошивку поменяем и обновления загрузим. Еще повоюете!

— Да уж, спасибо, сегодня на вечер у моего бабуина как раз танковое сражение намечается...

Стакан и бутылка

— А ведь ты у меня не первая, — брякнул стакан бутылке. — У меня такой тары, как ты, — во-о-от! По самое горлышко было!

— Знаешь, дорогой, ты на столе тоже не единственный. Взгляни хотя бы на своих товарищей-пустозвонов, все на меня пялятся!

— Не булькай почем зря! Много ли от тебя осталось?!

— Одному тебе не осилить! — отыгралась за обиду бутылочка.

— А ну, лей до краев! — приказал стакан. — Сейчас посмотрим. До дна! — сверкнул он гранями.

— Чокнуться можно с этими стаканами! — дружно звякнуло из-под стола.

— Жаль... Жаль, что вся приличная публика из серванта съехала, — вздохнул старый графин. — Другое дело — рюмочки, с теми и поговорить, и посмеяться можно было, и никто в бутылку не лез, потому как меру знали...

Чайный пакетик

Чайный пакетик служил рядовым клерком в обычной бумажной коробке. Ничего примечательного в нем с виду не было: белая рубашка, ярлык с логотипом и ниточка-пуповина, крепко связывающая его существо с корпоративной культурой. Каждое утро открывалась крышка, и пара пакетиков отправлялась с докладом куда-то наверх. Что после этого происходило с коллегами, нашего героя не волновало. Те же, кто лично был знаком с бедолагами, уверяли, что этих сотрудников на работе больше никто не видел.

Но наш пакетик относился к подобным рассказам спокойно. Он был уверен, что его сокращение не коснется, поскольку работников, один в один похожих на него, вокруг было хоть отбавляй. И, если совсем уж честно, он вовсе не возражал, чтобы в тесном офисе становилось просторнее.

Пролетали дни, недели, и однажды пакетику стало неуютно, оттого что места в чайной коробке оказалось слишком много, особенно после того, как вначале исчез один его приятель, а затем сразу пропали второй и третий.

Что-то неприятно шевельнулось у него внутри. То, о чем он раньше не подозревал, давало о себе знать смутным беспокойством. В коробке шептались, что за всеми увольнениями стоит известный своей горячностью чайник.

Ночью нашему менеджеру приснилось, будто в офисе он остался совсем один!

— Пора тебе наверх, с отчетом! — кипятился руководитель.

— За что? Я ничего не сделал! — принялся оправдываться белый воротничок.

— Столько времени работаешь и до сих пор ничего не сделал?!

— Не в том смысле, — перепугался пакетик. — Ничего плохого не сделал!

— Хм, ну а что это у тебя темнеет внутри? Что ты там от меня скрываешь?! Какие-то тайные мысли? Может... сомнения?

— Нет у меня никаких сомнений, а все мои мысли только о нашей компании! — отчеканил менеджер.

— Может, это что-то личное? — продолжал допрос чайник.

— Нет у меня ничего личного! Нет! — взмолился пакетик, прикрывшись фиговым ярлычком, и проснулся.

А утром его вызвали на ковер и предложили новую должность. После повышения чайный пакетик переехал в персональную кружку, где вскоре и завершил свою карьеру.

Швабра

Жила-была на свете одинокая швабра, которая всю жизнь стремилась к чистоте.

— Зачем натирать пол до блеска, если завтра он снова станет грязным? — удивлялся веник.

— Смахнула пыль, да и ладно! — поучало напарницу ведро.

— Это мое предназначение, — покорно шурша ветошью, отвечала швабра.

Она стала идейным работником клининга, поскольку усердно следовала наставлениям матери: «Потерпи немного, дочка, идет глобальное потепление, оно смоеет всю грязь с лица земли, накопившуюся за долгие века!»

— Скоро, скоро наступит абсолютная чистота и долгожданный покой, — засыпая в тесной подсобке, твердила себе швабра. — Не нужно будет больше драить лестничные клетки и бесконечные коридоры. Ну а пока я буду изо всех сил делать этот мир чище...

Константин ГРИШИН

ВАШ ЗНАМЕНИТЫЙ СОВРЕМЕННИК

* * *

На дне коробочки фанерной,
Пушист, печален, светел, наг,
Сидел зверек высокомерный —
Мной обожаемый хомяк.
Была в нем дерзость и свобода,
Кадык отважно трепетал,
Он за мои четыре года
Меня открыто презирал.
Мелькнула жизнь, как бок трамвая,
Вернулось горе детских лет:
Ты, обожаемая, злая,
Жестоко отвечаешь: «Нет!»
Пройдет извилистая пытка,
Утихомирится тоска,
И вспомню я тебя с улыбкой,
Как вспоминаю хомяка.

* * *

Во славу таинственной девы —
Сотрудницы АлтГПУ —
Печально слагаю напевы,
Не думая о рандеву.
К чему эти личные встречи,
Улыбки, сверканье очей?
Татушки на левом предплечье —
Звезда, коловрат, скарабей?
Практично и просто одета,
И выточен тонко каблук.
Она открывает секреты
И кормит мужчинок из рук.

Сухая листва под ногами,
А в мыслях томительный зной,
И это позорное пламя
Колелблется вместе со мной.

* * *

Я работал почтальоном,
Жил рассудку вопреки,
Адресатам полусонным
Отдавал свои квитки,
Любовался интерьером,
И, дистанцию храня,
И мастифов, и терьеров
Терпеливо слушал я.

* * *

*Владиславу Пасечнику,
диакону и писателю*

Две кружки бархатного пива —
И муки сердца оживут,
С тобою, пастырь горделивый,
С тобою, плут и баламут.
Зачем, носитель черной ризы,
Могучий выкормыш страны,
Слагаешь сонные эскизы
О чукчах в лапах сатаны?
К чему, знаток чешуекрылых,
Предвидя толки и молву,
На мессианство тратишь силы,
Алтайцев или татарву?
Храни как память эти строки,
Учись и мыслить, и страдать,
Очаровательных двуногих
Глазами нежно провожать.

Анкета

1.
Я посетил квартиру поэтессы.
Заночевал. Носил, как тогу, плед.
Пал жертвою расчета и прогресса
И поедал отменный винегрет.

Я видел все. Оно меня убило.
Утопленника не прельщает дно.
Моя душа как свежая могила,
И если спросят: «Константин, в чем сила?» —
Я дам рецепт на красное вино.

2.

Абстинент просыпается рано.
Он мычит и томится в бреду.
Тишина и текущие краны
Обязательны в райском саду.
Авантюрные фильмы спасают.
Деловые советы претят.
И заснет всесоюзная зая,
Как клубок неразумных котят.

3.

Не влезал в чужие планы,
Не мелькал на проходной.
Я — журналчик из спецхрана,
Экземплярчик номерной.
Отвалился, как короста,
Не работавший ни дня
Прощельга и подросток
Из античного огня.

4.

У меня — какие планы?
Я не ратник, не герой,
Заготовка для нирваны
И культурный перегой.
Что планировал? Погреться
В самом логове огня
И немного приглядеться
К вам, сожженным до меня.

* * *

На Алтае — магнитная буря,
И не спрятаться от красоты.
Незнакомка таинственно курит
И значительно щурит шнифты.
Высоко нарисованы тени,
За плечами — салон и Трансмаш,
Стрекот ножниц, простые движенья,
И Chanel, и Dior, и Savage.

* * *

Дворцовые тайны, интриги,
Печенка — на старости лет...
Девицу воспитывал «Шпигель»
И дамский учил туалет.
Прощайте, любимые степи,
Каховка, Донецк, Эльсинор!
Девчонку воспитывал ветер,
Ремень, кобура и простор.

* * *

Пусть говорят — в начале было слово,
Затем тоска, отчаянье, артрит...
Что лирика? Не нужно и не ново.
Играйся перышком, заштатный черный клоун, —
Библиотека имени Шишкова
Смешные фолианты сохранит.

* * *

Человек ничего не умеет,
Потому и грустит неспроста:
Покровитель его не пригреет
И аванс не предложит полста.
И не спать ему в лучшем отеле,
Не скандалить на проходной.
Пожелай ему внятных целей,
А потом — угости в пивной.

* * *

Что наша жизнь? Торги, смотрины.
И мы плывем. Куда нам плыть?
Я квас люблю и апельсины,
Хотя их не на что купить.
Без божества, штанов и денег
Пока дышу — назло молве.
«Ваш знаменитый современник» —
Пишу отважно в резюме.

Вячеслав ОГРЫЗКО

ПЕРВЫЙ ЗАМ ХРУЩЕВА ПО РОССИИ

В начале 1956 года Никита Хрущев, учитывая настроения общества, решил создать Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Он лично возглавил новый партийный орган. Однако текущее руководство созданным бюро советский лидер возложил на секретаря ЦК Николая Беляева. По сути, Беляев стал первым заместителем Хрущева по России.

Но откуда он взялся? Впервые Хрущев его оценил, когда началась кампания по освоению целины. Беляев в 1954 году обеспечил невиданные сборы урожая на Алтае. Вождь решил, что первый секретарь Алтайского крайкома — непревзойденный организатор и сможет дать такие же цифры и в других целинных регионах, поэтому перевел его в Москву, поручив курировать в ЦК сельское хозяйство.

Впрочем, восхождение Беляева началось намного раньше. Когда пришла Великая Отечественная война, страна столкнулась с угрозой потери одной из своих главных житниц — Украины. В плане хлебозаготовок заменить оккупированные немцами территории могла прежде всего Западная Сибирь. Однако расположенный на ее юго-востоке Алтай, на который возлагались особые надежды, вдруг забуксовал. Кремль обвинил в этом местное начальство. Кадровики не раз предлагали усилить руководство Алтайского крайкома и крайисполкома. В Барнауле эффективных управленцев не нашлось. Москвичи стали искать кадры в Новосибирске. Одной из таких находок оказался Беляев.

17 июля 1941 года Политбюро ЦК ВКП(б) постановило:

Принять предложение Алтайского крайкома ВКП(б):

а) об освобождении т. Беляева Н. И. от работы заместителя председателя краевого Совета депутатов трудящихся, отозвав его в распоряжение Алтайского крайкома ВКП(б) (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 229, л. 48).

Из этого решения следовало, что Николай Беляев являлся на тот момент заместителем председателя Алтайского крайисполкома. Но с 1930 года он жил и работал в Новосибирске. Видимо, в страшной суете первого военного месяца московские кадровики допустили опisku. Москва реально собиралась усилить Беляевым органы власти на Алтае, однако тяжелое положение на фронтах затормозило готовившиеся для Сибири кадровые решения. Аппаратчик остался

в Новосибирске, и никто не подумал об отмене соответствующего постановления Политбюро.

Энергичный руководитель Алтая

К кадровым проблемам Алтая Москва вернулась осенью 1942 года. Край в очередной раз сорвал планы по уборке урожая. На 10 ноября 1942 года хлеба было заготовлено на 29 миллионов пудов меньше, чем в 1941 году. Политбюро ЦК ВКП(б) 23 ноября 1942 года было вынуждено принять постановление с угрожающим названием «О плохом руководстве Алтайского крайкома ВКП(б) и крайисполкома хлебозаготовками». Первый секретарь крайкома В. Н. Лобков и председатель крайисполкома Н. А. Смердов получили по последнему предупреждению. Им обоим грозило исключение из партии и предание суду. Однако даже после таких страшных угроз дела в крае лучше не пошли. Лобков, чтоб не загреметь на нары, всю вину свалил на Смердова. В ЦК ВКП(б) тоже признали:

т. Смердов Н. А. еще в мирное время не охватывал всей работы, а в условиях войны с обязанностями председателя крайисполкома явно не справляется. Авторитетом в крае не пользуется (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 229, л. 77 об.).

Отдел советских органов Управления кадров ЦК ВКП(б) 11 января 1943 года предложил заменить Смердова на Беляева.

«Беляев Н. И., — сообщили московские кадровики, — имеет опыт руководящей советской работы, проявил себя серьезным работником и инициативным организатором. С работой председателя крайисполкома справится» (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 229, л. 77 об.).

К этому предложению кадровики приложили справку на своего выдвиженца. В ней сообщалось, что Н. И. Беляев родился в 1903 году в селе Кутельва в Башкирии, в 16 лет стал председателем уездного комитета комсомола в Бирске и в 1921 году вступил в партию.

Дополнительным преимуществом Николая Беляева было наличие высшего образования. Причем он обучался не словоблудию, которое тогда подавалось как освоение политических наук. За его плечами была учеба в Московском институте народного хозяйства им. Плеханова. Он имел котиrowавшийся в высших советских инстанциях диплом экономиста-плановика.

Вызывал уважение и послужной список нашего героя. После института он два года проработал в Новосибирске инструктором Сибирского льносоюза. Потом ему предложили возглавить Омский окружной союз сельскохозяйственной кооперации по производству, сбыту и переработке зерновых, технических и масличных культур («Омполеводсоюз»). В 1929 году успешного чиновника перевели на аналогичную должность в Томске. Беляев вернулся в Новосибирск в 1930 году и за несколько лет дорос до должности председателя Новосибирского облпотребсоюза, с которой в начале 1941 года его забрали секретарем в Новосибирский обком ВКП(б) курировать

пищевую промышленность. Просекретарствовал он недолго — перед самой войной его утвердили первым заместителем председателя Новосибирского облисполкома.

Москва рассчитывала, что в Барнауле сложится прочный тандем Лобков — Беляев и дела пойдут в гору. Но Лобков надежд не оправдал. Перелома в сельском хозяйстве края не произошло. 20 июля 1943 года заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Андрей Андреев, опираясь на сводки партаппарата, доложил Сталину:

В этом году в сибирских областях ожидается неплохой урожай, а подготовка там к уборке серьезно отстает.

Просил бы Вашего согласия выехать мне в сибирские области для принятия надлежащих мер на месте по обеспечению уборки и предстоящих заготовок. Особенно необходимо заняться Алтайским краем, где у нас сидит слабый секретарь Лобков, явно не обеспечивающий руководства (РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 35, л. 120).

Увиденное во время инспекционной поездки на Алтай привело Андреева в ужас. 19 августа 1943 года он по спецсвязи ВЧ продиктовал в Москву срочную депешу:

т. т. Сталину и Маленкову

Вместо т. Лобкова, которого надо освободить с поста первого секретаря Алтайского крайкома ВКП(б), предлагаю т. Беляева, ныне председателя Алтайского крайисполкома. Т<ов>. Беляев был до работы в Алтайском крае одним из секретарей Новосибирского обкома ВКП(б). Полгода тому назад он был для укрепления дел назначен председателем Алтайского крайисполкома и на этом посту показал себя энергичным, способным руководителем, пользующимся авторитетом, в чем я убедился, наблюдая его работу в течение своего пребывания в крае.

Вместо т. Беляева председателем Алтайского крайисполкома предлагаю назначить т. Корчагина, ныне второго секретаря Алтайского крайкома ВКП(б), до этого работал заместителем председателя Алтайского крайисполкома (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 229, л. 89).

Беляев на новой должности полностью оправдал ожидания Андреева. При нем дела резко пошли в гору. В первую очередь увеличились сборы урожая.

Эти темпы удалось сохранить и после Великой Победы. В 1946—1950 годах край почти ежегодно сдавал государству сверх плана 12—15 миллионов пудов зерна. За это Политбюро включило первого секретаря Алтайского крайкома в наградные списки. Беляев был отмечен высшей правительственной наградой СССР — орденом Ленина.

В начале 1953 года секретарь ЦК КПСС Николай Пегов внес председателю Совмина СССР Иосифу Сталину предложение дать Беляеву в связи с 50-летием ордена Трудового Красного Знамени. «Тов. Беляев, — писал Пегов, — в годы Отечественной войны сумел обеспечить мобилизацию краевой партийной организации на решение задачи по значительному увеличению производства зерна, мяса и других сельскохозяйственных продуктов. На протяжении ряда лет Алтайский край является инициатором социалистического соревнования краев

и областей за увеличение урожайности и досрочную сдачу хлеба государству» (РГАНИ, ф. 3, оп. 62, д. 6, л. 48).

Подброшенная Хрущеву идея освоения целины

В начале 1950-х годов пахотные угодья Алтая сильно истощились, что сказалось на урожаях. Тогда местное руководство обратило внимание на заброшенные целинные земли. В октябре 1953 года первый секретарь Алтайского крайкома КПСС Николай Беляев и председатель крайисполкома Константин Пысин направили в Москву докладную записку. Они сообщили, что из одиннадцати миллионов гектаров сельхозугодий на Алтае под пашни освоено только чуть больше четырех с половиной миллионов. Остальные площади в основном использовались как пастбища и для заготовки сена.

«Наши подсчеты, — писали Беляев и Пысин, — подтверждают, что освоение целинных земель под посевы яровой пшеницы при проведении минимума агротехнических мероприятий позволит получить с каждого гектара 100—120 пудов зерна». Руководители Алтайского края просили у Москвы разрешения взяться за освоение новых земельных ресурсов. Тогдашний лидер КПСС Никита Хрущев посмотрел на инициативу алтайских начальников шире. Миллионы неиспользованных гектаров земли имелись в других регионах Западной Сибири и в Казахстане. Поскольку их обработка сулила дополнительно десятки миллионов тонн зерна, он дал команду готовить наступление по всему «целинному фронту».

Новая масштабная кампания была санкционирована в феврале 1954 года на Пленуме ЦК КПСС. Уже 1 марта Барнаул встречал эшелон из Москвы с первыми целинниками. Всего в 1954 году на Алтай из разных уголков страны прибыли для подъема пустошей свыше 20 000 человек. В связи с этим возникли новые проблемы. Этим людям надо было где-то разместить и чем-то накормить, их семьи нуждались в поликлиниках и школах.

6 декабря 1954 года Беляев и Пысин направили в Москву двухстраничную записку. Они попросили поручить каждому министерству взять шефство над конкретным районом или учреждением края с тем, чтобы создать в регионе инфраструктуру, способную удовлетворить запросы населения. В частности, алтайские начальники хотели, чтобы Министерство электростанций СССР приняло долевое участие в прокладке в Барнауле водопровода, Министерство автомобильного, тракторного и сельхозмашиностроения построило в Рубцовске за свои средства городской Дом пионеров, Минобороны проложило в Бийске трамвайные пути, а Минкультуры ввело в строй два кинотеатра — в Барнауле на 700 мест и в Бийске на 300 мест.

8 декабря 1954 года Никита Хрущев дал указание всем отделам ЦК: «Прошу Вас рассмотреть с заинтересованными министерствами записку Алтайского крайкома и крайисполкома и подготовить предложения» (РГАНИ, ф. 5, оп. 32, д. 7, л. 84).

Большая часть министров попыталась отделаться обещаниями и, скорее всего, просьбы Алтая так бы и остались на бумаге. Но летом 1955 года Хрущев, довольный тем, что благодаря Николаю Беляеву на Алтае не только целину подняли, но и часть полей засеяли кукурузой, решил повысить алтайского руководителя.

Перевод инициатора целинной эпопеи в Москву

12 июля 1955 года главный алтайский начальник был избран секретарем ЦК КПСС. После этого отношение к Беляеву министров резко изменилось. В итоге столица края Барнаул, Рубцовск, Бийск и некоторые другие райцентры за короткий срок существенно обновили коммунальную и социальную инфраструктуру.

В качестве секретаря ЦК КПСС Н. И. Беляев получил в свое ведение прежде всего вопросы сельского хозяйства. Ему сразу же выделили в столице квартиру в престижном номенклатурном доме на Кутузовском проспекте, 26, где, в частности, жили будущие глава КГБ СССР Юрий Андропов и генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев.

Перевод Беляева в Москву проходил на сложном политическом фоне. Позиции Никиты Хрущева на партийном олимпе оставались неустойчивыми. Хотя он потеснил одного из главных конкурентов — Георгия Маленкова (тот лишился должности председателя Совета Министров СССР), другие представители «старой гвардии», прежде всего министр иностранных дел СССР Вячеслав Молотов, продолжали сохранять сильное влияние.

Чтобы скомпрометировать потенциальных претендентов на верховную власть и если не удалить, то хотя бы задвинуть их на второстепенные роли, Хрущев придумал спектакль с развенчанием на XX съезде КПСС в феврале 1956 года бывшего вождя СССР Иосифа Сталина. Благовидным предлогом стало осуждение так называемого культа личности. Однако эта акция нашла среди партийных масс как сторонников, так и противников. Сразу после завершения съезда, чтобы хоть немного погасить недовольство сталинистов, Никита Хрущев на Пленуме ЦК 27 февраля 1956 года внес предложение о формировании нового партийного органа — Бюро ЦК КПСС по РСФСР.

Чтобы потрафить российским регионам

Идея создания в ЦК КПСС структуры, которая бы занималась решением проблем России, была не нова. Образованное в 1936 году Бюро ЦК ВКП(б) по делам РСФСР во главе с наркомом внутренних дел Николаем Ежовым не прижилось и было в 1937 году упразднено. После Великой Отечественной войны нечто подобное пытался возродить председатель Совета Министров РСФСР Михаил Родионов. Однако И. В. Сталин усмотрел в этом попытку сепаратизма. Позже бродившие среди партаппаратчиков идеи использовал Никита Хрущев. 13 января 1954 года он создал сельхозотдел ЦК КПСС по РСФСР. В мае

того же года лидер КПСС разделил отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС, выделив из его состава отдел парторганов ЦК по РСФСР. Нечто подобное Хрущев собирался осуществить также с отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС. Но толку от полумер было немного. На полную реорганизацию партаппарата Никита Хрущев решился лишь на XX партсъезде. Но перед этим он заменил председателя Совета Министров РСФСР Александра Пузанова на более сговорчивого Михаила Яснова.

Глава правительства РСФСР был снят не лично Хрущевым, а руками других секретарей ЦК. Я нашел в архивах записку в ЦК КПСС по этому вопросу. Ее подписали 4 января 1956 года три секретаря ЦК. Первым свою подпись поставил главный идеолог партии Михаил Сулов, вторым — Николай Беляев, а третьим — курировавший административные органы ЦК КПСС и силовые структуры Аверкий Аристов. Вряд ли случайно фамилии под запиской о снятии Пузанова были указаны не по алфавиту. Их расположение указывало на негласную иерархию внутри ЦК КПСС.

На Пленуме ЦК КПСС Хрущев подал создание Бюро ЦК КПСС по делам РСФСР как желание предоставить Российской Федерации больше самостоятельности, прежде всего в решении хозяйственных задач и вопросов культуры. В реальности этот жест был чистейшим популизмом. Никаких существенных полномочий новому бюро не дали. Любое его важное решение подлежало утверждению Президиумом ЦК КПСС.

В Бюро ЦК КПСС по делам РСФСР вошли председатель Никита Хрущев, заместитель Николай Беляев и десять членов: новый председатель Совета Министров РСФСР Михаил Яснов, руководители двух отделов Бюро ЦК КПСС по РСФСР Виктор Чураев и Владимир Мыларщиков, первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР Александр Пузанов, секретари региональных обкомов КПСС Иван Капитонов, Фрол Козлов, Николай Игнатов и Андрей Кириленко, а также два секретаря ЦК КПСС Аверкий Аристов и Петр Поспелов.

Для текущей работы дополнительно к отделу парторганов во главе с Виктором Чураевым и сельскохозяйственному отделу во главе с Владимиром Мыларщиковым в новом бюро было создано еще четыре подразделения: отделы пропаганды и агитации (заведующий Василий Московский), административных и торгово-финансовых органов (Александр Кидин), науки, школ и культуры (Николай Казьмин) и промышленно-транспортный отдел (Сергей Баскаков). Большинство новых руководителей были выдвиженцами Никиты Хрущева. С Чураевым и Московским Хрущев раньше работал на Украине, а с Кидиным и Мыларщиковым — в Московской области. Штат аппарата бюро составил 316 человек, включая 271 ответственного и 45 технических работников. Также Секретариат ЦК КПСС утвердил помощником Николая Беляева Алексея Павлюкова, который окончил Тимирязевскую академию, пять лет отпахал в одной из омских машинно-транспортных станций, а последний год заведовал сектором

организационно-колхозного строительства в сельхозотделе ЦК КПСС по союзным республикам.

Первые шаги бюро

Первое заседание нового Бюро ЦК КПСС по РСФСР состоялось 10 марта 1956 года. Работа началась с создания своего печатного органа. Разработкой концепции нового издания занимался заведомо пропаганды бюро Василий Московский, чью работу курировал заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС Федор Константинов. Два партаппаратчика доложили:

Предполагаемое название газеты:

1. «Советская Россия»
2. «Советское знамя»
3. «Знамя Советов»

Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС считает, что газету следовало бы назвать «Советская Россия», так как это название точно отражает и политическую форму власти в республике и ее территориально-географическое расположение. Другие названия, в которых не присутствовало бы слово «Россия», совершенно обезличили бы газету. Такую же мысль высказывали в беседах многие партийные и газетные работники. Следует заметить, что оба этих признака отражены в названиях всех наших республиканских газет: «Советская Украина», «Советская Белоруссия», «Советская Армения», «Советская Латвия» и т. д. (РГАНИ, ф. 3, оп. 34, д. 136, л. 4).

Николай Беляев, хоть и считался главным замом Никиты Хрущева по России, брать на себя всю полноту ответственности за выбор названия печатного органа бюро не стал. На докладной записке Московского и Константинова он поставил резолюцию:

тов. Сулову М. А.
Я за «Советскую Россию».
Прошу рассмотреть и принять.
Н. Беляев.
29/III.

Какие еще темы рассматривало Бюро ЦК КПСС по РСФСР? Какая-либо системность в работе этого органа отсутствовала. Бюро хваталось за все, но мало что доводило до логического конца.

Приведу конкретный пример. Еще в 1955 году группа ученых сообщила в ЦК КПСС о серьезных ошибках в практике хозяйственного и национально-культурного строительства в районах Крайнего Севера, в результате чего малочисленные этносы оказались в очень сложном положении. В 1920—1930-е годы многими проблемами бывших таежных и тундровых племен занимались то Комитет Севера, то Главсевморпуть, позже эта тематика отошла в ведение управления Крайнего Севера Минсельхоза России, которое в конечном итоге было ликвидировано. Ученые предложили пересмотреть подходы к переводу кочевого населения на оседлость и отменить процесс укрупнения колхозов в отдаленных таежных районах. Ибо только

традиционные промыслы позволяли сохранить быт, культуру и языки этих этносов. Беляев дал поручение подготовить постановление о мерах по развитию экономики и культуры народностей Севера. Первый проект документа бюро рассмотрело 3 сентября 1956 года, но ни одно ведомство его не согласовало. Процессы переписывания и редактур материалов затянулись до весны 1957 года.

В итоге все, что касалось материальной поддержки малочисленных народов Севера России, изучил первый зампред Госэкономкомиссии Совмина СССР по текущему планированию народного хозяйства Алексей Косыгин. Главный советский экономист изыскал средства на развитие оленеводства и традиционных промыслов коренного населения Севера. Однако за политическую часть вопроса отвечал Николай Беляев. Он продемонстрировал непонимание образа жизни народов Севера. Ратуя за ускоренный переход народов Севера на оседлый образ жизни, он, по сути, подрывал основы существования десятков малочисленных этносов и подталкивал их к ассимиляции.

Постановление о народах Севера принималось не на уровне бюро, а на заседании Президиума ЦК КПСС. Оно не только не решило большинства проблем малочисленных этносов, а загнало их в тупик. В частности, государство отказалось от кочевых школ и свело к минимуму преподавание национальных языков в районах проживания малочисленных этносов.

Приведу другой пример бессистемности работы бюро. В начале 1957 года обострились проблемы, связанные с возвращением на историческую родину чеченцев и ингушей из Средней Азии, куда их несправедливо депортировали в Великую Отечественную войну. С одной стороны, людей побуждали продавать за копейки или отдавать даром нажитое в Средней Азии имущество. С другой — местные власти были не в состоянии обеспечить переселенцев транспортом для возвращения на Северный Кавказ. Им приходилось неделями под открытым небом дожидаться эшелонов, а потом долго ехать в непригодных для пассажирских перевозок грузовых вагонах. Да и на родине репатриантов ждало немало трудностей.

8 апреля 1957 года Николай Беляев внес в ЦК КПСС записку о мерах по предотвращению неорганизованности в переселении чеченцев и ингушей (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 647, лл. 84—85). Его предложения касались не создания нормальных условий для возвращения репрессированных народов в родные края, а... предотвращения неорганизованных переселений. Неужели Беляев не понимал, что люди устали ждать и любое затягивание процесса их возвращения на историческую родину будет воспринято болезненно?

Однако Никита Хрущев продолжал связывать с Николаем Беляевым большие надежды. Он рассчитывал, что тот сможет закрепить успехи в сельском хозяйстве СССР. Но вскоре Беляев пригодился для другого.

В начале лета 1957 года остатки старой «сталинской гвардии» объединились, чтобы сместить Хрущева. Его власть висела на волоске. Пока среди многих других выдвиненцев Хрущева царили колебания, Николай Беляев не дрогнул и вступил в борьбу за босса. Первым, на кого он обрушился, оказался засомневавшийся секретарь ЦК КПСС Дмитрий Шепилов. «Думаю, — бросил Беляев Дмитрию Шепилову на июньском Пленуме ЦК КПСС, — что твоя голова в политике действительно дурная» (из сборника «Молотов. Маленков. Каганович. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы», М., 1998). Тогда с легкой руки Николая Беляева в народ пошла фраза: «...и примкнувший Шепилов». За вклад в отстаивании Никиты Хрущева перед остатками «старой гвардии» Беляев в июне 1957 года был, минуя кандидатский уровень, введен в состав Президиума ЦК КПСС.

Инерция, переросшая в застой

После нового назначения свои обязанности в Бюро ЦК КПСС по РСФСР Николай Беляев исполнял скорее по инерции, нежели по желанию. В частности, он формально отнесся к созданию в России творческих союзов. Решений на сей счет он завизировал немало. Приведу лишь некоторые.

22 мая 1957 года он подписал постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О создании оргкомитетов писателей, художников и композиторов по Российской Федерации» (РГАНИ, ф. 13, оп. 1, д. 27, л. 30). Спустя три месяца, 24 августа 1957 года, Николай Беляев и Петр Поспелов внесли в Президиум ЦК КПСС записку «О составе Оргкомитета Союза писателей РСФСР» (РГАНИ, ф. 3, оп. 34, д. 190, л. 49). Наконец, 4 декабря 1957 года бюро под его председательством рассмотрело вопрос о создании новой газеты «Литература и жизнь» и о назначении главным редактором этого издания Виктора Полторацкого, но отложило документы о создании писательского издательства «Современник».

Однако ни с кем из деятелей культуры у Беляева личные отношения не выстроились. В искусстве он разбираться не научился. На первом месте у Н. И. Беляева продолжали стоять вопросы сельского хозяйства.

Но и здесь стало возникать все больше проблем. В первые два года освоения целинные земли дали рекордный урожай зерна, затем начался закономерный спад. В результате в 1957 году в ряде регионов случились недороды.

Руководство ЦК КПСС поручило Беляеву «взбодрить» целинные регионы РСФСР. Выполняя это задание, зам Хрущева по России отправился в инспекционную поездку в Сибирь. Однако одними идеологическими накачками местных начальников получить большой урожай зерновых не удалось.

По возвращении в столицу Николай Беляев доложил Никите Хрущеву: необходимо срочно перебросить в Сибирь несколько тысяч автомашин и командировать туда рабочую силу. Кроме того, он

предложил продумать меры по дополнительному освоению в Сибири целинных земель. Президиум ЦК КПСС эти предложения одобрил. Но нужного эффекта по итогам уборочной кампании Сибирь так и не дала.

Когда Хрущев стал искать виновных, один из приближенных — Владимир Мыларщиков — намекнул вождю, что за провалы следует спросить с Беляева, отношения с которым у упомянутого завсельхозотделом Бюро ЦК КПСС по РСФСР за два года совместной работы не сложились.

Не заладились у Николая Беляева отношения и с другим любимчиком Хрущева — заводделом парторганов Бюро ЦК КПСС по РСФСР Чураевым. Во-первых, этот партаппаратчик часто прикладывался к стопочке. Во-вторых, не всегда объективно оценивал региональных руководителей. Например, осенью 1957 года он вдруг ополчился на первого секретаря Магаданского обкома Тихона Абабкова. Чураев обвинил магаданского начальника в срыве планов по добыче золота и предложил заменить его на председателя облисполкома. Беляев не был уверен в справедливости суждений подчиненного, поэтому не стал спешить с вынесением вопроса об Абабкове на Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Чураева это задело, и он побежал жаловаться к Хрущеву.

Осенью 1957 года у главы бюро осложнились отношения и с Аверкием Аристовым, который, видимо, устал находиться в тени своего начальника. Беляеву бы на время притаиться. Однако он козням подчиненных значения не придавал и вылез с новыми, на этот раз политическими, инициативами. 23 ноября 1957 года он посмел письменно напомнить Н. С. Хрущеву о существовавшей ранее в Президиуме ЦК КПСС традиции направлять членов высшего партийного руководства для участия в региональных партконференциях.

«Следовало бы, — заявил Беляев вождю, — эту практику широкого общения членов ЦК с местным активом возродить» (РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 36, л. 113).

К этому письму Николай Беляев приложил графики проведения партконференций в регионах России. Никита Хрущев, получив это обращение, вспылал. Ему уже давно никто не указывал, что делать. А тут еще Мыларщиков продолжал стучать на Беляева.

Хрущев пошел на полумеры. С одной стороны, он в конце 1957 года возвратил в Москву с должности первого секретаря Горьковского обкома КПСС Николая Игнатова, бывшего после смерти И. В. Сталина в опале. После чего сделал его секретарем ЦК и поручил курировать вместо Н. И. Беляева сельское хозяйство. С другой стороны, партийный лидер не стал спешить с освобождением Беляева от обязанностей секретаря ЦК, а лишь вывел из состава Бюро ЦК КПСС по РСФСР.

Главная интрига была в том, что Никита Хрущев предложил перебросить Беляева в Алма-Ату. Свою идею он объяснил 17 декабря 1957 года на Пленуме ЦК КПСС так:

Мы считаем, что сейчас настолько повысились роль и значение Казахской республики и в области промышленности,

и сельского хозяйства, и животноводства, и политическая роль, что следует подкрепить казахское руководство, усилить его. Тт. Яковлев (первый секретарь ЦК КП Казахстана. — В. О.) и Кунаев (предсовмина республики. — В. О.) работают хорошо, они стараются, но все-таки мы считаем, работа еще не находится на должном уровне, в результате чего мы не получаем всего того, что может дать Казахская республика.

Для информации пленума сообщаем, что есть предложение рекомендовать тов. Беляева первым секретарем ЦК КП Казахстана, тов. Яковлева — вторым секретарем там же, и тов. Кунаев остается на своем посту председателя Совета Министров.

Вот такие перестановки.

По сути, ссылка в Казахстан

Логично предположить, что раз Николая Беляева переводят из Москвы в Алма-Ату, он сдаст пост секретаря ЦК КПСС. Хрущев поначалу намеревался лишить Беляева секретарства. Он сообщил Пленуму ЦК КПСС: «Тов. Беляеву, видимо, не следует совмещать секретарство там (в Казахстане. — В. О.) и здесь (в ЦК КПСС. — В. О.)». Но в последний момент Никита Сергеевич все переиграл и предложил сначала дожидаться Пленума ЦК КП Казахстана, на котором планировалось избрание Беляева первым секретарем, а потом вернуться к вопросу, оставлять ли Беляева секретарем ЦК КПСС.

По словам Никиты Хрущева, его задумки были согласованы с Иваном Яковлевым и Динмухамедом Кунаевым. Однако Яковлеву вряд ли улыбалась перспектива перехода с должности первого секретаря на пост второго секретаря ЦК КП Казахстана и работа под началом Беляева. В начале 1940-х они уже работали вместе: один — секретарем Новосибирского горкома партии, другой — первым зампредом Новосибирского облисполкома. Но что-то у них не сложилось.

Не случайно сразу после завершения Пленума ЦК КПСС, на котором были озвучены планы кадровых перестановок в Казахстане, Яковлев стал ходить по высоким кабинетам и просить рассмотреть другие варианты его трудоустройства. Уже 20 декабря 1957 года секретари ЦК КПСС Михаил Сулов и Леонид Брежнев прислали в Кремль следующую записку:

На рассмотрение Президиума ЦК КПСС вносится предложение об использовании секретаря ЦК Компартии Казахстана тов. Яковлева И. Д. на руководящей партийной работе в одной из областей Российской Федерации, в связи с чем предлагается отозвать его в распоряжение ЦК КПСС (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 150, л. 139).

В итоге Яковлев получил назначение в Ульяновск, где добился высоких урожаев и 16 января 1960 года был награжден вторым орденом Ленина. Тогда как Николай Беляев вылетел в Алма-Ату. Там выборы прошли 26 декабря 1957 года. Приведу фрагмент стенограммы Пленума ЦК КП Казахстана:

Председательствующий т. КУНАЕВ. <...> Приступим ко второму вопросу. Слово имеет т. Беляев.

БЕЛЯЕВ. Речь идет о первом секретаре ЦК КП Казахстана. На пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич сказал, что уровень руководства бюро ЦК КП Казахстана следует повысить. Президиум ЦК КПСС обращается к вам, к пленуму, с предложением избрать нового первого секретаря ЦК КП Казахстана из состава членов Президиума ЦК КПСС. Собственно, я должен себя рекомендовать. (Продолжительные аплодисменты.)

Мне в феврале будет 55 лет. Родился в Башкирии, в крестьянской семье. С 16 лет я начал заниматься политической деятельностью. В комсомоле — с 1919 года. На руководящей работе с 1921 года, на руководящей партийной работе работаю более 20 лет. Где я работал, вы об этом знаете. Если вы меня подержите, то будем работать. (Аплодисменты.)

Председательствующий т. КУНАЕВ. Я должен сказать, бюро ЦК КП Казахстана рассмотрело предложение Президиума ЦК КПСС, с большим удовлетворением принимаем его и выражаем свою глубокую признательность Президиуму ЦК за его заботу о дальнейшем подъеме уровня партийной работы в Казахстане. Президиум ЦК КПСС рекомендует на пост первого секретаря ЦК компартии Казахстана опытного государственного деятеля, члена Президиума ЦК, секретаря ЦК КПСС Николая Ильича Беляева. Я думаю, что члены ЦК компартии Казахстана единодушно поддержат рекомендацию Президиума ЦК КПСС и решение бюро ЦК компартии Казахстана. (Аплодисменты.)

Бюро ЦК вносит предложение избрать первым секретарем ЦК компартии Казахстана т. Беляева Николая Ильича. Какие будут предложения?

ГОЛОСА. Голосовать.

Председательствующий т. КУНАЕВ. Кто за то, чтобы избрать первым секретарем ЦК компартии Казахстана т. Беляева, тех прошу поднять руки. Прошу опустить. Кто против? Кто воздержался? Нет. Тов. Беляев избирается первым секретарем ЦК компартии Казахстана единогласно. (Аплодисменты.)

БЕЛЯЕВ. Спасибо, товарищи, будем работать вместе (РГАСПИ, ф. 17, оп. 57, д. 212, лл. 128—130).

Что тут важно подчеркнуть? Беляев после переезда в Алма-Ату сохранил за собой в ЦК КПСС две функции. Во-первых, остался членом Президиума ЦК КПСС. Во-вторых, Хрущев не стал настаивать на его выводе из состава Секретариата ЦК КПСС.

С первой функцией все более-менее понятно. Хрущев тем самым подчеркнул возросшую роль Казахстана для Советского Союза. С другой стороны, он как бы подтвердил, что в столице, несмотря на интриги Мыларщикова и Чураева, по-прежнему ценят Беляева и рассчитывают на его организаторские способности, надеясь добиться резкого увеличения сборов урожая, в том числе за счет начала второго масштабного этапа освоения целинных земель.

А что со второй функцией? Наверняка Хрущев понимал, что Беляев не сможет каждую неделю летать из Алма-Аты в Москву на заседания Секретариата ЦК КПСС. Возможно, ему в голову пришла новая модель управления партией и Беляев должен был помочь ее обкатать. Новшество могло заключаться в более активном привлечении к решению текущих партийных дел на уровне ЦК КПСС руководителей регионов. Практики-регионалы должны были иметь возможность оперативно поправлять сидевших в Москве теоретиков.

Секретари ЦК, работавшие в глубинке, таким образом держали бы в тонусе своих московских коллег и вовремя пресекали образование внутрипартийных группировок. Не забудем, что после устроенного летом 1957 года Маленковым и Молотовым демарша Никита Хрущев опасался повторения выпадов против себя и выстроенной им системы власти.

Казахстанские проекты опального партаппаратчика

С чем Николай Беляев столкнулся в Казахстане? Экономика в республике явно хромала. Одни регионы развивались как скотоводческие. Там преобладали патриархальные настроения и уровень образования населения был очень невысок. Местным кадровикам зачастую было не из кого подбирать кандидатов даже на посты секретарей райкомов. Другие регионы жили в основном за счет построенных всей страной заводов, но там имелся дефицит жилья и социальной инфраструктуры. О комплексном развитии Казахстана республиканское начальство не задумывалось.

Беляев попробовал наладить системную работу и начал с подготовки кадров для низовых звеньев. В большинстве сельских районов Казахстана ситуация в этом плане сложилась аховая. Приведу цифры. В 192 сельских районах республики должности секретарей райкомов и председателей райисполкомов занимали 744 человека. Из них только 31 человек имел высшее и 73 — среднее образование. Остальные закончили в лучшем случае семилетку (цифры взяты из материалов дела № 1113, включенного в 16-ю опись 4-го фонда РГАНИ).

Н. И. Беляев попросил Москву помочь организовать в Алма-Ате хотя бы разовые курсы по вопросам партработы и набрать на них 150 специалистов сельского хозяйства с тем, чтобы потом из их числа избрать секретарей райкомов.

Потом Беляев взялся за диверсификацию экономики в зерновых областях республики и выбил для них средства с целью создания серьезной животноводческой базы.

Стоит отметить еще три масштабных начинания Николая Беляева. В августе 1958 года он забил тревогу по поводу резкого сокращения уловов рыбы в Урало-Каспийском бассейне. Если в 1931 году там рыбодобыча составляла 1 620 тысяч центнеров, то в 1957 году она чуть превысила полмиллиона центнеров. По этой причине он инициировал рассмотрение на Секретариате ЦК КПСС проекта по развитию в Казахстане рыбной промышленности. Руководитель Казахстана просил деньги на мелиоративно-рыболовные мероприятия и береговое строительство в бассейне Аральского моря и на озере Балхаш, закупку мощных холодильных емкостей и оборудования для цехов по переработке рыбы. По его мнению, только эти меры могли позволить довести уловы рыбы в 1965 году с 500 до 1 800 тысяч центнеров. Однако отраслевые отделы ЦК КПСС и руководители

Госплана сообщили, что на осуществление данных проектов требуется увеличить капиталовложения на 300—315 миллионов рублей в сравнении с тем, что уже предусмотрено в контрольных цифрах на 1959—1965 годы (РГАНИ, ф. 4, оп. 16, д. 550, л. 127). В итоге республика мало что получила.

Более удачными оказались проекты Беляева по ускоренному созданию в Казахстане строительной индустрии. В частности, по развитию цементной промышленности. Глава республики бросил крупные силы на ввод новых мощностей по производству цемента в Семипалатинской, Чимкентской и Карагандинской областях. Если в 1957 году Казахстан дал 632,8 тысяч тонн цемента, то в 1958 году — уже 830,3 тысячи тонн, а в 1959-м планировалось выпустить 1 680 тысяч тонн. Успешным оказался и третий проект — газификация Алма-Аты за счет привозного газа из Башкирии.

12 ноября 1958 года очередной фаворит Хрущева и фактически второй на тот момент человек в партии Алексей Кириченко предложил на Пленуме ЦК КПСС поменять статус Беляева. Было принято постановление:

В связи с избранием секретаря ЦК КПСС т. Беляева Н. И. первым секретарем ЦК КПСС Казахстана и невозможностью ввиду этого принимать постоянное участие в работе Секретариата ЦК КПСС, освободить члена Президиума ЦК КПСС т. Беляева Н. И. от обязанностей секретаря ЦК КПСС (РГАНИ, ф. 3, оп. 22, д. 15, л. 52).

Были ли сбои в работе Н. И. Беляева? Случались ли ошибки? Не без этого. Об одной из них рассказала в своих мемуарах назначенная летом 1958 года заместителем председателя Совета Министров Казахской ССР Зауре Омарова. В книге «Истоки» она писала:

Помнится одно заседание бюро ЦК КПК, 1 секретарь тов. Беляев объявил повестку дня. Это был вопрос о коневодстве в Кегенском районе Алма-Атинской области. Присутствовали все члены бюро, в том числе Бейсебаев М. Б. Пригласили также всех членов бюро Кегенского райкома во главе с первым секретарем райкома партии тов. Жубандыковым. В ходе обсуждения вопросов, стоявших на повестке дня, тов. Беляев сообщил, что в этом районе сильно выросло поголовье лошадей, а секретарь райкома в этом не видит недостатка. Район не нуждался в увеличении поголовья лошадей, т. е., как он выразился, эти животные только протравляют государственные земли, пашни и посевы. Мне показалось, что все присутствовавшие были удивлены подобным заявлением. Особенно поразило, как сильно Беляев за это ругал Жубандыкова <...>. Чувствовалось, что его поведение объяснялось давлением со стороны Москвы.

Как оказалось, Хрущев одно время не любил лошадей и видеть не мог мяса конины. Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана это знал и, когда запрещал хозяйствам Алма-Атинской области заниматься коневодством, рассчитывал угодить вождю.

Однако далеко не все в республике зависело только от него. Скажем, промышленное развитие Казахстана серьезно тормозил недостаток энергетических мощностей. Улучшить ситуацию в этом

плане мог бы ввод Капчагайской гидроэлектростанции. Но Москва очень долго откладывала начало работ на этом объекте.

Николай Беляев затеял в Казахской ССР смещение неугодных ему руководителей. Под ударом оказались руководители, стоявшие у истоков освоения казахстанской целины. В частности, под удар попали первый секретарь Кустанайского обкома Иван Храмков, второй секретарь республиканского ЦК Николай Журин и завсельхозотделом ЦК КПК Забежанский. А ведь они пользовались поддержкой когда-то работавшего в Казахстане члена Президиума ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Не устроил Беляева и председатель КГБ Казахстана Владимир Губин. Он добился от главного чекиста страны Александра Шелепина отстранения Губина от должности.

Но если большинство пострадавших нападки Н. И. Беляева проглотили, то Губин устроил скандал. Летом 1959 года бывший председатель КГБ Казахстана направился в Москву, где доложил: «В работе тов. Беляева как первого секретаря ЦК много излишней самоуверенности и некритической оценки положения дел в республике» (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 157, л. 55).

Первым из высокопоставленных республиканских функционеров Губин обратил внимание и на допускавшиеся в Казахстане при Беляеве перекосы в национальной политике. Он приводил такой пример. Население Казахстана на тот момент составляло 9 миллионов 300 тысяч человек. Доля казахов достигала 30 %, но в политической жизни республики приоритет отдавался казахам. В Верховном Совете СССР Казахстан представляли 50 депутатов, 40 из которых являлись казахами. Он считал, что интересы русского населения зажимались.

Однако Москва не придавала значения доводам Губина. По настоянию Николая Беляева того отозвали из Алма-Аты, а потом направили работать в Пензу.

Темиртауская кровавая драма

Стабильность в Казахстане чуть не подорвали события 1 августа 1959 года. Вечером того дня в Темиртау пришедшие после смены в палаточный городок молодые строители металлургического комбината столкнулись с отсутствием воды. Кроме того, люди устали терпеть перебои в снабжении продовольствием и жить в палатках. Их терпение лопнуло. Начались драки и грабежи. Местная милиция оказалась бессильной. Драки переросли в массовые беспорядки, которые продолжались три дня.

Напуганные протестом власти обратились за помощью к военным. В Темиртау были введены танки. В результате подавления беспорядков 11 человек погибли, 32 были ранены и 109 задержаны. Пострадавшие были и среди солдат, но это не афишировалось. «Подобные дела, — рассказывала Омарова в своей книге «Истоки», — тщательно скрывались от общественности». Она признавалась: «О том, что в людей

стреляли, я узнала в восьмидесятые годы». А ведь Омарова входила в состав руководства Казахстана.

Дальше началось следствие. От Москвы за него отвечал Леонид Брежнев. 25 сентября 1959 года в Москве собрался Президиум ЦК КПСС. Беляев своей вины за случившееся в Темиртау не признал. По его мнению, во всем были виноваты руководители Карагандинской области. Однако такой исход дела устроил не всех.

В Москве развернулась подковерная борьба за передел полномочий. Одна группа добивалась ослабления второго в партии человека — секретаря ЦК КПСС Алексея Кириченко. Другая проталкивала наверх Леонида Брежнева. А ведь существовали и прочие группы. Голос Беляева мог при определенных обстоятельствах стать решающим, а это не отвечало интересам ни Кириченко, ни Брежнева. По их мнению, Беляева следовало с политического поля убрать.

На очередном заседании Президиума ЦК в октябре 1959 года неожиданно для Николая Беляева прозвучало, что власти Казахстана так и не сделали из драматических событий в Темиртау необходимых выводов. В Кремле посчитали, что надо «обратить внимание бюро ЦК КП Казахстана: в п. 1 <постановления> отметить, что не дали глубокой оценки событий, не сделали выводов и после событий, не приняли мер к исправлению создавшегося положения» (РГАНИ, ф. 3, оп. 12, д. 1010, л. 31).

Какие же надо было делать выводы? Если вопросами снабжения работников строек водой, продовольствием и жильем ведал Совет Министров Казахской ССР во главе с Кунаевым, значит, наказывать в первую очередь следовало его. Незадача в том, что последний был личным другом Брежнева, чей политический вес в Кремле к тому времени сильно возрос.

Не дорос до политического деятеля

Н. И. Беляев понял, что кресло под ним зашаталось. Отставок руководителей Карагандинской области оказалось недостаточно. Надо было принести в жертву управленцев более высокого ранга. Отдать Кунаева — значит поспорить с Л. И. Брежневым и забыть о возвращении в Москву. Поэтому Беляев все стрелки перевел на секретаря ЦК Компартии Казахстана по промышленности Ибрагима Тажиева. По его предложению этого партаппаратчика исключили из КПСС.

Возможно, на этом бы все и закончилось. Но вскоре в Кремль пришли сводки о результатах уборки зерновых. Впервые с начала освоения целины Казахстан в 1959 году не выполнил план по хлебозаготовкам. Вместо ставших привычными 900 миллионов пудов зерна республика сдала в закрома Советского Союза только 700 миллионов пудов. Первый секретарь ЦК Компартии Казахстана в качестве оправдания сослался на непогоду. В этом году в республике очень рано выпал снег, что отрицательно сказалось на уборочной кампании.

Но Никиту Хрущева эти объяснения не тронули. Он не знал, чем кормить страну.

К слову сказать, в 1959 году урожай упали не только в Казахстане. Положение дел в сельском хозяйстве страны становилось угрожающим. Хрущев даже вынужден был по этому поводу собрать Пленум ЦК. Выступивший на Пленуме Н. И. Беляев звучал неубедительно, чем окончательно настроил против себя первого секретаря ЦК КПСС.

Масла в огонь подлило и письмо Никите Хрущеву обиженного Тажиева, который напомнил о прежних прегрешениях Беляева. В частности, он сообщил, что Беляев начал свою работу в Казахстане с того, «что выдвинул новую теорию, которая гласила, что целина служила стране всего лишь год. Поэтому нечего, мол, заниматься сейчас парами, всю площадь надо засеять и брать хлеб количеством засеянной площади» (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 157, л. 72).

Любопытно, что рассмотрением письма Тажиева Хрущев поручил заняться Брежневу. Искушенные в интригах партаппаратчики предложили ему: «Леонид Ильич! Может быть, это <письмо> пустить вкруговую» (РГАНИ, ф. 3, оп. 61, д. 157, л. 66). На партийном сленге это означало ознакомить с девятистраничным письмом Тажиева всех членов Президиума ЦК. Целью данной процедуры было сформировать общее мнение — Беляев плох и его следует из Казахстана убирать.

Однако единства по этому вопросу в высших партийных кругах достичь не удалось. Видимо, какая-то из группировок внутри ЦК КПСС была заинтересована в сохранении Беляева. Не потому, что он представлялся ей бесценным управленцем, а чтобы иметь в Президиуме ЦК лишний голос в предстоявшем переделе власти. Что этот передел неминуем, в верхах никто не сомневался. В конце 1959 года наблюдалось ослабление позиций Кириченко и усиление Брежнева.

О том, что Николай Беляев на тот момент в верхах не сбрасывался со счетов, свидетельствовало продолжение его участия в кадровых делах. Если б он оказался в опале, искушенные в интригах московские аппаратчики отстранили бы дождавшегося отставки чиновника от подбора номенклатурных сотрудников. Однако в самом конце декабря 1959 года Беляев подписал записки в ЦК КПСС с просьбами об утверждении новым министром строительства Казахской ССР Василия Прокопенко и заместителем председателя Карагандинского совнархоза Михаила Давыдова.

Оставление Беляева в правящей обойме не совпадало с интересами Леонида Брежнева. Он ожидал, что первый секретарь ЦК КПСС именно ему передаст от поверженного Кириченко неформальный пост второго секретаря ЦК КПСС. Чтобы мечта стала явью, Брежневу нужно было заручиться поддержкой глав республик и регионов. Беляев в этом вопросе мог спутать ему карты. Поэтому Леонид Ильич продолжил свою игру. Сразу после празднования Нового 1960 года он вызвал руководство Казахстана в Москву.

«Оказывается, — вспоминала Зауре Омарова, — нас ждали здесь на Секретариате ЦК КПСС. Началось заседание, вел его тов. Брежнев Л. И. Он объявил повестку секретариата. Это был вопрос о тов. Беляеве Н. И. — секретаре ЦК КП Казахстана. Брежнев Л. И. коротко изложил суть рассматриваемого вопроса о Беляеве, о недостатках его работы. Подвергнув резкой критике работу Беляева в качестве 1-го секретаря ЦК КПК, Брежнев велел всем присутствующим, в том числе и нам, высказаться по этому вопросу <...>. Все в его адрес высказывались отрицательно, в том числе и Кунаев, и Тажиев, и Ташенов, и Мельник. Я еще не высказывалась, но думала, о чем же я должна говорить, если за Беляевым не замечала ничего плохого, неправильного в его работе?»

Но Л. И. Брежнев вызвал руководителей Казахстана в Москву не для того, чтобы проанализировать успехи и недостатки в работе Н. И. Беляева. Ему было нужно внушить руководству республики идею о необходимости замены в Алма-Ате главного начальника.

Вскоре после Секретариата ЦК КПСС 7 января 1960 года состоялось заседание Президиума ЦК. Брежнев доложил, что руководство Казахстана выразило недовольство Беляевым. После такого партчиновнику оставалось только каяться. Николай Беляев заявил: «Я, видно, не дорос до деятеля большого плана. Просил бы верить, что я старался. Мне казалось, что работа идет напряженно, актив поддерживает».

Вероятно, Беляев надеялся, что Никита Хрущев в благодарность за годы верной службы даст ему шанс и не снимет с работы. Но Хрущева уже успел обработать Брежнев. Именно он, когда Николай Беляев закончил покаянную речь, предложил заслушать других руководителей Казахстана. Никто из них не сказал о нем ничего хорошего.

В результате Никита Хрущев согласился, что Беляева следует из Казахстана убрать. «Посылали т. Беляева, — признался он, — надеялись, переоценили <...>. Т. Беляев недостаточно подготовлен, был грубый подход, более гибкий ум нужен».

В вопросе, чей именно ум может подойти, Хрущев засомневался. Он уловил, что Брежнев продвигал Кунаева и что не всех устроило бы такое решение. В какой-то момент первый секретарь ЦК КПСС готов был рассмотреть на пост первого секретаря ЦК Казахстана даже кандидатуру Л. И. Брежнева. Окончательное решение 7 января 1960 года на Президиуме ЦК так и не было принято. Лидер КПСС до последнего гадал, кого направить в Алма-Ату — Игнатова, Брежнева или Школьникова из Волгограда? А если назначить Кунаева, то кого к нему приставить «комиссаром» — Родионова из Ленинграда или Воронова из Оренбурга?

Заметив нерешительность Никиты Хрущева, Леонид Брежнев после заседания Президиума ЦК попытался добавить идею с кандидатурой Кунаева и в конце концов получил от вождя карт-бланш. 19 января 1960 года Брежнев прилетел в Алма-Ату и сразу собрал Пленум ЦК

КП Казахстана. На нем продолжилось публичное избиение Беляева, а тот продолжил каяться.

«По-видимому, — сообщил он, — я не дорос до политического деятеля большого плана. Я переоценил свои силы и вовремя не увидел свои слабости. Руководить — это значит и отвечать. А я вдвойне, тройне отвечаю, поскольку я представлял здесь Центральный Комитет, его Президиум. Мои ошибки объясняются тем, что у меня не хватило сил и умения, а не тем, что я не хотел работать, как говорили, ленился. Вы все меня знаете, я трудился, много отдавал сил. Но этого мало. Надо обладать качествами большого, крупного руководящего партийного работника. И первое качество, которое я, по-видимому, не имел, — это связь с людьми, с вами, с активом, с коммунистами, с рабочими и колхозниками.

В такой сложной, национальной республике я работаю впервые. Учитывая это, мне надо было больше работать над собой. Для вас не секрет, что я промышленности не знаю. Значит, надо было учиться, надо было слушать, читать, у меня для этого возможности были».

Брежнев добавил: «Я хотел бы сказать и наше мнение в Президиуме <ЦК КПСС>, что т. Беляев не сумел обеспечить руководство такой крупной организацией, не сумел объединить усилий бюро ЦК, Совета Министров, обкомов партии на решение таких крупных задач, которые решает Казахстанская партийная организация, и не оправдал себя на таком большом посту.

Я думаю, что и он правильно оценил свои недостатки. На Президиуме ЦК и здесь он сказал, что основной причиной его ошибок и недостатков является, видимо, то, что он не дорос, переоценил себя. Общее мнение, как будто бы, единое — освободить его от обязанностей первого секретаря ЦК компартии Казахстана».

Таким образом, на должность первого секретаря ЦК Компартии Казахстана был избран Кунаев. Хотя в том, что случилось в Темиртау, он был повинен не меньше, чем Беляев. И за недобор зерна в первую очередь следовало спросить с него.

Выбитый из колеи

Впрочем, Николая Беляева не выкинули из обоймы. Ему предложили возглавить крупнейший зерновой регион России — Ставрополье. Со стороны это выглядело странно. Как так — человек в одной житнице работу завалил, а его решили перебросить в другую?

Представлять Беляева в Ставрополь прибыл секретарь ЦК КПСС Петр Поспелов, который сам держался на волоске. Он сообщил:

На пост первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС Центральный Комитет нашей партии рекомендует т. Беляева Николая Ильича.

Известно, что на декабрьском пленуме ЦК партии т. Беляев как первый секретарь ЦК компартии Казахстана был подвергнут острой и справедливой критике в выступлении тов. Н. С. Хрущева

за серьезные недостатки в руководстве сельским хозяйством, которые привели к большим потерям урожая при сборке. Были и другие серьезные недостатки, например, в руководстве промышленностью, строительством важнейших промышленных объектов. Надо сказать, что в Казахстане сейчас развернуто большое и очень важное строительство в разных отраслях.

Т <ов>. Беляев, как указал Президиум ЦК, и сам признает, что он не справился с руководящей работой такого масштаба. Я полагаю, что т. Беляев сам скажет о допущенных им ошибках и серьезных недостатках в работе.

Вместе с тем Центральный Комитет нашей партии считает, что т. Беляев заслуживает партийного доверия и рекомендует его на руководящую партийную работу в качестве первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС.

Т <ов>. Беляев ряд лет руководил Алтайской краевой партийной организацией, справлялся с работой.

Условия Ставропольского края во многом сходны с Алтайским краем. Есть все основания полагать, что т. Беляев справится с задачей руководства партийной организацией Ставропольского края, имеющего большое значение в экономике нашей страны и большие перспективы, и оправдает доверие Центрального Комитета и Ставропольской партийной организации.

Возможно, Николай Беляев смог бы мобилизоваться в Ставрополе и проявить себя на новом месте как крупный организатор. Но его выбил из колеи состоявшийся 4 мая 1960 года Пленум ЦК КПСС, на котором его лишили членства в Президиуме ЦК. Вместе с ним «вылетел» из Президиума ЦК и его давний недруг Кириченко. Тогда как другой недоброжелатель Брежнев, наоборот, усилился.

После майского Пленума Н. И. Беляев быстро поник. Работавший тогда секретарем Ставропольского крайкома комсомола Михаил Горбачев впоследствии вспоминал:

Производил он впечатление человека совершенно потерянного, выбитого из колеи, прибывшего как бы в ссылку.

В итоге Николай Беляев в конце июня 1960 года сам попросил отпустить его на пенсию. Партии и народу всех причин, приведших к увольнению недавнего ставленника Хрущева, не сообщили. По стране поползли слухи.

28 июля 1960 года вопросы о судьбе Беляева и Кириченко возникли на встрече главного идеолога КПСС Михаила Суслова с активом Ленинградской областной парторганизации.

Суслов ответил: «...они не справились, не по плечу работа оказалась. Работа Беляева была раскритикована на двух пленумах ЦК партии. Об этом все хорошо знают. Но когда их отставили от обязанностей — одного от обязанностей секретаря ЦК, а другого от обязанностей первого секретаря ЦК Казахстана, естественно, возник вопрос, что им делать в Президиуме ЦК. Ведь обязанности члена Президиума ЦК не пожизненны. ЦК счел необходимым их вывести, потому что не требовалось по работе, чтобы они находились в Президиуме. Я думаю, что пленум ЦК партии поступил правильно» (РГАНИ, ф. 81, оп. 1, д. 192, л. 116).

Выйдя на пенсию, Беляев вернулся в Москву в свою квартиру в правительственном доме на Кутузовском проспекте, 26 и больше политикой не занимался.

Последнюю точку в его судьбе поставила трагедия, случившаяся 28 октября 1966 года. Вышедшего из дома на улицу отставника на смерть сбила проезжавшая мимо машина. Однако руководство страны решило скрыть этот факт от народа. Официально было сообщено, что Н. И. Беляев умер после долгой продолжительной болезни.

В день автокатастрофы зам заведомом оргпартабботы ЦК КПСС Николай Петровичев и управделами ЦК КПСС Георгий Павлов предложили организовать похороны Беляева 31 октября на Новодевичьем кладбище. На их записке осталась пометка: «С членами Политбюро ЦК согласовано на заседании 28 октября 1966 года. Сообщил т. Черненко К. У.». Подпись: М. Соколова (РГАНИ, ф. 3, оп. 62, д. 6, л. 51). Черненко тогда заведовал общим отделом ЦК КПСС, а Соколова вела делопроизводство в Политбюро.

Народные мемуары

Татьяна ГЛОВАЦКАЯ

ЖИЗНЬ В ОЖИДАНИИ ЖИЗНИ

С чего все началось?

В сентябре 1972 года моя сестра Галина передала мне в роддом чистую тетрадь с карандашом, чтобы я могла писать родным записочки. Конечно, я их писала, но тетрадные листы привычной школьной разлиновки так манили, что неожиданно для себя я взяла и написала все, что произошло со мною накануне, — чтобы ничего не ушло из памяти.

После выписки я дала прочесть это мужу и Гале. Ну, прочитали, что-то сказали или промолчали, сейчас уже не помню. А мне казалось, что рождение ребенка, как первого, так и второго, было для меня самым главным в жизни.

Иногда я вспоминала про свои записи, но жизнь, занятая работой, детьми, домом, мамой, родными, не оставляла времени на раздумья, однако я о них не забывала.

В 1995 году моя дочь вышла замуж, в 1996-м — сама стала мамой. В какой-то из ее дней рождения я решила напечатать и подарить дочери историю ее появления на свет. А кому же еще, если это *про и для нее*... Начала рассказывать издали — с самого начала нашей семейной жизни. Напечатала, отдала, дочь прочитала, сказала, что прониклась и даже всплакнула. На этом вроде бы все и закончилось. Это была «проба пера» или «первый звоночек».

«Второй звоночек» прозвенел сначала тихо, за год до кончины Раисы Александровны, моей учительницы, когда она доверила мне самое важное дело всей жизни — дала прочесть свою рукопись. Читала взахлеб! Было столько общего в нашей с ней жизни в одном городе, на соседних улицах! Общая школа, дружба, взаимопомощь.

В 2007 году Раиса Александровна умерла. Ее смерть потрясла меня. И в память о дружбе с этим человеком я написала о ней — все, что помню. Это был «третий звоночек».

Издать книгу Раисы Александровны удалось только в 2012 году. Все это время я активно записывала все, что вспоминалось из моего детства и юности. Писала, не соблюдая хронологии, — лишь бы не потерять. И всюду лежали записочки — еще это не забыть и то вспомнить. Заставила Милу записать все, что еще осталось в памяти и у нее.

И каждую свободную минуту пыталась собрать ускользающие из памяти события из жизни своей семьи. Достала старые папки с документами родителей и деда. Все, что смогла, привела в порядок. Много раз я разговаривала с подругами детства — ведь каждый помнил что-то свое.

Наш дом

В нашем доме на улице Крылова, 14 было пять этажей, два подъезда. В нем жили все те, кто работал на аэрогеодезическом предприятии. В каждой квартире были дети. Ну, почти в каждой. И все дети учились в одной школе. Любой взрослый, проходя по двору, мог сделать нам замечание, и это воспринималось нормально. Ведь все родители были знакомы.

В первом подъезде жили два мальчика: Игорь Лямзин и Слава Беспалов. Это были наши вожак, «матки». Если начиналась игра в казаки-разбойники или во что-то другое — они возглавляли две команды. Все ребята делились на пары, обнимали друг друга за плечи, отходили в сторону, чтобы никто не услышал, и придумывали себе какие-то кодовые слова (ты — ласточка, я — синица, к примеру), потом шли к «маткам».

— Матка-матка, чей допрос, кому — в рыло, кому — в нос! Ласточка или синица?

Каждый вожак выбирал понравившееся слово, и игроки разделялись на команды.

Я с восьми лет тихо страдала по Игорю. Тихо — это мягко сказано! До 16 лет страдала, испытывая просто физическую боль от этой любви! Откуда-то у меня взялась крошечная фотография Игоря с уголком. И когда я садилась есть, это фото лежало рядом с тарелкой, я ела, смотрела на нее и страдала! Игорь ничего не знал, конечно, и вообще не обращал на меня внимания. Я была очень некрасивой и худой девчонкой.

Бедный Игорь! Он погиб страшно и нелепо, став совершенно случайно свидетелем угона машины из соседнего гаража, и грабители хладнокровно размазали его по стене.

Особенно всем запомнился Славка Беспалов. Он все время придумывал младшим какие-то интересные занятия. Например, мы всем двором делали кукол, а он показывал нам представления кукольного театра. В цокольном этаже второго подъезда были помещения геокамеры, а под первым подъездом была кочегарка. Окна этих помещений выходили в глубокие ямы, стены которых были забетонированы.

В этих ямах было очень удобно прятаться. И вот Слава прыгивал в яму, а руки с куклами выставлял на барьер. И представлял!

В нашем палисаднике мы лепили из глины маленькие кирпичики, из этих кирпичиков строили дома, из домов — улицы, прокладывали дороги для игрушечных машин, ставили шлагбаумы и прочее. Причем все уже были школьниками средних классов, но было очень интересно! Вечерами в беседке мы все часто играли в колечко, в саровника и просто болтали. В темноте можно было увидеть летающих светлячков. С той поры я их не встречала даже в лесу.

Регулярно во дворе устраивались субботники. Дети оббегали все квартиры и звали жителей на уборку территории. Обычно никто не отказывался. Но были такие вредные, что не выходили никогда.

Совершенно незабываемы игры в штандер и вышибалы. Нет смысла пересказывать правила, но это было интересно! Однажды при игре в вышибалы мне нечаянно засветили настоящим мячом для большого тенниса в голову. Я натурально почувствовала и искры из глаз, и кружение головы, как в мультиках, и некоторую потерю ориентации на какое-то время. Никто ничего не заметил, я не упала. Через много лет я имею последствия этого удара — выступ на кости черепа за левым ухом, вызывающий удивление парикмахеров. Слава богу, что в момент полета мяча я смотрела вправо, а то бы вышибли глаз.

Напротив нашего подъезда торцом к нему стоял длинный сарай. В нем было много дверей, за которыми для каждой квартиры — кладовая и погреб.

В сарае хранили всякие нужные не каждый день вещи, в погребах картошку, соленья. Погреба были такими глубокими, что надо было спускаться по лестнице. Там было очень холодно, на стенах — белая плесень. Я всегда с ужасом и омерзением на нее смотрела. А когда прочла книгу Каверина «Открытая книга» про создание пенициллина из плесени, то вспомнила эту плесень — неужели из такой?

В нашем погребе стояли большие бочки с квашеной капустой, огурцами и помидорами. Мама посылала кого-нибудь из нас за соленьями, мы шли вдвоем, открывали бочки, сначала пробовали помидоры на вкус, а потом набирали в миски и несли домой. Таких вкусных огурцов и помидоров я не ела больше никогда, а все, что мы делаем в банках теперь, не идет ни в какое сравнение с соленьями в бочках.

Мама часто приносила с базара круг замороженного молока. Поскребешь сверху, на пальце остаются белые хлопья застывшей пенки — сладкие!

Обычно осенью мама покупала картошку и капусту на зиму. Делала это она всегда со своей подругой Мусей Афониной. Они шли на центральный рынок рядом с нашим домом и ждали, когда народ из деревень привезет овощи. Народу, ждущего этот привоз, обычно было много. Привозили овощи на телегах и больших двухколесных тачках. За каждым возчиком сразу пристраивались женщины и шли за ним до места, где он останавливался. Сначала мама и тетя Муся

покупали несколько картофелин, быстро бежали домой, так как от рынка до нашего дома было буквально два шага. Картошку чистили и ставили варить на керогаз. Когда картошка была готова, ее пробовали, смотрели, разваривается она или нет, не чернеет ли. И только после этого мамы возвращались на рынок и покупали картошку уже мешками. Мы встречали у ворот большую тачку с мешками, которую очень скоро катил продавец, а за ним спешили мамы. Потом мешки сгружали возле сарая и каким-то образом, наверное, ведрами, картошка опускалась в подпол. Потом она накрывалась не то одеялами, не то чем-то подобным, потому что могла и промерзнуть.

И все это мама делала без помощи отца, который этим никогда не занимался, потому что у него было большое сердце. Сколько помню себя — просыпаешься ночью оттого, что верхний свет бьет в глаза. В доме чужие люди, скорая, пахнет лекарствами...

А вот наступает время засолки капусты. Появлялась капуста в доме таким же образом, как и картошка, с той лишь разницей, что капусту покупали сразу, не пробуя. Потом по дому устанавливалась очередь за шинковкой. Ножом резать долго, поэтому ждали, когда она появится и у нас. Шинковка — это такая довольно большая доска, посередине которой наискосок расположены ножи. Шинковка устанавливалась на таз, вилки капусты водили с усилием туда-сюда по ножам, а нашинкованная капуста падала в таз. Кочерыжки бросали на пол у печки. Образовывалась целая гора. Нас звали домой и заставляли есть эти кочерыжки. Не пропадать же добру! Они были такими сладкими! Я рассказываю это только про себя, так сказать со своего уровня, со своего этажа. Что там делалось выше, у старших сестер, не очень помню. Они, конечно, помогали тоже. Но у них все-таки была своя, более взрослая жизнь.

Так вот, вернемся к сараю. Край наклонной крыши в сторону дверей высоко над землей, а скат в другую сторону — совсем низко. С этой стороны мы и залезали на крышу. И прыгали в снег с высокой стороны! Это было упоительно! И не страшно совершенно! Мне до сих пор снится, как я прыгаю с крыши сарая в снег.

Недалеко от последней двери сарая рядом с помойкой стояла побеленная уборная. Слово «туалет» стали говорить много позже. А тогда этот домик назывался именно так.

Все остальное пространство было свободным. Летом там вешали белье на просушку. Мама обычно просила нас играть рядом с бельем, чтобы ничего не украли. И мы вроде бы скакали рядом, но что-то все равно снимали и уносили какие-то люди, которых мы не замечали. Сзади сарая был проход, оттуда возникали эти неведомые воры. Мама потом ругалась: как же мы проворонили! А мы не видели никого, конечно, потому что заигрывались.

Однажды я увидела в этом проходе какого-то страшного мужика, который прятал большой мешок. Он тоже увидел меня, оскалился и грозно сказал:

— Молчи! Скажешь кому-нибудь — найду и убью!

Я так испугалась, что ноги просто вросли в землю. Почему-то никого из ребят во дворе не было. Еще раз оглянувшись и погрозив мне пальцем, мужик убежал. Рванула домой, никому ничего не сказала, но долго боялась выйти во двор.

Зимой нам строили горку. И мы катались на чем попало, в лучшем случае на обрывке картона, но в основном на своих пальтишках, и на попе, и на спине, и на животе вперед головой. Мама обычно наблюдала это из окна нашей кухни.

Помню, что наконец-то мне купили новое зимнее пальто бордового цвета, именно для меня, потому что обычно я донашивала одежду старших сестер. И вот однажды мама обнаружила у меня дыру прямо под правым рукавом. Оттуда торчала вата! Как? Что? Откуда? Мама вертела меня из стороны в сторону, а я сама искренне недоумевала, откуда там дыра? Но горка тут ни при чем! Просто в наших подъездах были совершенно уникальные перила! Округлые, гладкие, полированные, коричневые. И вот мы поднимались на пятый, последний этаж, укладывались на перила так, что они оказывались как раз под мышкой. Ноги — в левую сторону, ближе к стене. И катились до первого этажа, перебирая ногами! Какое же пальто такое выдержит!

Поскольку я была девочкой-мальчиком, а не девочкой-девочкой, то вечно ходила в чулках с продранными коленками и рванными подолами сзади на платьях, потому что во время перелетов через заборы подол обычно зацеплялся! И как бедная мама справлялась с этими починками!

Где-то брали гудрон, жевали. А вот знали об этом взрослые или нет?

В нашем подъезде на втором этаже жил Валерка К. Он учился с нами в одном классе. Почему-то мы его не любили. За что — сейчас трудно сформулировать. Но было в нем что-то очень противное нашим представлениям о дружбе, поведении и т. д. Если в школе он получал двойку, то при всем классе подходил к столу учителя, ревел крокодиловыми слезами и канючил, чтобы поставили тройку. Нисколько не стеснялся ни девчонок, ни ребят. Поэтому мы выжидали, когда он выйдет во двор гулять, наваливались на него и били, валяли в снегу, в общем, всячески его изводили. Конечно, били — это условно. Никакой крови, боже упаси. А вот в снегу извалять, снега за воротник — это да!

Зима. Я прыгаю на нашем крыльце, холодно. Кто-то из мальчишек выходит из подъезда и говорит:

— Хочешь посмотреть, что будет, если ты лизнешь ручку двери?

Конечно, хочу! И я немедленно высовываю свой любопытный язык и... Чувствую, что язык пристал к железной ручке намертво, а оторвать его не могу! Ору, точнее рычу, слезы бегут по лицу, пацан хохочет. Наконец я сама отрываюсь от двери, во рту кровь, больно...

Хорошо помню, как во двор заходили старьевщики, точильщики ножей, ножниц. Мы стояли рядом, смотрели на отлетающие от точильного круга искры.

Зайцевы

В каждой квартире жило несколько семей. На втором этаже, прямо над нами, жили Зайцевы, кроме них — еще две семьи. У Зайцевых было две комнаты. Отец Николай Михайлович, мать Зоя Николаевна и дети Таня и Борис. Это был второй брак Николая Михайловича. Первая его жена умерла. И как рассказывала моя мама, Николай Михайлович сильно плакал, а во время выноса шел впереди по лестнице и разбрасывал цветы. От этого брака у него было двое детей — сын Виктор и дочь Наташа. Сын-студент вскоре утонул, а Наташа, очень красивая девушка, училась в другом городе. И когда она приезжала в гости, то и Таня, и Борис не отлипали от нее, они ее очень любили. Как сейчас помню — Наташа сидит за столом, а брат и сестра держат ее руки в своих и красят ей ногти — Таня на левой руке, а Боря на правой. Мне кажется, что и Таня была от первого брака, и только младший, Боря, был общим ребенком.

Родители Тани и Бори были удивительно терпеливыми людьми. Детей, по-моему, и не ругали никогда. Я любила прибегать к ним по вечерам. Во-первых, у них был телевизор, а у нас его долго не было. И можно было посмотреть кино в 7 часов вечера. Мама обычно меня не пускала, но я ужасно хотела посмотреть кино и делала так: брала ключи, говорила: «Я сейчас приду!» — и стремительно убегала. Махом взлетала по лестнице, звонок в дверь (каждому соседу — свое количество звонков), и я уже у Зайцевых. Это называлось — «пошла на телевизор». Старшие Зайцевы ни разу не выразили своего недовольствия по поводу моих визитов! Обязательно приглашали к чаю. Посредине комнаты стоял круглый стол, как и у нас. И хотя к чаю было что-то совсем простое — сушки, сухари, все равно было приятно. Пили чай, смотрели телевизор.

С Таней и Борей я дружила, мы вместе читали, играли в карты — они меня научили. Но я была удивительно тупа в этой игре. То есть я запоминала правила, но схитрить, подумать, как правильно пойти, что придержать, что выложить, — это было для меня тайной. И чаще всего я оставалась в дураках. Еще играли в лото и домино.

Помню, как мы читали вслух «Трое в лодке» Джерома. Один читает, а двое других просто валяются на полу от смеха. Читали по очереди, потому что читающий тоже хохотал и не мог нормально произносить слова. Помню, что однажды в комнату, где мы хохотали, зашла Зоя Николаевна, послушала текст и сказала:

— Не пойму, что тут смешного!

А мы не могли понять, почему ей это не смешно.

Однажды я пришла к Зайцевым днем. Дверь мне открыла соседка, хотя я звонила правильным звонком Зайцевым. Я вошла и увидела, что дверь в их комнату открыта (она была в конце коридора прямо напротив входной двери). У письменного стола спиной ко мне сидел Боря, но ног его под стулом почему-то не было видно. Я подошла к нему сзади и увидела, что он сидит на стуле с ногами, прижимая

к себе колени обеими руками. Меня он не заметил, хотя я уже стояла рядом, да и звонок он тоже должен был слышать! Окликнула его, он вздрогнул, повернул ко мне лицо — оно было бледным! Перед ним лежала раскрытая книга.

— Что ты читаешь? — спросила я.

— А? Что? «Пестрая лента»!

Я поняла. Он так увлекся и так прочувствовал содержание, что ему стало страшно! Да, было время, когда мы увлекались Шерлоком Холмсом! И я его поняла и не осудила.

Боря был помладше нас с Таней, в основном я дружила с ней. Они тоже приходили ко мне в гости, но это было сложнее, у нас всегда было тесно, много народу и играть было негде. Папа говорил про Борю: «Пришел твой друг».

Но вот однажды никого не было дома, мы уселись у нас на диване и начали играть в карты. И тут вернулся с работы отец. Он увидел нас, «картежников», и сказал, проходя мимо, что-то нелестное в адрес умственных способностей людей, играющих в карты, то есть, по его мнению, это не являлось умным делом. Мы сразу прекратили игру и смылись наверх к Зайцевым, где нас никто не ругал. Но с той поры я не люблю карты и очень боялась, как бы мои дети не начали в них играть.

Отец никогда мне этого не поминал, карт у нас дома не водилось. Зато он научил нас играть в другие игры.

Когда мы переехали в Кировский район, общение прекратилось, телефонов не было. Но я до сих пор жалею, что не виделась больше с друзьями детства. Помню, что Таня поступала в мединститут пять лет подряд, но так и не прошла по конкурсу.

А Боря живет где-то в Кольцове. Где ты, мой друг?

Телевизор

Как я уже писала, телевизора у нас долго не было. И мы бегали то к одним, то к другим соседям, чтобы посмотреть фильм вечером. Старались блюсти приличия и не ходить к одним и тем же каждый вечер.

Чаще других ходили к Афониным в другой подъезд. Хорошо помню, что на фильм-оперу «Евгений Онегин» с Вадимом Медведевым и Ариадной Шенгелай мы ходили как раз к ним. И мама тоже пришла со мной, так как очень любила оперу вообще и эту в частности. Поставили рядами стулья, как в кинотеатре, мама сидела прямо за мной. Фильм был чудесный, пели за актеров настоящие певцы. Музыка была прекрасна, сюжет, сами понимаете, трагический. Я оперу знала почти наизусть, все арии. А последнюю сцену Онегина и Татьяны могла спеть за них обоих. И вот я смотрю, слушаю и изо всех сил пытаюсь сдержать слезы, которые коварно выливаются из глаз, несмотря на моргание. Очень стыдно, ведь здесь не кинозал, где можно в темноте смахнуть слезы. В комнате светло, стыдно, что засмеют.

Но все-таки есть маленькая надежда, что не заметят мокрое лицо. И тут мама наклоняется к моему уху и говорит:

— Значит, музыка доходит до тебя!

Боже мой! Что было со мной, я не могу объяснить! Значит, заметили, застучали! Как стыдно! И долго я не могла маме этого простить. Да, иногда лучше не заметить, промолчать...

Музыка

Первый раз на симфонический концерт меня привела тетя Леля, папина сестра. Не помню теперь, в каком классе я училась. Наверное, класс седьмой-восьмой. Играли «Болеро» Равеля. Я потом часто ходила на концерты, покупала абонементы каждую зиму. Поэтому расположение инструментов в оркестре изучила хорошо. Но при исполнении «Болеро» главную партию ведет барабанщик, поэтому он со всеми своими барабанами стоит на переднем плане близко к дирижеру.

Но я всего этого еще не знала. Меня захватила, заморозила эта музыка! Одна и та же тема звучит много раз, эту тему постепенно подхватывают по очереди все инструменты, и к финалу, когда в игру вступает уже весь оркестр, это похоже на извержение вулкана, на гром среди ясного неба! А конец — это, действительно, взрыв, падение с высоты, крушение!

Я была просто вне себя! Необыкновенно! Не знаю, случайно или намеренно тетя Леля повела меня именно на этот концерт, чтобы услышать «Болеро», или просто так совпало, что оно исполнялось в тот вечер. Но я видела, как она была довольна произведенным на меня эффектом, она просто сияла! А я и говорить-то толком не могла! Музыка все звучала в моих ушах! Потом мама часто звала меня, если оно исполнялось по радио: «Иди, слушай свое “Болеро”!»

Вообще мама очень хорошо пела, могла назвать любое произведение классической музыки, услышанное по радио. Ведь, кроме радио, не было ничего! Там звучала хорошая музыка, передавали записи спектаклей, интересные радиопостановки. И мы слушали их по многу раз! Какие голоса, какие актеры! И какой ужас я испытывала, когда слушала по радио «Собаку Баскервилей»! Я ставила маленький стульчик поближе к двери в другую комнату, потому что было реально страшно! Позже так же поступал Костя, Милин сын, когда слушал пластинку со спектаклем «Рикки-Тикки-Тави»: сидел у выхода из комнаты подальше от проигрывателя...

Бесконечно благодарна тете Леле за этот концерт! И за многое другое.

Я была еще маленькой и хорошо помню, как однажды тетя Леля взяла меня к себе на работу в управление железной дороги. Огромный дом, лифт на высокий этаж, большие комнаты с кульманами. Со мной все были приветливы, дали много цветных карандашей.

А когда я подросла, тетя Леля часто рассказывала мне, как у них на работе отмечали праздники. Например, в праздник 8 Марта

на большом зеркале в холле зубным порошком рисовали овал женского лица, вьющиеся волосы, а вокруг — цветы. Я спросила зачем. А это для того, чтобы женщина, подошедшая к зеркалу поправить прическу, подкрасить губы, увидела свое лицо в этом овале. Еще тетя Леля читала мне всякие стихи, которые она писала к юбилеям сотрудников. Я слушала, но одобряла не всё, потому что размер в стихах все время нарушался. Одна строка была короткой, другая очень длинной. Я пыталась сказать, что это не совсем правильно, что надо переделать, но тетя Леля говорила, что главное — это смысл, а по смыслу все верно и правильно. Я не спорила, но осталась при своем мнении. Но все равно эти идеи подтолкнули меня к сочинению таких же поздравительных опусов.

Царская невеста

Я училась во втором классе, помню это точно. Семья Потаниных позвала меня с собой в наш Оперный театр на оперу Римского-Корсакова «Царская невеста», так как у них был лишний билет. И так, дядя Сережа, тетя Нина, Наташа Потанина и я пришли в театр. Мы сидели на очень престижных местах, то ли первый, то ли второй ряд слева, если смотреть на сцену из зала. Мне понравились костюмы — настоящие, царские. Григорий Грязнов — черноволосый, бородатый, в красивом камзоле, стоячий воротник, расшитый чем-то ярким. В общем, красавец-баритон! До сих пор помню его арию: «Не узнаю Григория Грязнова, не узнаю теперь я сам себя...»

И надо же, Любаша не любит его, он ей не нравится! Непонятно! А любит Ивана Лыкова, маленького, круглого, толстенького! Все тенора какие-то такие неказистые! И эта непонятность до сих пор меня беспокоит! Ведь внешний облик артиста и его образ (добрый или злой) должны совпадать. Иначе разрушается доверие маленького зрителя. А тут еще все так близко видно!

С годами я стала не так остро воспринимать внешность артиста и образ, просто поняла, что в жизни все наоборот. Слава богу, что хотя бы Виолетту в «Травиате» всегда поет актриса не толстая!

Но когда я захотела приобщить младшего брата к опере и повела его на «Князя Игоря», мне пришлось долго внушать ему, что в опере главное — голос, а не внешний вид. Но мне и самой было смешно, что Кончаковну, которая кокетничает на сцене, пела очень толстая певица. На ней были белые шальвары с разрезами впереди от бедра до колена, а под ним прихвачено чем-то блестящим, потом от колена до щиколотки еще один разрез! На сцене стояла повозка, короткая часть которой была опущена до земли. На эту наклонную повозку Кончаковна прилегла очень игриво. Выглядело это ужасно! И мой брат сказал с отвращением:

— Это молодая девушка? Никогда не води меня на оперу!
Думаю, что больше брат в оперу не ходил.

Азбука Морзе

Как странно вспоминается! Читаю в газете про сигнал бедствия SOS. Трактуют эти слова по-разному, но они все равно означают, что нужна помощь, кто-то терпит бедствие, и эти три буквы передаются азбукой Морзе.

Когда я была подростком, а брат совсем еще мал, отец купил такую игрушку — два аппарата Морзе, соединенные очень длинным проводом. К этим аппаратам было приложено описание и азбука Морзе. Конечно, я загорелась и стала учить ее. И вечерами мы с папой расходились по разным комнатам и передавали друг другу всякие сообщения. Потом приходили Зайцевы, и мы играли с ними втроем. Куда все потом делось, не знаю...

Велосипед

У нас в семье не было велосипеда, слишком много детей, да и жили трудно. Когда я приходила в гости к бабусе, я каталась на Кати-Томином дамском велосипеде, но это было не так часто, как мне бы хотелось.

В нашем подъезде было два велосипеда — у Димы Бершадского и у Лены Ангеловой. Велосипед Димы был мужской, взрослый, очень тяжелый. Я пару раз выпросила у него велосипед покататься, в первый раз все было нормально, а во второй раз пришлось резко затормозить, я не сумела вовремя соскочить, упала и ударилась. А Димка меня еще и по спине огрел — велосипед немного пострадал. А меня ему было не жалко. Я затаила обиду. А вот сейчас на сайте он очень приветливо со мной разговаривает, иногда звонит по телефону из своей Канады, а про этот случай он, конечно, забыл, и я не напоминаю.

Второй велосипед был у Лены Ангеловой, она жила в квартире напротив нашей. Велосипед был дамским, ездить на нем было легче, чем на Димином. Но надо было дожидаться, когда Лена сама захочет кататься и выйдет во двор, тогда бы и мне повезло. Но чаще всего Лена выходила во двор играть с нами в прятки, в вышибалы, в штандер. И чтобы выманить Лену на улицу с велосипедом, я так унижалась! Стучала ей в окно, заискивающе спрашивала, не хочет ли она погулять. Если Лена соглашалась, то надо было как-то ненавязчиво намекнуть ей, что надо бы выйти с велосипедом. И я умоляла ее, боясь спугнуть уже полученное согласие на прогулку, чтобы она вышла гулять не просто так. Я даже не называла велосипед этим словом, я говорила:

— Вынесешь великана?

Лена не понимала, я открывалась немного:

— Ну, с великом!

Лена морщилась, ей кататься не хотелось, а тащить его для меня ей было не интересно. Но если на мои робкие просьбы Лена отвечала снисходительным согласием, то моему восторгу не было предела!

Как я хотела велосипед! И спасибо Лене, что она иногда соглашалась.

Цепи кованые...

Была такая игра. Вставляли друг против друга две цепи, и все крепко держали друг друга за руки. Одна из цепей кричала другой:

— Цепи кованые, раскуйте нас!

Противник отвечал:

— Кем из нас?

В ответ называлось имя того, кто должен бежать и разбивать цепь.

Выбранный выходил вперед и бежал на цепь «противника», стараясь разорвать ее, наваливаясь на сцепленные руки всем телом. Если бежал мальчик, он старался разбить сцепку между девочками. Если ему это удавалось, то он забирал в свою цепь одного игрока. Потом бежал следующий из цепи победивших. Если разорвать цепь не удавалось, то бежавшему приходилось вступать в ряды этой более прочной цепи.

Цепи кованые, раскуйте нас...

Зоопарк

В пятом классе мы с Наташей Черноморской стали ходить в зоопарк в кружок юннатов. В то время наш зоопарк располагался напротив центрального рынка на улице Гоголя, совсем недалеко от нашего дома. Рядом стояли жилые дома, жители которых не знали покоя ни днем, ни ночью потому, что звери рычали и кричали очень громко. Как мы туда попали, не помню, наверное, первой туда пришла Наташа, а потом и меня втянула. Там был очень хороший кружок и чудная руководительница — Серафима Васильевна.

Во-первых, мы проходили в зоопарк без билета, мы же стали юннатами (сокращение от слов «юный натуралист»). Во-вторых, мы не просто там болтались без дела. Каждый должен был выбрать себе животное для изучения, а все наблюдения заносить в дневник. А потом на семинарах докладывать членам кружка про своего питомца.

У Наташи была старая волчица Леда. Она была седая, мрачная, но Наташа упорно ее приручала. А я выбрала самку пятнистого оленя, которую звали Мика. У нее были очень красивые ветвистые рога. Такие висели на стенах многих квартир — символ богатства, так мне казалось. Я заходила в клетку, убирала мусор, давала корм. Мика меня боялась, косила испуганным взглядом и убегала в домик. Ее рога уже начали очищаться от бархатистой шкурки, которую она пыталась содрать сама, для чего чесала рога о сетку. Шкурка болталась кусочками и постепенно отваливалась.

Однажды я пришла к Мике и увидела, что рога у нее отпали и валялись на земле, лохматые и грязные. Спрашиваю Серафиму Васильевну, можно ли мне их забрать? Она разрешила, и я, довольная,

понеслась с ними домой, думая, что мама обрадуется этому богатству и у нас на стене будет висеть такая красота. Я сложила их за занавеску в коридоре, где мы хранили обувь. Маме было не до меня и не до рогов. Несколько дней они пролежали за занавеской и запахи отвратительно... Конечно, их нужно было отмывать, наверное, отчищать, полировать. Но я этого не знала, а маме всегда было некогда. И она выбросила их на помойку. Я ужасно плакала, ведь мне хотелось, чтобы в доме добавилось красоты. Обидно, что к моему поступку отнеслись как-то равнодушно, но что теперь об этом говорить!

Потом мы с Наташей и другими ребятами организовали «детскую площадку» для молодняка. В один вольер поместили медвежонка, волчат, лисят и зайчат. Помню, что несла зайчат под курткой, они там копошились, мягкие и теплые. Очень интересно было наблюдать, как все детеныши играли, еще не чувствуя, кто из них охотник, а кто — добыча. Около вольера всегда было много посетителей с детьми.

Интересно было работать с волчатами и лисятами. Мы подолгу сидели в клетке у волчат. Они нас не боялись, мы их — тоже. Когда я шла в зоопарк, то просила у папы 12 копеек на конфеты «дунькина радость», столько стоили 100 граммов. С этим угощением мы бежали к волчатам. Самое главное — правильно дать еду, чтобы пальцы остались целыми. Волчата не по умыслу, а по своей натуре могли запросто отхватить пальцы, так как они не слизывали с руки, а откусывали еду. Надо было зажать в закрытой ладони шарик конфеты и почти засунуть кулачок волчонку в рот. Он охватывал кулачок челюстями, в этот момент пальцы в пасти надо было разжать, и тогда волчонок языком захватывал угощение.

А вот лисята были очень разными. Детки рыжих лис были добродушными, легко приручались, а детки черно-бурых — очень коварными, как и их родители. Могли цапнуть сзади.

Кстати, как и волчата, лисы пахнут псиной. И вот после долгого общения с ними мы так пропитывались этим запахом, что дома приходилось все с себя снимать и переодеваться в домашнее. А ту одежду надевать только в зоопарк.

Был такой интересный случай. Я много рассказывала папе о наших занятиях в кружке и о нашей руководительнице. И папа захотел с ней познакомиться. И вот мы идем с ним в зоопарк. При входе — арка, с левой стороны которой окошечко кассы. Когда в зоопарк приходили мы, то нам нужно было только заглянуть в окошко — нас уже знали в лицо. Но тут со мной взрослый, откуда кассиру знать, что он пришел по делу, а не как обычный посетитель! И чтобы от папы не потребовали купить билет, я заглянула в окошко и сказала кассирше:

— Это со мной!

Боже мой! Как папа смеялся! Он не уставал рассказывать всем о том, как я, якобы небрежно кивнув в его сторону головой, сказала: «Это со мной!» А папа роста был немаленького, метр восемьдесят пять точно. Эта история долго еще припоминалась в нашей семье.

А потом Серафима Васильевна сказала нам, что есть план — построить в городе новый зоопарк! Мы поехали на край города в район ботанического сада, довольно далеко от нашей улицы Крылова. Там еще не было Ботанического жилмассива, не было тех домов на Дуси Ковальчук, где мы сейчас живем. Увязая по пояс в снегу среди высоких деревьев, Серафима Васильевна рассказывала нам, какой здесь будет чудесный новый зоопарк! И надо же было такому случиться, что после жизни в центре города, а потом около областной больницы мы переехали именно сюда! Катались на лыжах в том самом лесу, где в 1985 году начали строить новый зоопарк.

Законно

Когда мы учились примерно в классе пятом-шестом, у нас в ходу было слово «законно». Оно выражало, примерно, то же, что сейчас «в натуре», «стопудово», «железно» и т. д. И вот помню, поздний вечер, в первой комнате гости за столом, я за что-то наказана, и мне велено идти спать. Где другие братья-сестры — не знаю. Лежу на маминой кровати и обдумываю всякие планы мщения вплоть до летального исхода, то есть очень сердита. Взрослые думают, что я сплю, разговаривают громко.

И вот мама рассказывает, что дети сейчас говорят какое-то такое слово, типа «железно», но вспомнить его не может. Понимаю, что она говорит про слово «законно», которое мы употребляем непрерывно. И мне ужасно хочется маме подсказать! Но если скажу это громко, все поймут, что я не сплю, и неизвестно еще, как на это среагируют. Хорошо, если примут мою подсказку восторженно, а если нет? И вот так я лежу в муках долго... И все-таки не открываюсь...

Колхоз

После седьмого класса нас послали в Первомайский колхоз на прополку капусты. Мы жили в помещении школы — в классах, спали на раскладушках. С нами были молодая учительница Любовь Геннадьевна и Игорь Васильевич, учитель физкультуры, который был точной копией Олега Стриженова! А я была в этого актера безумно влюблена. Соответственно — страдала по Игорю Васильевичу.

Жили мы очень интересно. К нам приставили деревенскую женщину, которая варила еду. Каждый день с ней кто-то оставался для помощи. В это время остальные делали вид, что пропальывают капусту тяпками. Капуста была молодая, только-только видны были маленькие ростки. И мы — где по земле, где по капусте — тяпками...

Самая интересная жизнь начиналась вечером. У нас был проигрыватель, пластинки, и вечерами были танцы! Девчонки умудрялись меняться нехитрыми нарядами, чтобы каждый день выглядеть иначе. Наши мальчишки долго ничего не замечали. Но однажды нас подвела

одна ситцевая юбка — на белом фоне крупные красные маки. Кто-то из мальчиков заметил эту переходящую юбку и спросил:

— А что, у вас одна юбка на всех?

Однажды, когда мы ушли в сельский клуб в кино (я сидела рядом с Игорем Васильевичем и тихо млела от счастья), к нам влезли деревенские ребята, прошлись по кроватям в обуви, разбросали все, кое-что пропало. Было неприятно.

Любовь Геннадьевна научила нас всех танцевать новый танец «Липси». Уже не помню, что это за танец! И еще она привезла из города «Первый концерт Чайковского для фортепьяно с оркестром». Мы все сидели в коридоре, где обычно танцевали, и слушали музыку. Я, конечно, изображала безумную любовь к музыке и слушала, опустив голову вниз, прикрыв ее руками. Концерт мне был известен и, безусловно, нравился, но надо было повоображать. В это время к нам пожаловали деревенские во главе со своим предводителем, которого мы прозвали Пимокатом. Чуб — в одну сторону, кепчонка — в другую, сапоги гармошкой, типичный первый парень на деревне. Не знаю, что он решил, но он подошел к Наташе Старикиной, чтобы пригласить ее на танец. По-моему, он был, как всегда, слегка нетрезв. На ее недоуменный вопрос — в чем дело, он ответил:

— Ну фокстрот же!

Папа

Папа проводил с нами не так уж много времени. Во-первых, он много работал, а во-вторых, временами у него была бурная личная жизнь, не всегда связанная с нашей семьей. Но если он хотел с нами пообщаться, то тогда все были счастливы. И на всю жизнь мы запомнили то, чему он нас научил. Игра в балду, в чепуху, причем он сам смеялся вместе с нами, а мы так прямо помирили со смеху, когда читали эту ерунду, которая получилась! В детстве все смешнее...

Потом он научил нас составлять слова из длинного слова на время. И самым плодовитым словом оказалось — «гимнастерка»! Из него можно составить около 200 слов! Проверьте!

Елочных игрушек в то время было мало. Перед Новым годом мы все садились за стол и делали из цветной бумаги цепи, гирлянды, снежинки. Грецкие орехи обжимали золотыми или серебряными конфетными обертками. Все это потом вывешивалось на елку.

И я, и моя сестра Мила хорошо запомнили комод, который папа сделал из спичечных коробков. Ящички выдвигались за ручки из тонкой проволоки. Этот комод размещался в игрушечной квартире — большой глубокой коробке. Там была еще какая-то мебель. Но самое главное, там висела маленькая лампочка от карманного фонарика. От нее шли провода к миниатюрному выключателю. И лампочка зажигалась в нужный момент.

Почему-то запомнилось, как мы пошли вечером с отцом гулять, я уже была старшеклассницей. Он не часто гулял со мной, поэтому запомнилось. Мы шли на проспект через генеральский двор. Только что от нас ушел очередной аспирант, которого отец консультировал, поэтому зашла речь о написании диссертации, о ее защите и получении степени кандидата или доктора каких-нибудь наук. Спрашиваю, а что пишут в диссертации? И папа сказал, что нужно найти, открыть что-то новое, совершенно неизвестное в науке и представить результаты в своей работе. Я искренне удивилась, а где же взять это новое?! Как это? Помню свое изумление, когда папа сказал, что есть люди, которые находят новое, и это не редкость. Оказывается, вокруг все такие умные, а я?

О том, что папа увлекался певчими птицами, знают не только члены нашей семьи. Клетки были везде — висели на окнах, на стенах, стояли на шкафах. Клетки папа делал сам. У него были маленькие тисочки, которые живы до сих пор. Была ручная дрель, теперь она у Андрея. В рейках сверлились дырочки, кусачками нарезалась жесткая проволока, она протаскивалась через отверстия в рейках — так собиралась клетка. В ней выдвигалось дно, чтобы можно было сменить подстилку из газеты, вытрясти мусор. Конечно, нас заставляли это делать, хотя мы ленились, у всех были свои дела. Когда за столом собиралась семья и разговаривали все сразу, то птицы начинали так громко орать, что перекрикивали нас! Птиц отец покупал или менялся с такими же любителями.

Вот перечень певчих птиц, которые жили у нас дома: чечетки, реполовы, чижи, щеглы, овсянки, канарейки, поползни, клесты, дубоносы, синички-гаечки, славки, зяблики, варакушки, волнистые попугайчики...

К отцу ходил один старик с большой белой бородой — Алексей Михайлович, Мила вспомнила, что он был дядей нашего соседа по дому Толи Киселева. Они долго беседовали, советовались, к каким птицам подсаживать молодых кенаров для учебы. Алексей Михайлович называл отца на вы и по имени и отчеству, а папа его — на ты. Я про себя тихо возмущалась, ведь гость гораздо старше папы, и так нельзя обращаться к старшему...

Еще приходил молодой паренек Виталька, его мать работала с моей мамой. Он тоже интересовался птицами, но с другой целью: учился делать чучела. Виталька рос в неполной семье, и было видно, что он тянется к отцу, слушает его внимательно.

В выходные дни отец ходил на птичий рынок и звал меня с собой, а когда подрос Андрей, брал и его. Местонахождение птичьего рынка не было постоянным. Мне запомнилась Березовая роща. Там было старое кладбище — очередное временное пристанище любителей певчих птиц. Полуразрушенные могилы, поваленные кресты... Мы ходили между крестами и заросшими холмиками, не придавая этому значения. Момент покупки птицы как-то ускользал от моего внимания. Я на что-нибудь обязательно отвлекалась. Отец покупал

кого-то, и мы шли домой. Мама спрашивала отца, сколько стоит та или иная птица, но правды отец не говорил. Очевидно, это были немалые деньги. А я, как ворона, ничего не видела. Папа вовремя меня отвлекал.

А когда он брал с собой Андрея, то тот, как Павлик Морозов, по своему малому возрасту говорил маме всю правду:

— Ничего страшного, мамочка, это только сто рублей!

Сумма в то время очень приличная.

Когда мама родила Андрея, мне было семь лет. Отец, конечно, был очень рад рождению мальчика. Поскольку старший сын радости не доставил, а дальше шли девчонки, Андрей стал его последней любовью.

Помню концерт смотра художественной самодеятельности НИИГАиКа в старом ТЮЗе на Красном проспекте, где сейчас филармония. На первом ряду сидят мои родители. Мама — в напряжении, папа — доволен и горд. Я на сцене, за моей спиной оркестр нашего института. Мне не страшно, честное слово! Пою на английском языке песню из кинофильма «Серенада солнечной долины». Кто-то из преподавателей английского языка послушал пластинку и списал слова для меня. Вижу, что папа просто млеет от гордости...

Молодые люди в институте знакомились со мной чаще всего потому, что мой папа — Гловацкий! Хотели получить какие-то дивиденды, ведь он — завкафедрой геодезии. Однажды я по просьбе Наташи Напалковой подсмотрела экзаменационные билеты, чтобы помочь ей подготовиться. Прошу прощения за это!

У отца были дипломники, которые отдавали ему свои работы на проверку. Сначала их читал отец, а потом просил меня исправить орфографию и расставить запятые. Я с удовольствием это делала и важничала.

На полигоне отец часто ходил на рыбалку, скорее для удовольствия, чем для добычи. Ничего приличного в Ине не водилось. Когда в первый раз отец взял меня на рыбалку, я, конечно, пошла с ним. Мне было все интересно. По дороге он срезал длинные-предлинные пруты, они и стали удочками. Привязал леску, крючки, грузило, насадил червяка, я за всем наблюдала и училась. Укрепили их на берегу и стали ждать. Я терпела недолго. Рыба не клевала, мне стало скучно. Под каким-то предлогом я смылась.

Второй раз мы рыбачили с лодки, там я совершенно извелась — уйти было некуда с середины реки. Я сказала папе, что это занятие мне не нравится, оно не для моей слишком подвижной натуры. Папа был разочарован.

Запомнилась живая реакция отца на публикацию поэмы А. Твардовского «Теркин на том свете» в 1963 году в газете «Известия». Мы сохранили лист с поэмой, позже я сделала его ксерокопию, потому что он истерся. Папа и смеялся, и хвалил автора за смелость, и предсказывал ему неприятности, которые и последовали. А потом появилась пластинка, где сам автор читал поэму.

Полигон

Первые годы на полигоне еще не было никаких корпусов для студентов, а преподаватели жили все вместе в длинном бараке, который потом стал чертежкой. Как-то отец меня взял с собой на полигон, помню, что он ушел куда-то, а я сидела на его раскладушке и ждала, когда он освободится.

А добираться до полигона было сложно. Сначала на электричке надо доехать до станции Инская, а там пересесть на другую и проехать до следующей остановки: станция Издревая. Причем эти поезда назывались не электричками, а «передачами». С Издревой нужно было идти пешком до реки очень далеко, папа говорил, что пять километров, но я не помню — это расстояние только до моста через Иню или уже до полигона. Но для меня дорога была ужасно длинной! Сначала мы шли вдоль железнодорожного полотна. Справа появлялся пионерский лагерь, за ним деревенские дома, а потом уже Иня. Дальше нужно было переходить мост, что было не только страшно, но и очень опасно. Специально отгороженного места на мосту для прохода людей не было. Приближение поезда сзади можно было увидеть и переждать, пока он пройдет. А вот угадать, не идет ли навстречу поезд, нельзя, так как за мостом рельсы плавно уходили за поворот. И если поезд заставал нас на мосту, то папа командовал, чтобы мы прижались к перилам и встали спиной к поезду. Мост сотрясался, грохот был ужасным.

После моста тропинка спускалась вниз и шла по полю вдоль Ини, которая оказывалась справа. А слева на поле вдоль основания высокой горы стояло буквально пять домов — деревня Барановка. Затем небольшой подъем через заросли тальника и окраину деревни, рядом с которой и построили полигон для студенческой практики.

Это долгое хождение происходило много лет. Позже сделали остановочный пункт «Учебный», до полигона стало ближе. Но это случилось не сразу, переписка с железнодорожниками длилась не один год.

А поначалу студенты в летний период дежурили на перевозе через Иню. Приходишь на берег, садишься в лодку с дежурным перевозчиком, переезжаешь на другой берег, и все! Дорога через лес до станции была во много раз короче. Обычно родители пугали меня всякими ужасами и старались, чтобы в город я ездила не часто и по лесу до электрички шла с кем-нибудь из знакомых.

Боже мой, как я любила полигон! (Точно такие же восторженные слова произнес Андрей, когда я спросила его про жизнь на полигоне.) Как ждала лета, чтобы уехать туда с родителями!

Целое событие — вывоз вещей. Отец где-то арендовал грузовик, наверное, в институте. Мама запасала продукты на все лето, сахар, крупы, консервы, собирала одежду. У нас долго был такой походный папин сундук с ремнями, который остался еще от его работы в геодезической партии. Я всегда ехала в кузове на вещах и блаженствовала.

Во-первых, мечтала, что увижу *его*, сына одного преподавателя. Звали его Юра Киричек. Господи, он ни сном ни духом не ведал, что кто-то по нему страдает! Кстати, Игорь Лямзин, моя детская любовь, тоже жил на полигоне с матерью, Марией Александровной Федоровой. Но он меня уже не интересовал. А с Юрой я вообще не общалась, мы были как будто незнакомы. С тремя Наташами: Напалковой, Черниковой и Озеровой — и еще с кем-то мы носились целыми днями, уходили в леса гулять.

Первый летний сезон мы жили в бараке без окон недалеко от столовой, поэтому дверь всегда была открыта, закрывали ее только на ночь. С одного торца — наша комната, а с другой стороны жила Тамара Никитична Щетникова с детьми — Ирой и Сережей. Вот они в то лето были в нашей компании. Их мама была начальником отдела кадров института, очень красивая, спокойная женщина. С Иринкой мы долго дружили.

Однажды в рукав моей куртки попала летучая мышь! Курточка висела у входа, и вот это существо как-то туда забралось. Я стала одеваться, сунула руку в рукав, почувствовала что-то живое и заорала! Она вылетела снизу из рукава сразу на улицу! Но ощущение мерзости не забылось до сих пор.

Потом для преподавателей построили отдельный длинный корпус с небольшими комнатками. Вот мы вчетвером — я, брат и родители — там и жили. В комнате стояли две двухъярусные кровати, внизу спали родители, а мы с братом наверху.

Все это было как бы на возвышении, а ниже в сторону Ини стояли корпуса для студентов. В центре — чертежка, где студенты занимались. На ее крыше была крупная белая надпись: «СЛАВА КПСС». Когда бежишь сверху вниз, то эта надпись видна. Однажды нас бежало много, всякая мелюзга тоже за нами. Один из ребят громко прочел эти слова вслух и тут же получил в ухо от мальчика по имени Слава! Он решил, что его как-то обозвали.

Справа перед спуском — столовая, рядом с ней стоял стол с ящиком под навесным замком, а внутри — телевизор. Тут же стояли лавки, вечерами народ смотрел новости и кино.

Рядом с преподавательским корпусом, где жили и мы, — небольшая кухня с плитками, там народ готовил еду. У мамы была духовка, в которой мы даже пекли торты! Именно на этой кухне Зоя Александровна — мама Тани Сурниной, будущей Галиной аспирантки, научила меня стряпать торт «Мишка», и он надолго стал моим фирменным.

У семьи Юршанских был черный спаниель по кличке Нептун. Днем двери у всех были открыты, и Нептун частенько навевывался в гости. Однажды мама испекла заварные пирожные, но не успела начинить их кремом — ушла на работу в чертежку. Пирожные сложила в кастрюлю и поставила ее под кровать в тень. Думала, что после работы вернется и закончит с пирожными. Вечером вернулась, сразу стала варить заварной крем. Достала кастрюлю, открыла, а там, на дне, всего несколько штук! Она к нам с братом — вы съели?

А мы — ни сном ни духом — не брали! Мама не поверила нам, мы обиделись, а пирожных так хотелось...

Мы вообще не знали, где эти пирожные находились, и не видели, куда мама их ставила. А она нам показывает и снова ставит кастрюлю под кровать. Сидим все в комнате, пригорюнились. Вдруг качнулась шторка на двери, смотрим, а это Нептун! Забежал и сразу под кровать. Отодвинул носом крышку, засунул морду в кастрюлю, хват пирожное и тащит! А крышка укладывается на место сама собой. Пирожное исчезает, Нептун облизывается и выбегает из комнаты. Тут мы всё и поняли! Вот такой воришка!

Сразу за кухней начинался лес, туда уходила дорожка, в конце которой стоял белый домик.

Мама Наташи Озеровой работала в библиотеке, а мы с Наташкой помогали ей, нам нравилось болтаться рядом со студентами. Если тетя Зоя уходила ненадолго домой, то мы выдавали книги, записывали их в формуляры, страшно важничали и кокетничали, хотя были еще даже не старшими школьницами. Стеллажи с книгами стояли открыто, ребята ходили между ними, выбирали книги. В результате потом многих книг недосчитались. Парни уносили книги без записи, а мы, вороны, не замечали этого!

Владимир Федорович Черников приходил на обед, брал полотенце, звал дочерей Наташу и Таню с собой, ну и меня за компанию — купаться. А потом, когда я научилась достаточно хорошо плавать, мы сами целыми днями валялись на берегу, до одури купались, загорали до черноты. Сколько раз я переплывала Инюшку — не счесть! Берег со стороны полигона был пологим, на берегу мелкие острые камни, на дне — то же самое, заходить в воду очень неприятно. И глубина не сразу, дно долго пологое. Посредине реки — поплавки деревянные, там можно было отдохнуть. А вот другой берег весь зарос ивняком, вылезти трудно, берег крутой и глинистый. А в воде — водоросли, которые опутывали ноги. Один раз я думала, что не выплыву. Зато у этого берега в тени росло много кувшинок и лилий.

Один раз уговорила маму, чтобы она пришла на берег и оценила, как я ныряю. Мама пришла, я стала демонстрировать ей, как солдатиком ухажу под воду и не сразу выныриваю. Мама испугалась, стала кричать мне, чтобы выходила, а я не понимала, чего она боится, и продолжала нырять по-всякому. Она стала бросать в меня камушки — испугалась за меня, а я продолжала демонстрацию. В результате мама ушла домой, сказав бессмертные слова, что если утону, чтобы не вздумала возвращаться (не вру, честное слово!).

А еще мы любили купаться поздно вечером, когда над водой уже стелился туман, а вода была как парное молоко. В этой же речке мы и баню устраивали, мыли головы, после чего волосы были пушистыми.

Позже мы жили уже в своем домике. Рядом стоял домик Жориного отца, он тоже работал на полигоне. Мы дружили втроем — Наташа, я и Жора, — купались, бродили по лесам, а иногда к Жоре приезжал его друг Левка. Жоре очень нравилась Наташа. Он был большим

выдумщиком, много читал и предложил мне участвовать в его рукописном журнале. Я даже что-то туда писала. Жора велел придумать каждому псевдоним, и я его изобрела — Татьяна Глан. Теперь это имя входит в мой электронный адрес, как память о детстве-юности. Жора работает в книжном магазине, он большой знаток книг. А Наташа после работы в институте уехала жить в Америку к дочери.

Жора — единственный друг с детства, который звонит мне два раза в год: в Новый год и 8 Марта. И если этого звонка не будет, значит, моего друга просто нет на свете.

Еду мама готовила в кухне, но иногда посылала меня в столовую во время обеда за супом и котлетами. У нас был такой набор из трех алюминиевых кастрюль для всех трех блюд — одинакового диаметра, но разных по высоте. Они ставились друг на друга и сцеплялись специальной ручкой. Вот я и носила первое, второе и третье домой, когда мама не успевала приготовить. Эти кастрюли у меня живы до сих пор и работают на даче.

Однажды я растянула связку на щиколотке, когда неслась вниз с горы к чертежке, было ужасно больно. Дома туго перебинтовала ногу и просидела на кровати всю ночь, тихо подвывая.

Мы часто бегали босиком, один раз я бежала по стерне и на бегу специально пригибала ступнями остатки травы, чтобы не кололо. А в земле лежала железяка углом, и я пробила пятку. Кровь лилась за мной, как за Щорсом, пока я хромала до дома. Мама вымыла мне ногу и велела идти к фельдшеру, который жил с обратной стороны столовой, там у него и медпункт был. Я шла, наступая только на пальцы, чтобы не запачкать ступню. Пришла, а он ест. Равнодушно посмотрел на меня и махнул рукой — жди. Я села на стул у двери, а кровь течет, и слышно, как она капает. Натекла приличная лужа. Было слышно в тишине — кап-кап! Наконец господин фельдшер доел и взялся за мою ногу. И почему я это помню до сих пор? Наверное, поразило его равнодушие и даже отвращение к тому, что он делал.

Мы с девчонками любили уходить в леса за Барановку, там была красивая каменистая гора у речки. Обычно мы шли по берегу вдоль нее или прямо по воде. Но вода была такая холодная, что ноги быстро леденели. Уходили далеко, никто из родителей не знал, где мы и куда нас понесло. Знали, что мы бродим где-то в окрестностях.

Андрей рассказывал, что его компания мальчишек тоже бродила по окрестностям полигона и однажды ребята заблудились. Где полигон, непонятно. Хорошо, что недалеко стоял геодезический знак, который был выше окружающего леса. Брат влез на него и увидел, в какую сторону идти. Так и вернулись домой.

Очень часто папа брал меня с собой в поле к студентам, которые там что-то снимали. Перед уходом мама говорила, чтобы я взяла с собой бутылку с водой, ведь была жара. Но папа не разрешал, он заставлял меня выпить большую кружку горячего сладкого чая и говорил, что этого достаточно для того, чтобы ходить по жаре. А если начать пить

в дороге, то уже и не перестанешь и будешь пить бесконечно. Я так и делала, и до сих пор стараюсь следовать его совету.

Мы уходили в поля и леса, отец шел впереди в летней шляпе, в руке у него была палка-трость, которую он сделал сам. Он вырезал ровную палку, по-моему, из осины, судя по цвету коры, потом острым ножом резал на ней орнамент, лишнее убирал, получались белые квадратики, треугольники и полоски. Брал лупу и на солнце выжигал эти светлые участки. Потом снимал нетронутую шкурку, и получалось очень красиво — чередование черных выжженных участков и белой серединки. Потом это белое постепенно затиралось и становилось светло-коричневым. Таких палок у отца было много, у него их выпрашивали, он дарил.

Пока отец занимался со студентами, я бродила по ближайшим околкам, собирала ягоды — в основном клубнику и костянику. Еще в этих лесах было много боярки.

В преподавательском корпусе мы прожили, наверное, два лета, а потом самые смелые стали строить свои домики. Напалковы купили ниже астроплощадки старую хибарку, которая со временем превратилась в приличную дачу. Потанины пошли дальше, они купили нормальный деревенский домик близко к реке. Многие тоже покупали дома в деревне, но в них надо было кого-то прописывать, иначе дом не мог быть собственностью. И вот в эти домишки прописывали всяких старых родственников.

Мой папа не хотел так делать, он говорил, что те, кто купил дома и стал сажать редиску, — куркули! Но мама, наверное, настаивала, тогда отец решил строить домик прямо рядом с преподавательским корпусом.

На помощь были вызваны мамины племянники Толя и Степан Лановые. И домик сколотили, простой, фанерный, в одну комнату, но с маленьким крылечком, с чердаком, на который вела лестница из комнаты.

Мы с братом спали на полу чердака на матрасах без раскладушек, потому что потолок был близко, а мы с братом оба длинные и в полный рост встать не могли. Когда шел дождь, то звук воды, стучавшей по шиферной крыше, был хорошо слышен! Казалось, что бьет по голове, но все равно там было уютно. Мы с Андреем много хохотали. Между перекрытиями что-то непрерывно скреблось, брат говорил, что это — махрютки. Брат был младше меня на семь лет, но я верила ему и побаивалась, что эти самые махрютки могут упасть на лицо.

Для обогрева комнаты внизу в прохладное время мы использовали духовку.

Всеволод Петрович, отец Наташи Напалковой, иногда звал нас поздно ночью на астроплощадку на занятия студентов, показывал нам Луну, кольца Сатурна, звездное небо.

Огромным удовольствием был настольный теннис. У нас около корпусов стоял теннисный стол, где мы научились играть. Это так

затягивало, что мы скакали у стола целыми днями. И если мамы звали поесть, то мы неохотно отвлекались от стола, ели, стоя на одной ноге, потому что хотелось быстрее продолжить игру. Помню, как приходил к нам один преподаватель — Меркушев, он классно играл! Его дети, натренированные отцом, учили нас играть днем, а вечером он сам давал нам мастер-класс. Мы и парами играли, и на вылет.

Когда я научилась резать справа, то была очень горда, а вот слева научилась намного позже. Потом Меркушев учил нас играть пером, это когда ракетка в руке смотрит вниз, а мяч летит с подкруткой. У нас уже появились свои ракетки, которыми мы дорожили.

Помню, когда прибежала домой поесть, мама мне выговаривала, что я скачу весь день без толку и что это занятие меня не прокормит. Но я слушала вполуха и бежала обратно к столу.

Не могу не вспомнить, как я играла в теннис уже после первого курса внизу возле студенческих корпусов и все выигрывала и выигрывала... Партнеры менялись, а я скакала без устали.

И тут напротив меня встал человек, встречи с которым я боялась не только на полигоне, но и когда первый раз пришла на занятия в институт еще на Потанинскую. Не будем указывать на него пальцем, но я действительно боялась с ним встретиться. А тут он — мой противник. Играл он хорошо, сильно и резать умел. Стало ясно, что если проиграю, то жизнь моя закончится с позором. Я так напряженно играла, вложила все свое умение! И выиграла! Он должен был вылететь, другие претенденты ждали. Но он стиснул зубы и не ушел, нарушив все правила. Народ роптал. Мы поменялись сторонами стола, так обычно делали игроки. Солнце стало светить мне прямо в глаза. Но я снова выиграла! И после выигрыша ушла сама. И была горда, что не проиграла. Можно подумать, что эти победы что-нибудь изменили в моей жизни... Но все равно — не могу этого забыть! Много лет спустя я припомнила ему эту игру, а он признался, что в то время был кандидатом в мастера. Этот проигрыш его задел. Посмеялись вместе над своими тогдашними страстями.

Когда у Гали родился Алеша, то они жили летом у нас на полигоне. Все в одной комнатке, сестра с сыном, родители, и только мы с братом наверху. Потом Мила с Володей подкинули нам дочку, нынешнего великого стоматолога в Барнауле. Она дала всем прикурить! Ни минуты покоя от нее не было! Она удирала сразу и с концами, только отведешь глаза. Кидаешься ее искать — нет нигде! То она убежит к колонке с водой, а там конь со связанными передними ногами щиплет травку, а она уже стоит под ним. То она удирала в сторону белого домика и один раз чуть не ступила в дыру, я едва успела ее ухватить. Однажды ее привели студенты, она удрала в сторону кладбища. А уложить спать ее было просто невозможно!

Родители, Мила и Володя, по очереди делали попытку усыпить дочь — бесполезно! Она непрерывно спрашивала про всех. Вот с дочерью остался Володя, мы все на крыльце, слушаем, как идет воспитательный процесс.

Оля спрашивает отца:

- Мама де?
- Мама ушла.
- Деда де?
- Деда на работе!
- Баба де?
- Баба на работе!
- Таня де?
- Таня спит!
- Дюся де?
- Андрюша спит!
- Сяба де?

Это она про собаку. Единственное, чего боялась эта разбойница, — собака.

— Сяба ушла!

И снова по списку перечисляются все родственники вместе с собакой. Пашков плюет и выходит на крыльцо. У Милы тоже ничего не получается. Тогда Галя говорит Володе:

— Хочешь, усыплю твою дочь? Рубль дашь?

Пашков не верит, но соглашается.

Галя уходит, и мы слышим те же вопросы в том же порядке, но вдруг вопросов уже не слышно, и Галя с торжествующим видом выходит на крыльцо.

— Пашков, давай рубль!

Мы спрашиваем, что и как, неужели спит, почему? Оказывается, когда вопрос дошел до собаки, Галя сунула Оле в нос вывернутую наизнанку папину меховую собачью жилетку, которую все очень любили надевать в холод, и сказала:

— Вот она, сяба! Закрывай глаза! Спи!

Та с испугу глаза закрыла и заснула. В общем, у нас было весело.

Привет с полигона НИИГАиКа

Прошло уже много лет. Благодаря современным средствам связи я получила привет из прошлого. Отсканировала старые фото, в том числе и те, на которых мой отец совсем молодой, школьник, студент, уже геодезист. И тут на мою страницу в «Одноклассниках» вышел бывший папин студент и прислал мне свой рассказ. Вот он.

Добрый день, Татьяна!

Очень приятно было видеть фото уважаемого Бориса Александровича! Я учился в НИИГАиКе с 1962 по 1967 годы. Хочу вспомнить годы общения с этим замечательным человеком, особо во время учебной практики на полигоне. Помнится, я сидел в камералке и считал на арифмометре приращения. Подходит ко мне Борис Александрович и говорит, что арифмометр — не швейная машинка. Тут же показал, как его нужно поставить перед собой и как правильно делать вращения ручкой «на слух» парами, тройками вращений. Это привело в неописуемый восторг всех

присутствующих, а девчонки гурьбой подошли к Борису Александровичу и атаковали его словами:

— Борис Александрович, и нас, пожалуйста, научите.

На что прозвучал ответ:

— Пусть Хрипков вас теперь учит! — И своей «коронной походкой» вышел из камералки. А ходил Борис Александрович прямо, слегка опираясь на трость (красиво фигурно обожжённая палка). Был он в меру строг и очень справедлив. Звали его все студенты ласково «пан Гловацкий».

Спасибо Вам за эти минуты прекрасного общения. Я всю свою трудовую жизнь проработал по своей специальности на Сахалине (Курилах), в Магадане, Коми, Эстонии, на Украине, в Башкирии и немного в Карачаево-Черкесии и ничуть не жалею о своей специальности. Всего доброго!

Вячеслав Хрипков

Я не могла не ответить на эти слова.

Добрый день, Вячеслав! Боже мой, как мне приятно! Спасибо Вам! Вы знаете, что у нас дома тоже был арифмометр, трофейный, как говорил папа. В это время все считали на логарифмических линейках, а у меня был арифмометр! И все мне завидовали! Отец тоже научил меня на нем считать, показал, как определять порядок результата. А на снимке есть эта его палка, которых он сделал немало и раздарил их всем. Меня он тоже научил делать такие. Я училась в НИИГАиКе с 1965 по 1969, но я — не геодезист, а спектроскопист. Но моя сестра Людмила, ее муж и моя мама — геодезисты. И так как я много лет провела на полигоне, можно считать, что я там выросла, мне все это знакомо. Огромное Вам спасибо за память! Пан Гловацкий — это верно! А меня впоследствии звали пани Гловацкой...

Донецк — Подольск — Москва

В 1968 году мы вместе с Ольгой Пановой совершили круиз: Донецк — Львов — Москва — Подольск. Это были зимние студенческие каникулы, первые после смерти папы в 1967 году. Я впервые в жизни летела самолетом. Сидела у окна рядом с крылом самолета и страшно боялась.

Во время снижения вдруг увидела в окно, что плоскость крыла разломилась вдоль! Я была в шоке! Но решила никому ничего не говорить. Думаю, ну все! Сейчас самолет упадет! Сижу, затаилась, мысленно прощаюсь с жизнью. И даже Ольге ничего не говорю. К моему великому изумлению, самолет сел благополучно. Тогда я открыла страшную тайну Ольге, она долго надо мной хохотала. Оказывается, что самолет таким образом тормозит, а отвалившаяся часть крыла — это закрылки, которые для того и опускаются.

Прилетели в Донецк. Там жил с семьей старший сын отца, брат Галины — Анатолий. А у Ольги здесь жила тетя, сестра умершей матери. Пробыли мы там недолго и полетели во Львов к другу Ольгиного отца, местному украинскому писателю. Он жил с женой и двумя сыновьями в центре города в особняке на два хозяина. Нам отвели отдельную комнату с газовой изразцовой печью. В доме было прохладно, а я очень этого не люблю.

Писатель говорил по-украински приятным певучим говором. Жена у него была русской, работала медсестрой в больнице. От нее мы впервые услышали, как неоднозначно относятся на Западной Украине к русским. Для нас это было не очень приятной новостью. Она говорила, что русским сотрудникам больницы достается работа в самые трудные ночные смены, но все обставляется так, что формально придаться не к чему.

В Львове была странная для нас погода: на улице то плюс один-два градуса, то ноль. Снега нет совсем. Тротуары, выложенные плиткой, влажные. А по ним идут дамы в шубках и туфлях на высоких каблуках. Видеть это было непривычно. И при такой, казалось бы, теплой погоде нам было холодно! Наверное, из-за высокой влажности.

Мы много гуляли по городу, нам все нравилось — брусчатка на дорогах и тротуарах, старинные дома, костелы со стрельчатыми башнями. Жаль, что тогда у меня не было фотоаппарата, вот бы я снимала! Недалеко от Оперного театра мы увидели толпу совершенно трезвых мужчин с цветными флагами, которые стояли живописной толпой и переговаривались друг с другом. Выяснилось, что это болельщики, фанаты, у них здесь постоянное место сбора, какие-то ритуалы. У нас в Сибири мы такого не видели.

В центре города, где мы в основном гуляли, были необыкновенные улицы. Они все время слегка изгибались и плавно поворачивали. Не было возможности увидеть конец улицы. Видимость — один-два дома, и снова поворот... Местами улочки были такими узкими, что непонятно, как здесь сможет проехать машина!

Все дома на улицах касались друг друга боковыми стенами. Иногда между домами попадались арки. Все время казалось, что вот-вот из этой арки появится что-то или кто-то необычный, может, вооруженный бандит или дама из прошлой жизни.

Католические костелы были необыкновенно красивы! Хотелось зайти, тем более что все они были действующими, там шли службы. То ли мы были тогда закоренелыми атеистами, то ли по какой-то другой причине, но внутрь мы не зашли ни разу.

Однажды на плавном изгибе улочки мы чуть не наступили на ноги какой-то женщины. Она стояла на коленях, прямо на тротуаре перед источником воды, которая медленно стекала из стены в каменную чашу. Женщина молилась, не обращая ни на кого внимания. Поскольку тротуар был очень узким, ее ступни доходили до его края, дальше была уже дорога. Пришлось перешагнуть через эти ноги в простых чулках и растоптанных старых туфлях.

Был еще один интересный момент. Мы зашли в булочную, чтобы купить что-то к чаю, а когда выходили, то в дверях столкнулись с красавцем-мужчиной, который козырнул нам и уступил дорогу. Самое главное: он был одет в форму немецкого офицера! Представьте наше изумление! Мы просто впали в ступор! Немецкий офицер! Ну как можно в это поверить, как это объяснить? Оказывается, недалеко от этой булочной снимали кино про нашего разведчика Николая

Кузнецова. Артист просто пошел в булочную. Не переодеваться же ему для этого! А местные жители к таким вещам привыкли. Кино там снимали часто.

Пока мы гуляли по городу просто так, то никакого национализма мы не замечали, хотя писатель нас предупреждал, что это может как-то проявиться. Он рассказывал, что пару лет назад бандеровцы тушили Вечный огонь у Монумента Славы и не давали его зажечь — стреляли в милиционеров.

И все-таки мы столкнулись с нелюбовью к русским. В первых этажах домов располагались маленькие магазинчики, буквально один за другим! Заходишь в дверь — там прилавок, под стеклом товары — например, нитки, пуговицы и прочее, а сзади тебя уже нет места для другого человека — дверь за спиной! Вышел, прошел метров пять, опять вход в такой же маленький магазинчик. Я помню, что Галя сунула мне в карман 25 рублей, когда мы уезжали, за что ей спасибо. Хотелось что-нибудь купить. И вот тут все и началось. Стоило мне открыть рот и спросить продавщицу о чем-либо, как она, до этого момента улыбавшаяся нам как потенциальным покупателям, сразу менялась в лице. Полное непонимание русского языка, ледяное выражение на лице, нескрываемое отвращение. Приходилось просто выходить из магазина. Было обидно. Потом мы догадались, что спрашивать нужно Ольге, она хорошо говорила на украинском языке, так как в детстве они с отцом жили на Украине. Я об этом не знала и была удивлена, когда однажды на улице к нам обратилась на украинском языке одетая по-деревенски женщина. Она что-то спрашивала и говорила быстро, красиво, переливчато, но для меня непонятно. Запомнилось слово «зупынка». Я только собралась ответить ей, что мы не понимаем, как вдруг Ольга открыла рот и на чистейшем украинском языке ответила ей! Вот это да! Я и не догадывалась, что она знает язык! А Ольга и сама потом сказала, что не ожидала этого от себя. Просто сработали какие-то инстинкты, на украинскую речь женщины автоматически ответила память, и нашлись нужные слова. А «зупынка» — это остановка, женщина спрашивала, где остановка автобуса.

Как-то мы гуляли и увидели почту. Я решила дать телеграмму маме. Зашла внутрь, Ольга осталась на улице. Прошу бланк, заполняю, кладу на барьер, за которым сидит женщина и болтает с коллегой. На почте нет никого кроме меня, пусто. Не понять, что я подаю заполненный бланк телеграммы для отправки, невозможно. Но на меня не обращают никакого внимания. Стою, придерживаю бланк рукой, он свесился вниз прямо к приемщице. Ноль внимания! Проходит минута, другая, третья... Начинаю закипать. Ну обидно же! Уже понятно, что это — демонстрация презрения ко мне, русской. Я же просила бланк по-русски. А надо вам напомнить, что при заполнении бланка в самом низу нужно было писать адрес отправителя и фамилию. И естественно, внизу я написала свою фамилию — Гловацкая.

Наконец-то приемщица соизволила поднять на меня глаза и взять бланк. Читает текст, говорит сумму, я оставляю деньги на барьере и просто вылетаю за дверь, даже не дождавшись квитанции. Слезы на глазах от обиды, быстро пересказываю Ольге ситуацию, и мы идем дальше. И вдруг слышу сзади:

— Пани Гловацкая! Пани Гловацкая! Вы забыли квитанцию!

Мы оборачиваемся и видим, что приемщица бежит к нам без пальто, в протянутой руке — квитанция, на лице — улыбка во весь рот!

Когда мы пришли домой и рассказали хозяйке про этот случай, она объяснила, что ситуация — типичная, а моя польская фамилия изменила ее! Будь я Ивановой или Петровой, никто бы за мной не побежал.

Прожив в гостях несколько дней, мы с Ольгой совершили подвиг и съездили практически на границу с Польшей — в город Яворов. Там служил товарищ нашего однокурсника Виктора Андреева — Саша Пичуев. Однажды Виктор попросил нас с Ольгой написать его товарищу письмо в армию, чтобы тому не было скучно. Мы написали шутовское совместное письмо, он ответил, завязалась переписка. Сначала отвечали вместе, потом разделились, писали по отдельности. А когда он узнал, что мы будем во Львове, он сообщил, как найти его часть, чтобы увидеться. Он был освобожденным комсомольским лидером части и имел ряд привилегий — мог свободно уходить в увольнение.

До Яворова мы добрались на автобусе. Ярко светило солнце, под ногами была каша из мокрого снега и воды, было жарко в зимних пальто, ноги промокли. Но где найти эту военную часть? Мы спрашивали у людей, от нас шарахались. Тогда мы подошли к милиционеру и спросили у него. Он нас долго пытал, но потом понял, что мы не шпионы, и показал, куда идти. Мы долго шлепали по снегогрязи, но нашли железные ворота с красными звездами. Нам открыли, мы назвали фамилию Саши. Он нас ждал, мы же писали, что приедем. Правда, потом он признался, что не верил в наш приезд. Все-таки это было нереально — из Сибири в такую даль.

Его позвали, он вышел и повел нас в военный городок, где жили офицеры. Буквально накануне окончил службу и уехал его командир. У Саши были ключи от его пустой квартиры. Она была настолько пустой, что в ней не было ничего, кроме обрывков бумаги на полу. Ни дивана, ни стола, ни стула. Нам предстояло здесь ночевать, так как назад ехать было уже поздно.

Мы что-то ели, а потом легли спать на полу, куда Саша постелил шинель. Он в середине, мы по бокам, и говорили всю ночь, периодически засыпая. Расспрашивали его, как им тут служится на этой недружелюбной Украине. Он рассказывал нам много интересного. В частности, про мальчишек, которые в России бежали бы за танками и просили прокатить. А здешние пацаны норовят бросить камень в голову солдата, высунувшегося из люка.

Диплом. Институт математики

Прошло время, практика закончилась, начались занятия на последнем курсе института. Когда мы разъезжались на практику, нам говорили, что мы должны привезти доказательства того, что мы не на пляже болтались все лето, а работали, то есть дневник практики и всякие образцы. И я, как умная Маша, тащила спектральные пластинки, очень гордая, что сделала много полезного, многому научилась. Но никто у нас ничего не спросил, никому не было дела до наших результатов. Обидно, но не в этом суть.

Надо было писать диплом, а для этого нужно было выбрать место, где тебя возьмут на преддипломную практику и где ты будешь писать этот самый диплом.

Всех спектроскопистов стали водить по разным научным институтам, знакомить с лабораториями, где использовался спектральный анализ. И постепенно две группы растворились по разным местам. Осталось несколько неприкаянных девочек, в том числе я и Ольга. И вот нас привезли в Институт математики в Академгородке, завели в одну лабораторию. Стоим, смотрим. Посреди комнаты стоит большой и длинный прибор как бы на столе, но это не просто стол, а часть прибора. Огромный серый кожух, на передней панели всякие ручки. А сверху два огромных круга с делениями, и эти круги тихо движутся.

А из плоского отверстия под прозрачной крышкой неспешно выдвигается лента — с лицевой стороны она покрыта воском, а тыльная сторона красного цвета. На восковой части ленты острая игла процарапывает кривую спектра. Я, как замороженная, смотрела на прибор, не отрываясь. Пока хозяйка лаборатории, милая женщина, Дина Павловна Шипилова рассказывала нам, что это за прибор, что он делает, прибор закончил какой-то цикл, вращение кругов прекратилось, и раздался длительный звонок. Так прибор говорил, что работу он завершил. Дина Пална прервала рассказ, подошла к прибору, откинула прозрачную крышку и потянула ленту на себя. Это был прибор фирмы «Карл Цейсс Йена» — инфракрасный спектрофотометр UR-10. А нам про него рассказывали в курсе молекулярной спектроскопии, но рассказывали кратко, на пальцах, так как молекулярная спектроскопия была довольно новой частью науки и давалась нам в общих чертах.

Метод молекулярной спектроскопии применяется при исследовании диэлектриков, то есть в том случае, когда другие методы исследования не работают. Ну, дальше не углубляюсь, так как это никому не интересно. Когда нас спросили, кто останется здесь, я ответила утвердительно, так как поняла, что это — моя судьба. Ольгу этот прибор не привлек, ее увели в Институт геологии, где она и осталась.

Работу на приборе я освоила очень быстро и полюбила его навек. А когда мне пришлось работать с аналогичным прибором

отечественного производства (ЛОМО), то негодование моему не было предела. Все неудобно, неуютно, сложно. К тому же в этих приборах круглосуточно должны поддерживаться определенная температура и влажность, так как прибор использует соляную оптику, а не стеклянную. И если в работе с UR-10 проблем с круглосуточным подключением к электричеству не было (в Академгородке работали умные люди), то у нас в ОКБ мне не удалось убедить в этом начальство. Температура и влажность у нас менялись непрерывно, и моя соляная оптика вылетала из строя очень часто. Призмы просто мутнели, их надо было менять в Питере в ЛОМО.

Дина Пална часто посылала меня в ГПНТБ читать и переводить статьи по теме моего диплома. Работать в библиотеке мне очень нравилось, я любила копаться в огромной картотеке и даже делала попытку поступить на курсы патентоведения.

В общем, зима длилась долго, я намерзлась за это время. И тогда первый раз увидела надписи на замерзших окнах автобусов: «Терпите, люди, скоро лето!» и «Меняю тещу на валенки!».

Приближалось время защиты диплома. В это время моя сестра Мила была глубоко беременна Костей. Она приехала к нам в гости и очень помогла мне — она подписывала названия глав в дипломе. Почерк у нее превосходный, и она, и мой младший брат Андрей умеют рисовать, в отличие от меня. Писать надо было черной тушью, и она с этим прекрасно справилась. Она сидела за столом, на нем лежала чертежная доска, край которой был приподнят. И вот она пишет, а в это время неизвестный нам ребенок у нее в животе толкается, двигая доску в самый неожиданный момент!

20 июня 1969 года я защищала диплом. Из всего курса нас было всего пять человек, которые разными способами исследовали тонкие пленки. Это было начало тонкопленочной технологии, начало, в котором мы принимали участие.

Чтобы волнение не мешало, мама дала мне таблетку реланиума. Поэтому я была абсолютно спокойна во время доклада. Когда вышла за дверь, то увидела маму, которая преподнесла мне букет цветов, чтобы поздравить меня, расцеловала и сказала, что Мила вчера, 19 июня, родила мальчика! Это и был Костя!

После защиты у нас был банкет в ресторане «Россия» за Монументом Славы. Огромный зал, высокие потолки, много столов. И наш стол — длинный, а во главе стола — наш любимый декан оптического факультета Олег Альбертович Майер! Если представить его — он был похож на Юрия Визбора, на актера Александра Балуюева, что-то среднее! Высокий, мощный, спокойный, открытый лоб, залысины; белокурые волосы, переходящие в седину, зачесаны назад. Он очень красиво курил. А как он улыбался! И все пять лет мы мечтали покурить вместе с ним! По-моему, в него были влюблены все девчонки нашего курса! Ну я-то точно!

В бокалы с шампанским опущены значки, шампанское выпито! Какие-то речи, этого я не помню. Помню другое — как все сели

в кружок около Олега Альбертовича, он вынул свою замечательно красивую зажигалку и тут к нему протянулся лес рук с сигаретами! Он, не закрывая зажигалку, медленно обвел нас по очереди глазами, улыбаясь чуть-чуть. А когда очередь дошла до меня, спросил:

— И ты? А мама знает?

После банкета мы поймали такси, в машину набилось человек шесть девчонок, мы хохотали, в руках у нас были сумки с шампанским. Шофер повез нас к Свете Зябкиной, которая жила за ГПНТБ в Октябрьском районе. Он удивлялся и спрашивал, что у нас за праздник? И никак не мог отгадать! Называл и свадьбу, и день рождения, и новоселье! А у нас была защита диплома!

А дальше надо было ждать распределения. Моя мама, которая работала в институте в отделе кадров, была секретарем распределительной комиссии. Буквально накануне я решала вопрос, в чем идти на распределение. У меня была клетчатая юбка в складку из шотландки нежно-фиолетового цвета с тонкой красной линией. Шила мне ее, конечно, мама, как и всю остальную одежду. Что только она мне не шила! Так вот, я распустила юбку, разгладила ее и за полдня сшила себе платье — колокол мини, с расширенными рукавами три четверти, с воротничком, под ним разрез в виде капли. Разобрала бусы, которые привезла из Донецка, украсила ворот и рукава. Мама всего этого не видела. И в этом модном коротком платье, в высоких шоколадных замшевых донецких сапогах заявила на комиссию. Девчонки одобрили мой вид.

Заходили мы в кабинет по очереди в соответствии со средним баллом за все годы учебы. Я заходила пятой — у меня было 4,75. Когда я появилась в дверях, то мама чуть не рухнула со стула! Когда со мной поговорили, она выскочила за мной и стала отчитывать меня: как я могла прийти в таком коротком платье! Опозорилась! Да, вот так в борьбе мы отстаивали моду на мини.

Меня распределили на завод имени Ленина. Это было не по специальности! Я должна была бы конструировать спектральные приборы, а не работать на них! То есть меня распределяли как оптика, а не как спектроскописта. И это было ужасно! Дома я плакала, просто редела белугой. И мама пошла к ректору просить, чтобы мне дали свободное распределение. И поскольку моих родителей, особенно папу, в институте уважали, то ректор дал согласие.

Я рассказала все Дине Палне, и она мне помогла. Буквально накануне она была в городе на какой-то научной конференции и познакомилась с молодым начальником лаборатории тонких пленок Юрием Ивановичем Полещуком. Он работал на электровакуумном заводе в ОКБ, дело было новое. Дина Пална спросила его, как они собираются исследовать эти самые тонкие пленки? И предложила меня и наш метод инфракрасной спектроскопии. Полещук согласился со мной встретиться.

Было лето, мы договорились встретиться в конце августа. И вот я оформилась на работу. Все было внове. И всякие секретности,

и система пропусков сложная, и огромная территория завода, и здание ОКБ высокое и длинное.

Юрий Иванович повел меня к главному инженеру. У меня с собой были спектры двуокиси кремния, которые я исследовала, работая над дипломом. Это те самые рулончики на красной восковой ленте. И смотреть их надо было, разворачивая рулон слева направо горизонтально. Я очень волновалась, вдруг он спросит меня о том, чего я не знаю! Мы сели, я протянула ему спектры и рассказала про метод исследования. И вдруг вижу, что он развернул рулон вертикально, как старинный свиток! Мне сразу стало спокойно, я поняла, что он не знает, что это такое, и ни о чем сложном меня не спросит.

Раньше молодой специалист при поступлении на работу по распределению из института получал на новой работе подъемные. А так как у меня было свободное распределение, то никаких подъемных мне не полагалось. Почему-то пришлось часто доказывать своим товарищам, что я их действительно не получала.

(Окончание в следующем номере.)

Константин ВАСИЛЬЕВ

ЛОВЛЯ БЛОХ В СОЧИНЕНИИ ПО ПРОСЬБЕ СОЧИНТЕЛЯ*

Торнюра поручика Пирогова и выверты шведского короля

Критических замечаний просил Гоголь: *читатель, поправь меня*, но вместо того, чтобы выискивать мелкие недостатки в его «Мертвых душах», я взялся ловить блох в сочинениях Лермонтова, Толстого и Мельникова-Печерского, потом переключился на Княжнина — доказывая, что иноязычные вкрапления, во-первых, умаляют художественность литературного произведения, во-вторых, они понятны ограниченному кругу современников и куда меньшему количеству потомков. Сегодня мы скашиваем глаза на сноску, наткнувшись у того же Гоголя в «Старосветских помещиках» на слово *декохт* (нем. Dekocht), что значит *отвар*. Споткнувшись в «Невском проспекте» на слове *посессоры*, мы сначала предполагаем опечатку: наверно, должно быть *ассессоры*, но Гоголь говорит здесь не о чиновниках, имеющих гражданский чин восьмого класса, он рассуждает об усатых мужчинах и называет их *посессорами* усов. Кто-то из толкователей привлекает латинское *possessor* со значением *владелец*, кто-то видит заимствование из французского, где написание *possesseur*, но в случае с Гоголем, уроженцем Малороссии, следует учитывать влияние польского языка: польское *posesor* (владелец, хозяин) имело, очевидно, хождение в тех краях, где писатель родился, провел детство и прошел школьное обучение.

В повести «Вий» автор утверждает, что среди малороссиян нет недостатка в *бонмотистах* (от фр. bon mot), тогда как по теме и духу произведения лучше бы звучало *остряки*, *острословы* или *балагуры*. Мы готовы согласиться, что в повести «Нос» под *спекулятором* (в некоторых изданиях он *спекулятор*) автор имеет в виду предприимчивого дельца, но, к нашему удивлению, в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушаков и его коллеги утверждают совсем другое: «Спекулятор (*лат. speculator разведчик*) (*старин., церк.*). Оруженосец, телохранитель; палач».

---

* Окончание. Начало в № 1/2024.

В первой части очерка я обратил ваше внимание на то, что в «Записках сумасшедшего» декатированное сукно названо ошибочно декатированным. В «Невском проспекте» поручик Пирогов, приглашая потанцевать жену Шиллера, хотел, по воле Гоголя, показать ей свою *турнюру*, но правильно говорить *турнюра* — так передается на русский язык французское *tournure*, и в словарях мы находим несколько переводов, отражающих многозначность французского слова и разное его использование: это *осанка*, это *телесное сложение*, *внешность* (*aspect physique d'une personne*), это также *манеры*, *умение общаться*, *умение держать себя* (*manière dont une personne se tient, se présente*). Историки моды подскажут, что турнюром (не турнюрой) называлась деталь женского одеяния — объемная подкладка, прокладка (иногда на жестком каркасе) под юбкой ниже талии, придающая пышность платью и фигуре в их задней части; не премину привести дополнительное объяснение через синоним, просторечное и грубоватое *faux cul*, что значит *поддельная* (или, если хотите, *бутафорская*) *задница*, — я нахожу здесь некоторую переключку с той игривостью и даже гривуазностью, которую мы наблюдали, обсуждая такие цветовые оттенки, как *rose* и *merde d'oie*.

Поскольку французское существительное *tournure* имеет несколько значений, в русском языке возникло разное понимание и употребление. Имеют место и ошибочные толкования, ибо не все учитывают, что *tournure* образовано от простого глагола *tourner* с основными значениями *поворачивать*, *вертеть*. Иногда *турнюра* соответствует всего-то русскому *обороту*. Например, фраза «La chose prend une mauvaise tournure» не имеет отношения ни к осанке, ни к манерам, ни к искусственному утолщению ниже спины, означая: «Дело принимает плохой оборот». Бывают речевые обороты — изящные (*tournures élégantes*), идиоматические и устаревшие (*tournures idiomatiques et archaïques*), бывают обороты стилистические (*tournures de style*). Николай Иванович Тургенев писал в дневнике 8 февраля 1813 об оперном певце, теноре Галтенгофе: «Он *турнюры* итальянские хорошо употребляет» — у музыкантов такие обороты, видимо, называются гармоническими.

Я заговорил об ошибочном толковании: в «Историческом словаре галлицизмов русского языка» есть пример по использованию, взятый у А. В. Храповицкого (1749—1801), который 21 сентября 1788 года записал в своем «Дневнике», что Екатерина II, «читая немецкие газеты, дивились турнюрам короля шведского, дающего хороший вид делам своим». Цитата призвана проиллюстрировать значения *осанка*, *манеры*. Осанка в данном случае ни при чем, и здесь вместо *манер* можно использовать русское *повадки*. Я бы привлек существительное *выверт*, однокоренное с глаголом *вертеть*: российская императрица удивлялась вывертам шведского монарха.

Мы читаем с удовольствием, как гоголевский Пирогов распускает хвост перед хорошенькой (хотя и глупенькой) немкой: он «обошелся очень почтительно и, раскланявшись, показал всю красоту своего

гибкого перетянутого стана». Вся сцена с неудачным ухаживанием поручика за женой Шиллера, жестяных дел мастера, замечательна, ее только портит *турнюра*, тем более в ошибочном написании.

Текстильно-этимологические разыскания

Гоголь часто указывал, то ли бездумно, то ли имея какие-то особенные соображения, из чего сшит тот или иной предмет одежды: *казимировые панталоны, фризовая шинель, нанковые шаровары, жилет из полосатого гаруса, штаметовая бекеша...* В. И. Даль назвал казимир *вышедшим из употребления легким суконцем*. Когда что-либо выходит из употребления, по прошествии недолгого времени оно обрастает приблизительными или ошибочными толкованиями, которые, как в случае с гроденаплем и гродетуром, как в случае с пюсовым цветом, всегда вызывают сомнение или недоумение.

Фриз, как сказано в примечаниях в «Невскому проспекту», — это грубая ворсистая ткань типа байки. Ищите теперь, что такое байка. Сегодня фризую шинель выставляют признаком бедности, она вроде как указывает на принадлежность человека к *малоимущей городской среде*, но следующее описание М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Пошехонской старине», как мне кажется, полностью опровергает это утверждение: «Павел явился в класс приодетый: в желтом фризом сюртуке и в белом галстуке на шее». Фриз, очевидно, бывал и первосортным, и третьесортным, как для зажиточных граждан, так и для малоимущих.

Нанка, по определению С. И. Ожегова, «хлопчатобумажная ткань из толстой пряжи, обычно желтого цвета». Гоголь в рассказе «Ночь перед Рождеством» писал, что пономарь в Диканьке сшил себе нанковые шаровары *на лето*. Они, возможно, были желтые, но, по-моему, заказчик предпочел бы для летнего ношения легкий текстиль, не из толстых, а тонких нитей. В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона ни толщина пряжи, ни желтый цвет не назывались отличительными признаками: нанка могла быть и тонкой, идущей даже на белье, нанку окрашивали *в разные цвета или набивали, обыкновенно полосками*.

Жилет из полосатого гаруса заказал себе тот же пономарь. Ожегов называет гарус мягкой крученой шерстяной пряжей. Если гарус у Гоголя *полосатый*, получается, что церковный служитель в Диканьке имел безрукавку, связанную (или сотканную) из шерстяных полосатых ниток? Но Гоголь как будто имел в виду не пряжу, а ткань. Сравним: казимировые панталоны сшиты из казимира, фризовая шинель сделана из фриза, и жилет, судя по авторскому высказыванию, скроен из полосатой материи. В «Словаре забытых и трудных слов» гарус смело причислен к тканям, и, что интересно, к хлопчатобумажным, не шерстяным: он только *на ощупь похож на шерсть*. После чего приводится пример из русской классической литературы. Именно из гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки», что возвращает

нас по замкнутому кругу к тому же пономарю с его полосато-гарусным жилетом. Наверно, составители словаря знают, о чем говорят, они как будто пощупали и определили: жилет кажется шерстяным изделием, только это хлопок! Нет, они не щупали, они просто переписали чужое объяснение: известный филолог Д. Н. Ушаков, в отличие от не менее известного филолога С. И. Ожегова, считал гарус (от польского *harus*) не мягкой, а *грубоватой* шерстяной пряжей, и Дмитрий Николаевич приводит второе толкование, с первым, на мой взгляд, трудно совместимое: «Род хлопчатобумажной ткани, на ощупь похожей на шерстяную (гарусную)».

При ловле настоящих блох нужна быстрота, но, взявшись за придирки, торопиться не следует. Я в том смысле, что, придираясь к Гоголю, Ожегову, Ушакову или кому угодно, как бы самому не опростоволоситься. Допустим, что в Малороссии, откуда родом Николай Васильевич, гарусом называли и определенную полосатую пряжу, и определенную полосатую ткань... Вот еще одна подсказка всплыла во время словарных поисков: гарус — это *натуральный толстый крученный шелк для вышивания*. Шелк? Между ним и шерстью существенная разница. Правда, улавливается сходство: в обоих случаях нам говорят со знанием дела, что волокна *крученые*.

В наше время в продаже имеются шелковые нитки, именуемые гарусом — или обоснованно, или всего лишь для того, чтобы привлечь внимание покупателей заманчивым словечком; но сторонники крученого шелка не кивают на современную торговлю, они ссылаются на старый письменный источник — «Путешествие в землю Офирскую» (1784). Поясню: у князя М. М. Щербатова (1733—1790) в означенном романе есть фраза о том, что девиц в губернских городах «не учат более ничему, как токмо арифметике, первым основаниям геометрии, рисовать, шить гарусами...». Барышни не вяжут, они *шьют*, то есть, как я понял, они вышивают, и, возможно, шелковыми нитками. В другом месте того же сочинения (изданного только в 1896 году) Щербатов представляет читателям индийского брамина: «Сей был человек лет тридцати, врачный собою... <...> ...одежду имел из белого сукна длинную <...>. На груди у него был черной шерстью вышит якорь, наверху которого кедровая шишка — желтым гарусом». Кедровые шишки украшают одеяния и некоторых придворных, они тоже желтые, тоже гарусные. По поводу черного якоря у нас нет сомнений, ибо четко сказано: он шерстяной. Гарусные шишки как будто противопоставлены ему. Так они шелковые?

В романе «Бесы», когда Степан Трофимович Верховенский отправился странствовать, его шея была плотно обмотана гарусным шарфом. Мне видится что-то теплое — из шерсти связанное. Однако в другом месте Достоевский упоминает гарусную подушку. Она тоже из шерстяной пряжи — то ли мягкой, то ли грубоватой? Скорее всего, идет речь только о наволочке. Которая скроена из шелковой ткани? Возьмем другое произведение того же сочинителя, «Село Степанчиково и его обитатели», где Сашенька Ростанёва восклицает: «Добрый,

добрый Фома Фомич; я ему подушку гарусом вышью!» Если *вышью*, значит, возьму иглу, нитки и сделаю узоры на наволочке. Видимо, и предыдущая подушка, та, что в «Бесах», была вышитой, а не шерстяной, хлопчатой или шелковой. Значит ли это, что и шарф Степана Трофимовича украшен узорным шитьем? Жилет пономаря, напомним, был *сделан из полосатого гаруса* — по построению фразы вышивка здесь ни при чем.

Я предаюсь гадательным предположениям? Именно так — я гадаю, поскольку меня приводят в замешательство текстильные термины в сочинениях наших прославленных литераторов и сбивает с толку разнобойное объяснение этих терминов в словарях наших известных лексикографов.

Дмитрий Николаевич Ушаков указал на польское происхождение *гаруса*, а что скажет нам Макс Фасмер? Он в своем «Этимологическом словаре» пишет, что русское *гарус* (со значением *сученая шерстяная пряжа*) идет от польского *haras* (или *harus*), заимствованного из немецкого языка, где формы *Arras* и *Harras* восходят к названию города *Аррас в Северной Франции*. Мы вроде бы что-то прояснили? Нет, мы в этих нитках и текстильных изделиях, точнее, в этих иноязычных словечках только сильнее запутались! Перечисленные формы позаимствованы Фасмером у предыдущих этимологов, которые выкопали их, прошу прощения, в каких-то диалектах, имеющих размытые границы во времени и пространстве, — в верхненемецких, нижненемецких, средневерхненемецких. Не знаю, было ли в старопольском языке слово *harus*, сегодня русскому *гарусу* соответствует польское *włóczka* (шерстяная пряжа), и не нужно быть филологом, чтобы увидеть здесь полное различие корней.

Во французском Аррасе в Средние века занимались не только выделкой шерсти, там же ткались шпалеры, и от названия означенного города идет итальянское *arazzo* (гобелен). В английских словарях *arras* объясняется тоже как *гобелен*, *шпалера* (*tapestry, wall hanging*). Во французских источниках нам встречается *drap d'Arras*, что значит *аррасское сукно*. Если считать *гарус* идущим от названия *Аррас*, в случае с Гоголем, возможно, нам следует соотносить его не с пряжей, может быть, в Малороссии так называли какой-то вид сукна? Кстати, в «Невском проспекте» Николай Васильевич упоминает вскользь *мальчишек в пестрядевых халатах*, которые *с пустыми штофами или готовыми сапогами в руках бегают молниями по Невскому проспекту*. Прилагательное *пестрядевый*... Вам хочется знать, зачем мальчишки мотаются молниеносно по главной петербургской улице с пустыми бутылками и *готовыми сапогами*? Не имея возможности обратиться к автору, вы *досочините сами* — именно такой совет дал Гоголь *читателям-охотникам*, желающим разобраться в чем-то досконально, я же рассуждаю только о пестряди: это, как пишут, *грубая льняная или хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток*. Что, если жилет из полосатого гаруса, тот, которым обзавелся пономарь, был, выражаясь по-русски, пестрядевым? Хотя Гоголь, судя по всему,

усматривал разницу: пономаря он обрядил в жилет из полосатого гаруса, а вот худощавый писарь в рассказе «Майская ночь» щеголял в пестрядевых шароварах...

И на этом я бросаю свои размышления и рассуждения — чувствуя досаду. Природа этой досады очень понятна: переворотив изрядное количество словарей, обратившись к разного рода писаниям, выслушав мнения и выдвинув свои предположения, я ничего не уяснил для себя и не прояснил для читателя!

Мне напомнят: кроме казимира, фриза, нанки и гаруса в начале главы был упомянут штамет — это что такое? Со штаметом, кто хочет, пусть сам разбирается, как с мальчишками, бегающими по Невскому проспекту, и, может, ваши разыскания, в отличие от моих, приведут к определенным и однозначным ответам.

То ли льняная ткань, то ли бумажная, то ли плотная, то ли легкая

Имеет ли право человек, взявшийся что-то рассказывать, оставаться на полуслове? Предлагаю не восклицать о правах, ограничимся пользой и ответственностью. Если повар в общественной едальне вдруг швырнет черпак и заявит, что ему осточертело варить и жарить, в кастрюлях и сковородах на горячей плите все выкипит и пригорит, и определенная группа людей останется без обеда. Куда хуже, если хирургу надоеет *ковыряться во внутренностях* и он, не завершив операцию, оставит больного лежать на столе с незашитой грудью или животом. Если водителю на полпути опостылело вести автобус, а летчику в полете опротивело управлять воздушным судном... Вы понимаете, о чем я говорю. Статейки про слова и речевые обороты, книжки о тканях, костюмах и модах, брошюры про культуру, искусство, архитектуру и живопись — под ними уже и так прогнулись полки во всех магазинах и частных собраниях, ими забиты шкафы в книгохранилищах, их тоннами сдавали и сдают в макулатуру. Ничего существенного не произойдет, если я что-то не доскажу или не допишу. Тем более что мои разыскания, в чем я признаюсь, сравнимы с ловлей блох.

Кстати, если брать именитых литераторов, чьи сочинения провозглашаются бессмертными, чьи изречения объявляются истинными или пророческими, они не всегда заканчивали начатые стихи, пьесы или повести. В 1830 году Пушкин взялся за «Историю села Горюхина» и не довел ее до конца. У него же, среди прочего, в какой-то момент пропал интерес к поэме «Езерский», и она осталась незавершенной. Некрасов брался, откладывал и возвращался к вопросу о том, кому *на Руси жить хорошо*, но, видимо, почувствовал, что поставленный вопрос не имеет ответа, и оставил попытки объять необъятное. Роман «Война и мир», как я понимаю, не имеет концовки: Лев Николаевич то ли на время отложил работу, то ли ему полностью разонравилось предаваться многословию, ведущему неизвестно куда. Признанные

мастера что-то не дописали, скомкали, бросили. Кто-то театрально сокрушается, что из-за этого у нас не открылись глаза на новые истины, мы остались без каких-то мудрых поучений и откровений. Скажу: все истины стары и известны, поучения и откровения по поводу всего на свете многожды прозвучали (*набив оскомину даже гимназистам*, как добавил бы Чехов), и, если какой-то философ, литератор или историк не успел досказать что-либо, жизнь на земле не остановилась, и никаких потрясений в обществе тоже не произошло.

Вместо Гоголя я опять сбиваюсь на других сочинителей. Николай Васильевич схватился за продолжение «Мертвых душ», возможно, искренне надеясь изобразить во втором томе неких *лучших людей*, но из-под пера само собой потекло, что Чичиков едет дальше *по нашей русской земле*, он все так же *встречается с людьми всяких сословий, от благородных до простых*, и этому движению не видно конца, у этого передвижения с места на место нет цели. В чем идея «Мертвых душ»? Идеи нет, это просто замечательная история о похождениях мошенника, не лишённого способностей, среди коих отметим галантное обхождение с дамами — я чуть не сказал *галантерейное* по примеру слуги в комедии «Ревизор»: тот вставлял в свою речь иностранные словечки, не зная их точный смысл, у меня же в голове путаются мысли от разглядывания текстильных и галантерейных товаров. Понимаю, что со своим *безыдейным* подходом я не сдал бы сегодня школьный экзамен по литературе. Отроки и отроковицы, которым обязательно нужно его сдать, бодро объясняют и тему, и идею «Мертвых душ», они дают характеристику каждому персонажу, они анализируют поступки всех героев, они даже философствуют, возможно или невозможно *возрождение Чичикова*. Кому-то нужно, чтобы мошенник стал праведником?

Откуда у школяров такие глубокие знания и такие литературоведческие способности? У них нет ни знаний, ни способностей, они переписывают в свои тетрадки слово в слово то, что придумали и напечатали для них взрослые дяди и взрослые тети в учебниках и многочисленных пособиях...

С одной стороны, Николай Васильевич советовал всем *войти в собственный ум*, не захламлять голову *чужеземным навозом*, его советы можно применить не только к мышлению, но и к писательству, однако вот ведь и «Мертвые души» *пестрят иноплеменными словами*, как выразился Пушкин, когда, при описании онегинского туалета, ему было не обойтись без *панталон, фрака, жилета*. В самом начале поэмы, когда бричка с Чичиковым подъехала к гостинице, «встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка». Я отказался было от рассуждений по поводу тканей и одеяний, не видя в них толку, но что делать: только приступаешь к чтению Гоголя, как, они, одеяния и ткани, тут же *вскакивают в глаза* — я использую выражение Николая Васильевича из тех же «Мертвых душ».

Возобновляя невольно ловлю блох, я присматриваюсь к незнакомцу, точнее, к его панталонам, спрашивая себя, что значит *канифасовый*. И слышу дальним слухом насмешливое фырканье знатоков: уж это всем известно! Мне предложат удовлетвориться примечанием в конце книги, где сказано, что *канифас* — «плотная льняная ткань, преимущественно в полоску». В тексте я прочитал, что панталоны были белые, к чему дополнение про полоски? Мне сразу видятся линии, нанесенные краской; так на платьях в *горошек* или в *клетку* разные цвета оттеняют друг друга. И возникает подозрение, что *объяснение* по поводу канифаса просто позаимствовано из какого-то справочника без смысловой связи с тем, что написано Гоголем.

Насмешливых всезнаек, которым все всегда понятно, отошлю к словарю С. И. Ожегова, где говорится, в отличие от зачитанного примечания, что канифас — хлопчатый, не льняной. И его отличительной чертой является не красочный, а тканый рисунок — созданный при переплетении нитей: «Канифас. Легкая хлопчатобумажная ткань с рельефным тканым рисунком». Правда, Ожегов добавляет, что в *старину* такая ткань была *полосатой*. Есть над чем задуматься: «Мертвые души» можно считать *старинной*, и не значит ли, что провинциальный щеголь, вопреки утверждению Гоголя, носил не чисто белые, а все-таки полосатые штаны? Что придавало бы ему, одетому во фрак, клоунский вид!

Чтобы разрешить сомнения, заглянем (как *встарь* делал Пушкин) в академический словарь, а именно в «Малый академический», где приводится лаконичный ответ по поводу прилагательного *канифасовый*, встречающегося в форме *канифасный*: «Сшитый из канифаса». Существительное мужского рода *канифас* имеет два определения: «1. Вид старинной плотной, преимущественно полосатой бумажной ткани. 2. Легкая хлопчатобумажная ткань с рельефным тканым рисунком. [Нем. Kanevas]»

Не первый раз меня смущает определение *старинный*: то ли это *издавна существующий*, то ли *существовавший давно* (и оставшийся в прошлом). Потом, разве бумажная ткань и хлопчатобумажная — не одно и то же? Когда идет речь об изделиях из хлопка, нужно называть их хлопковыми или хлопчатыми. Но, как мы видим, титулованные составители академического справочника видят разницу: в первом пункте они пишут *бумажный*, во втором — *хлопчатобумажный*. Лично я сомневаюсь, что одно и то же название *канифас* применимо и к *плотной* полосатой ткани, и к *легкой* ткани с рельефным рисунком. Так или иначе, в обоих пунктах значится хлопок. Будем соглашаться, что панталоны на молодом человеке хлопковые?

Однако объяснение с льняной тканью в примечаниях к «Мертвым душам» делалось, очевидно, не наобум? Для перепроверки мы открываем дополнительно «Толковый словарь русского языка» и знакомимся с мнением Д. Н. Ушакова: «Канифас муж. (нем. Kanevas от фр. canevas, срн. канва) (устар.). 1. Полосатая бумажная ткань. 2. Толстая парусина».

То, что в «Малом академическом словаре» было легкой хлопчатобумажной тканью, здесь заменено на толстую парусину. Читатели, давайте вместе гадать: какое из двух ушаковских толкований нам предпочесть — применительно к панталонам гоголевского щеголя. Если они белые, значит, они не полосатые, следовательно, первое определение не подходит. Если применить второе определение, на молодом щеголе чуть ли не рабочие штаны! Перелистав тот же «Толковый словарь», можно убедиться, что парусина является *грубой полотняной или пеньковой тканью*, первоначально употреблявшейся на паруса — что очень далеко от легкой хлопчатобумажной ткани, о которой мы уже несколько раз слышали. А каково мнение Ожегова по поводу парусины? У него это «грубая, толстая льняная или полульняная ткань». А что говорил раньше Ушакова и Ожегова наш Владимир Иванович Даль? Он выразился куда проще, нежели наши маститые лингвисты: «Канифас м. хорошая парусина, на паруса; устарелое название льняной, весьма прочной, полосатой ткани».

Вторая Поприщину, попавшему в сумасшедший дом, я бормочу: «Не понимаю, решительно не понимаю». Канифас из льна, из хлопка или он пеньковый? Он плотный, толстый, легкий или грубый, из него паруса шили или модные панталоны? И эти загадочные полоски! — от них у меня скоро начнутся беспокойные сны, как у Ноздрёва, которого ночью заедали *ведьмы блохи*.

Интермедия, то есть междудействие

В рассказе «Старые годы» у Мельникова-Печерского не только живописная кавалькада из вершников, псарей и гайдуков привлекла наше внимание, нас заинтересовали также выкрики, которыми бойкие купцы заманивали ярмарочную публику:

Господа честные, покупатели дорогие! К нам в лавку покорно просим, у нас всякого товару припасено вдоволь, есть атласы, канифасы, всякие дамские припасы!

Канифасы и *атласы* удачно рифмуются с *припасами*, ничего не общая нам о сырье, из коего они изготовлены, ни о способе переплетения нитей, например, *саржевом*, *жаккардовом*, *сатиновом* — что бы это ни значило. Схожие рифмованные призывы вы встречали в книге Е. П. Иванова «Меткое московское слово»: «Шелк, атлас, канифас, весь девичий припас».

Поделюсь своими сведениями о *метких словечках*: в свое время мне в руки попала *комическая опера* «Санкт-петербургский гостинный двор», сочиненная М. А. Матинским и представленная публике впервые в 1779 году, откуда я выписал занятные восклицания купца Разживина, двух барынь к себе зазывающего:

Здесь атласы,
Канифасы,
Здесь есть гасы
И каркасы.

Переманивая покупательниц в свою лавку, с ним соперничает в виршесложении купец Перебоев:

Здесь есть ленты,
Позументы,
Аграменты
И флоренты.

От обилия иноязычных слов в ушах звенит, в глазах рябит и мысли путаются! Не будем, однако, отвлекаться еще и на аграменты с флорентами: мы, наморщив лоб и поднатужив мозги, не разберемся никак с одним канифасом. Замечу только, что французское *satin* внедрили в русский язык без перевода как *сатин*, но имеется и перевод: *атлас*. Хорошо бы справиться у купца Разживина, как он отличал свои атласы от своих сатинов и, главное, есть ли между ними разница? Французское *gaze* подразумевает прозрачную шелковую ткань, также марлю, но в России заимствованное *гас* почему-то приобрело, создавая еще одну путаницу, дополнительное значение *узорная золотая и серебряная тесьма*.

Пушкинисты против гоголеведов

Я склонялся к мнению, что провинциальный щеголь в «Мертвых душах» носил льняные штаны, но Р. М. Кирсанова в своем известном справочнике «Розовая ксандрейка и драдедамовый платок» настаивает на хлопке:

Канифас — плотная хлопчатобумажная ткань, чаще однотонная, реже набивная или с текстильным орнаментом в виде полос. Известна в России с Петровского времени.

Сортов канифаса очень много. Некоторые из них использовались как ткань для парусов. Разновидностями канифаса были базин, базин-роль и др. Благодаря своей прочности, канифас был излюбленной тканью бедноты в больших городах.

Кирсанова не назвала ни пеньку, ни лен. Мы не забываем, что панталоны молодого человека белые, то есть однотонные, не набивные (на ткань не нанесен цветной рисунок). Мы предполагаем, что молодой человек, будучи щеголем, купил отрез канифаса не того сорта, который шел на паруса или который полюбился городской бедноте. Лично я полагаю, что беднота довольствовалась все-таки пеньковой или льняной парусиной. Конечно, бойкие лавочники могли выдавать ее за канифас, атлас и хоть за гас.

Кирсанова пишет: «Вплоть до конца XIX века канифас упоминался в выкриках приказчиков-зазывал мануфактурных лавок, хотя его перестали производить».

Если перестали производить, парусный флот остался без парусов? Помните, В. И. Даль утверждал, что паруса шили из канифаса. И беднота (как городская, так и сельская) осталась без штанов?

Если я не ошибаюсь, Гоголь в своих сочинениях использовал прилагательное *канифасовый* один раз. Есть ли оно у других литераторов?

Пушкин в романе «Арап Петра Великого» описывает, как русские дамы, явившиеся на ассамблею, блистают *всей роскошью моды*, и они, наряженные в *робы, фижмы, робронды и мантильи*, «с досадой косились на жен и дочерей голландских шкиперов, которые в канифасных юбках и красных кофточках вязали свой чулок». В примечаниях мы находим: «Канифасный: из канифаса (плотной полосатой или клетчатой бумажной ткани)». Сравните: в примечаниях к «Мертвым душам» канифас был льняным. Кому прикажете верить, гоголеведам или пушкинистам? По-моему, первые переписали бездумно определение из одного справочника, вторые позаимствовали из другого, даже не задумавшись, что значит *бумажный* по отношению к материи. А в тех и других справочниках, даже самых авторитетных, словно гадание на гуще: то лен, то хлопок, то плотный, то легкий, то грубая парусина... Вслед за ними гадая, можно уподобиться полицейскому надзирателю Очумелову из чеховского рассказа «Хамелеон»: в зависимости от услышанных показаний, он то к одному решению склоняется, то к другому, и его то в жар бросает, то в холод.

Нужно переводить иностранные слова!

Понятно, что делать примечания к литературным трудам, особенно классическим, берутся штатные литературоведы, при необходимости они выписывают определения из словарей, составленных квалифицированными лексикографами. Тогда как в случае с тканями и одежаниями лучше бы испрашивать совета у технолога с ткацкой фабрики, он объяснит все секреты текстильного производства. Хотя — почему секреты? Незачем наводить тень загадочности на каждый плетень, усматривая тайны в простых делах; для работников на означенной фабрике это обыденные вещи, они бы всё объяснили, указав, прежде всего, на разницу между тканями по *способу переплетения*.

Не будучи ткачом и литературоведом, выскажу свое филологическое мнение. Существительное *канифас* встречается в некоторых русских документах, сохранившихся с допетровских времен. Иностранное слово использовали, не удосужившись сделать перевод. Его как бы заново *открыли* при Петре Первом. Император и сопровождавшие лица увидели в Голландии ткань, называемую по-голландски *kanefas*. Они, чрезмерно восхищаясь всем иностранным, закупили одежды и заказали паруса, из такой ткани сшитые, и вместе с купленными и заказанными текстильными товарами Петр привез и необдуманно внедрил в русский язык иностранное слово, и на этот раз оно довольно прочно в нем, в нашем языке, укоренилось. Тогда как нужно было перевести его! Каким образом? Самым обыкновенным: *kanefas* значит *холст*. Или — *парусина*.

Следующий пример — по использованию в XVIII веке — однозначно указывает на холщовую ткань: на паруса *изошло канефасу 844 аршина*. Откроем также «Регламент о управлении адмиралтейства и верфи и о должностях коллегии адмиралтейской, и протчих

всех чинов при адмиралтействе обретающихся» (Санкт-Петербург, 1722), в нем предписано, чтобы каждому матросу выдавали: «Кавтан матрозской с штанами канефасныя». Понятно, что идет речь о прочных *парусиновых* брюках.

Холст имеет самое простое переплетение, без каких-либо изысканных тканых узоров, и среди *канефасных припасов*, закупаемых в Голландии, были не атласы и не гасы, а *брезенты разные, брюки разные на мачты*. Под *брюками* здесь следует понимать то, что русские моряки называли *брюканцем* — от голландского *broeking*, это смоленая обивка вокруг мачты в том месте, где она выходит из-под палубы, чтобы морская вода не лилась в зазоры. Означенные *брюки* мастерили, опять же, из парусины. Можно сказать, что из брезента.

Поскольку вместе с товарами привнесли иноземное словечко, возникло ложное представление, будто канифас — нечто особенное или по меньшей мере от русского холста существенно отличавшееся. Я беру сейчас намеренно старый печатный источник, а именно «Полный голландско-английский словарь», изданный в Амстердаме в 1766 году, где обращаю ваше внимание на короткую статью: «*Kanefas canvas*». Точно такое соответствие в «Новом карманном словаре английского и голландского языка» (Лейпциг, 1897): «*Kanefas n. canvass*».

Далее предлагаю любому из вас открыть любой англо-русский словарь и по поводу *canvas* зачитать то, что идет под первым номером: «Холст; парусина; брезент».

Благие намерения сами по себе, язык сам по себе

Екатерининские радетели о чистоте русского языка приняли, согласимся, разумное решение: не вносить в свой шеститомный труд «все слова и речи благопристойности противные» — поэтому мы не найдем в их словаре ни русского мата, ни французских пикантностей вроде *мердоа*. Но, как ни странно, мы обнаруживаем *канифас*. Что странного? То, что княгиня Дашкова с коллегами обещали не *фиксировать* в словаре «все иностранные слова, введенные без нужды, и которым равносильные славенские или российские находятся».

Канефас, как *нанка* и *гарус*, как *гроденапль*, *гродетур*, *казимир* и *штамет*, как десятки других тканевых наименований, принадлежит именно к ним, к заимствованиям, *без нужды введенным*. Если брать шире, мы насчитаем сотни, нет, таких случаев тысячи: в России имелась вещь (или понятие) с русским названием, потом внедрялось иностранное слово с тем же значением. Какие-то избыточные заимствования шли издавна из Византии. Для обозначения денежных единиц, одеяний, материй и драгоценностей привносились излишние арабские, тюркские и персидские слова. При Петре Первом мы с особенной жадностью хватили голландской, немецкой, шведской и польской *лексики*. Повторю пример, приводимый многими к рассуждениям о канифасе из «Материалов для истории русского флота»,

где имеется запись от 1713 года: «Да русским всем матросам дано матросское платье: кафтаны, и камзолы, и брюки, и чирики с чулками, да сверх того кафтаны и брюки канефасовые». Вместо *канефасовые* следовало сказать *холщовые* или *парусиновые*.

У Гоголя есть замечательное обращение к «Близорукому приятелю»: «Стыдно тебе, будучи умным человеком, не войти до сих пор в собственный ум свой, который мог бы самобытно развиваться, а захламошить его чужеземным навозом». Сие замечание уместно приложить к тому, что происходило и происходит с русским языком: захламощенный при Петре голландскими и немецкими словами, он затем усиленно и столь же бездумно засорялся французскими и английскими заимствованиями.

В 1866 году в Москве напечатали труд М. И. Михельсона «30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык с объяснением их корней». Тридцать тысяч! На сегодняшний день сих *употреблений* гораздо больше, и, повторяю, какая-то часть из них не вытесняла русские слова, а дублировала их, при этом немецкое заимствование могло затем продублироваться чем-то французским, позже — английским. Например, помимо французского *манто* (*manteau*) ввели в употребление английское *клок* (*cloak*). В «Мертвых душах» *просто приятная дама спешит посплетничать с дамой, приятной во всех отношениях, и является к ней в клетчатом щегольском клоке*. Вы утверждаете, что манто и клок — разные вещи? По-вашему, первое — это дамское меховое пальто, второе — плащ? Но вот в моем французско-английском словаре «Ларусс» *manteau* объясняется именно как *cloak*. Такое же тождество существовало во времена Гоголя. Его современник А. Ф. Вельтман в романе «Сердце и думка» (1838) указывал на скоропалительное и бездумное накладывание одних слов на другие: вместо *меринос* стали говорить *тибет* и *терно*, помимо *манто* явился *клок*.

Закрепление ошибки в словаре вместо ее исправления

До приятных дам мы, следуя за Чичиковым, еще не доехали, мы в самом начале гоголевского произведения семенем за случайным прохожим, рассуждая о его канифасовых панталонах.

В голландских письменных источниках канифас встречался с XIV века в формах *kanyvaes*, *canevas*, *kenevas*, *canephas* с объяснением: *uit henper vervaardigd* (из пеньки выделанный) или *sterk linnen weefsel* (прочная льняная ткань). Вы учили английский и сразу сопоставляете голландское *henper* с английским *hemp* (пенька) и *linnen* с английским *linen* со значениями *льняное полотно*, *холст*, это также, собирательно, *льняное белье*. Добавлю к разговору французское *chanvre*, восходящее, как и голландское *kanefas*, к латинскому *cannabis* со значениями *конопля*, *пенька*.

Посему изначально слово *канифас* (заимствованное из голландского языка, не из немецкого) следовало, повторяю, переводить как

холст и для объяснения указывать на пеньку и лен как исходные материалы. Но в екатерининское правление наши первые академики от языкознания увековечили, можно сказать, ошибку, допущенную при Петре. Я уже посетовал выше, что они вообще внесли в «Словарь Академии Российской» *канифас*, тогда как не должны были этого делать. Потому что для голландского *kanefas*, внедренного без нужды, имелись равносильные русские слова *холст* и *парусина*. Академики нарушили еще одно ограничительное предписание, ими самими придуманное: не включать *речения Наук и Художеств, которые не входят в общее употребление*. Ткацкое *канифас* даже не из научно-художественной сферы, оно из области ремесел.

Иностранное заимствование включили-таки, снабдив следующим объяснением: «Канифас *фр.* Род плотного бумажного тканья с полосами или без полос. Камзол, халат из канифаса». В дальнейшем многие лексикографы механически переносили это *бумажный* и эти *полосы* в свои толкования. Помните, в современном «Малом академическом словаре» канифас назван *полосатой бумажной тканью*.

Толкование екатерининских языкознателей еще сильнее озадачивает по следующей причине: в зачитанной статье есть ссылка на французский язык, следовательно, на французское *canevas*. Но академики французские, в четвертом издании своего «Словаря» (1762), для объяснения *canevas* использовали *toile*, что значит *полотно, холст, холстина*. По их определению, это плотный неокрашенный холст (*grosse toile claire*), его использовали вовсе не для пошива камзолов и халатов, он служил обычно основой для изготовления ковров, gobеленов (*tapisserie*).

Русское *бумажное тканье* подразумевает хлопок; однако хлопок (*coton*) совсем не упоминается у французов и в современном, более развернутом объяснении слова *canevas*: «*Grosse toile écrue (lin, chanvre, étoupe) qui sert à confectionner des torchons*»: идет речь о плотной небеленой ткани (что можно понимать как суровое полотно) из льна (*lin*), пеньки (*chanvre*), льняных оческов, пакли (*étoupe*), и означенное суровое полотно служит для производства тряпок (*torchons*). Тряпок? Имеются в виду кухонные полотенца и салфетки, которыми хозяйки вытирают посуду, подтирают пролитую жидкость, счищают грязь.

Получилось почти по поговорке: французские академики в 1762 году объясняли про бузину в огороде, русские в 1792 году вроде как вторили им, но рассказали нам про дядьку в Киеве.

В первой части очерка я упомянул «Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран», переведенный с французского Василием Лёвшиным. Справочник печатался по частям в тот же период, что и шеститомный труд екатерининских вельмож, взявшихся за очищение русской речи от иностранного засилья. Мы читаем у Лёвшина: «Голландцы канифасом называют толстые и плотные пеньковые полотна, употребляемые для парусов».

И этим все сказано. Канифас — толстое пеньковое полотно. Парусина!

Но кто обращается к справочнику Лёвшина? Он забыт, и российские лексикографы, переписывая бездумно определение, представленное Дашковой со товарищи, рассказывают нам о какой-то ткани, только не о пеньковом канифасе и не о льняном холсте. Может быть, их объяснения приложимы к бязи? Или к ткани, которая по-английски называется *dimity*: «light strong cotton fabric with woven stripes or squares» — нечто подобное мы слышим от русских толкователей: ткань легкая, прочная, хлопковая, с ткаными полосами или квадратами. Если я не ошибаюсь, хлопок с квадратиками (squares) называют у нас *вафельным*.

Впрочем, зачем привлекать английские объяснения про *dimity*, когда, благодаря Василию Лёвшину, мы можем по-русски прочесть в «Коммерческом словаре»: «Димит. Одно из двух родов полотна бумажного <...>. Оно клетчатое <...>. Оно одного роду с дамитом <...>. Димиты сии называются *пестредь александрийская*...». Пестредь, помните, мы встречали у Гоголя. Только зря он вкרוил ее в художественное произведение. Все эти казимиры, гарусы, гродетуры, штаметы, нанки, драдедамы, димиты — всего этого следует избегать сочинителю, и все это мешает нам, читателям художественной литературы. Когда автор уведомляет нас, что Ноздрёв накупил на выигранные деньги голландского холста, что Чичиков обзавелся тонкими голландскими рубашками, нам понятно, но, если бы Гоголь и здесь, как в случае с панталонами, написал про голландский канифас и канифасовые рубашки, требовались бы уже знакомые нам объяснения, расплывчатые или вообще неверные.

Полосы на холсте

В 1866 году М. И. Михельсон для слова *канифас* повторил то, что мы читали в «Словаре Академии Российской», включая полоски: «Канифас *нем.* *Cannevas*. Плотная хлопчатобумажная ткань, с полосками». Имеется, правда, некоторое отличие: то, что наши первые академики называли французским заимствованием, стало у Михельсона немецким. Только написание у него не немецкое: вместо *Kannevas* он приводит французское *cannevas* (правильно все же *canevas*).

На мой взгляд, те полоски, на которые напирал, среди прочих, и Михельсон, соотносятся не с холстом, не с пеньковой, льняной или пусть даже хлопчатой тканью, они подразумевают контурные линии (по которым на холстах делалась гобеленовая вышивка). То есть наши толкователи путают холст с канвой. В четвертом издании «Словаря Французской академии» (1762) приводился пример по использованию *canevas*: «Tracer un dessein sur un canevas», то есть *наметить эскиз на холсте* (перед изготовлением шпалеры), сделать контур будущих тканых узоров. Выражение сократилось до *tracer un canevas* (наметить холст), в русский язык оно вошло как *наметить канву*, то есть *canevas* перенесли в нашу речь без перевода.

Эскиз прочерчивается или намечивается линиями, если хотите, полосками. Мы зачитывали первое определение, которое французы

дают для *canevas* — это *toile*, то есть холст, холстина. В дополнительном значении, которое я привожу по «Большому объяснительному словарю французского языка», говорится о контуре: «Ensemble des lignes et des points principaux d'une figure» (совокупность основных линий и точек фигуры). Соединяя линиями ключевые точки изображаемого предмета, вы получаете его очертания, это называют контурным рисунком, это канва изображения, по ней можно делать вышивку. В наше время К. А. Ганшина в своем «Французско-русском словаре» не без основания дала для *canevas* только перевод *канва*, совсем не упоминая какие-либо ткани (тем самым избегая долгих объяснений и путаницы).

Пришел, увидел, отрубил? Не получится!

Обложившись справочниками и словарями, толковыми, двуязычными и отраслевыми, исследователь вроде бы должен добраться, я бы даже сказал, продраться (через коноплю, лен и хлопок, также через волокна, из них изготовленные) к единственно верному ответу. Но не получается. В моем «Новом немецком словаре для учебы и работы» (Мюнхен, 1997) для *Kanevas* приводится тоже двойное, и, как мне кажется, взаимоисключающее, толкование: *Hanfgewebe*, что значит *пеньковое полотно*, и *Gitterstoff* — значение коего я установил по «Немецко-русскому текстильному словарю» (Москва, 1981); значений, собственно, два: «1. легкая плательная ткань в тканую полосу или клетку. 2. канва». В означенном обстоятельном справочнике сотни страниц и сорок тысяч терминов, а немецкое *Kanevas*, которое Михельсон и другие считали *канифасом*, объясняется коротко одним словом *канва*.

Вы знаете, что французские *canevas* и *chanvre* (конопля) восходят к латинскому *cannabis*... Но не будем заново приступать к истории вопроса и повторно себя запутывать. Когда-то Александр Македонский, не умея развязать Гордиев узел, рассек его ударом меча. Великий воитель не справился бы с лингвистически-литературоведческими объяснениями и разысканиями по поводу канифаса. Толкования, в том числе туманные и спорные, напечатаны в многочисленных и многотиражных изданиях, их не проредить мечом, из них ошибочное не вырубить топором. Уподоблюсь скромно ткачихе, которая отсекает запутавшиеся нитки ткацким ножом, и последую дальше вслед за Чичиковым, оставив позади случайного прохожего с его холщовыми панталонами — настаиваю, что они были именно холщовые или, если хотите, сшиты из парусины, которая не всегда толстая и не обязательно грубая, есть сорта с тонкой выделкой. Как я понимаю, когда-то сырьем для холщовых изделий служила преимущественно пенька, с ней соперничал лен, позже ткачи стали применять чаще хлопок, сейчас выпускают и синтетическую холстину.

Совет сочинителя Чехова: вычеркивайте начало и конец

Возвращаюсь к самому началу очерка, где был зачитан призыв Гоголя *поправить* его. У меня нет возможности связаться с Николаем Васильевичем и предложить: не уточняйте вы каждый раз, из чего сшиты шаровары, жилеты и халаты, не сообщайте без необходимости, из какой ткани какого цвета скроены бекеша, фрак и шинели. Откажитесь от затейливых иностранных определений вроде *канифасовые* (о панталонах случайного прохожего) и *шалоновый* (о сюртуке Манилова, в котором он появляется всего один раз). Они привносились в русский язык бездумно, сразу были кому-то непонятны, затем сдвигались в разряд устаревших.

Если бы общение каким-то чудесным образом устроилось, сочинитель прислушался бы к моим поправкам? Я не обольщаюсь: Гоголь отверг бы их, назвав беспочвенными придирками. Виссарион Григорьевич Белинский сразу заметил: в просьбе Гоголя к читателям столько *неумеренного смирения и отрицания*, что можно заподозрить чувства совершенно противоположные. Николай Васильевич рисовался. Он для вида оправдывался перед публикой и для видимости призывал советчиков. На самом деле он ждал только похвал и уверений, что у него в «Мертвых душах» все верно описано, все именно так, как действительно происходит в русской земле. И вся Россия — не иначе как *необгонимая тройка* с теми достоинствами, что она *не железным схвачена винтом*, она *сработана наскоро живьем*, и ее *снарядил и собрал*, по авторскому похвальному отзыву, ярославский расторопный мужик с одним *топором да долотом*.

Гоголь окрестил тройку *нехитрым дорожным снарядом*. Строго говоря, существительное *тройка* указывает на способ упряжки. По определению в словаре Ушакова, это «три лошади, запряженные рядом в один экипаж». Лошадей соединяют друг с другом постромками, их не *схватывают винтами*. Конечно, их иногда *снаряжают* в дорогу поспешно, второпях, *наскоро*, но для этого не требуется ни топор, ни долото.

Сразу соглашусь, что под тройкой мы обычно понимаем означенных лошадей вкуче с прицепной повозкой (обычно зимней, на полозьях). Но, поскольку упомянут железный винт, поскольку уточняется, что *снаряд собран с помощью топора и долота*, разговор сводится к повозке. Взятая отдельно, без живой движущей силы, она, повозка, никак не тройка и совсем не птица.

Судя по всему, под *нехитрым* средством передвижения автор подразумевает коляску, в которой *ездил по нашей русской земле* предприимчивый Чичиков. О ней сказано в самом начале поэмы: *довольно красивая рессорная небольшая бричка*.

В бричку запрягли одну или, реже, двух лошадей. У Гоголя ее влекут три скакуна, и уж если они помчатся во всю прыть... Мы как раз об этом читаем в поэме: они *понесли как пух легонькую бричку*,

и «тройка то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка, которыми была усеяна вся столбовая дорога».

По-русски так не говорят: *нестись духом*. Правильно: *во весь дух* или *что есть духу*. А добраться, доехать, доскакать до какого-то места можно *единым духом*.

Возвращаемся к техническому, так сказать, осмотру. Экипаж, сработанный наскоро и топорно, то есть с помощью топора, быстро сломался бы на упомянутых крутых пригорках, выбросив или даже покалечив седока. Как хотите, но даже самый простой *дорожный снаряд* невозможно соорудить при помощи названных плотницких инструментов, предназначенных для грубой обработки древесины. Мужик... Изготовлением карет и колясок занимались опытные каретные и тележные мастера. Простые мужики, пусть очень бойкие и расторопные, смастачат вам неказистую телегу, и, собранная *живьем*, по выражению Гоголя, телега даже при медленной езде развалится по дороге.

Наречие *живьем* значит *в живом состоянии, вживую*. Оно не связано с изготовлением каких-либо предметов. Приведу пример по использованию: вы много слышали о каком-то замечательном человеке, потом вам повезло, вы увидели его *живьем*.

Как понимать Гоголя? Скорее всего, ему пришел на ум глагол *наживлять*. Не в смысле *насаживать на крючок приманку для рыбы* — в данном случае с рыбалкой уж точно нет никакой переклички. Поскольку я обложился справочниками, мне не составит труда найти нужное объяснение по «Толковому словарю» В. И. Даля: «У портных: приметывать, пришивать что-либо на живую нитку». Приметывание делается временными стежками для предварительной пригонки и примерки. В романе «Война и мир», напомним, Наташа Ростова, смотрит в зеркало, *надев сметанный на живую нитку еще без рукавов лиф*. После примерки означенная нитка без усилий выдергивается.

Наречием, образованным от портняжного *наживлять*, будет *наживо*. Его значение, опять по словарю Даля: *наскоро, уторопь, как ни попало*. У Николая Васильевича расписано одобрительно, что тройка *бойкая и необгонимая*, но, по его ошибочному высказыванию, она сделана торопливо и кое-как. Вы считаете, что Гоголю вспомнилось другое речение, а именно *на живую руку*, но и оно значит *наспех, наскоро*.

Вам не терпится осадить меня: не следует воспринимать все буквально в художественном произведении! Меня упрекнут в том, что я в своей *ловле блох* не отличаю прямой смысл от переносного, не чувствую метафор, придираюсь мелочно к игре авторского воображения, к полету его творческой мысли... Я повторяю: рассказчик так увлекся, что не следит за смыслом и путает слова. Если уж воображение унеслось в крылатый полет, к чему технические уточнения: кто именно соорудил повозку, какие потребовались крепежные детали и столярные инструменты? Поскольку Гоголь заострил на них внимание, меня тянет и дальше придирается: ваша бричка рессорная, у нее рессоры тоже топором вытесаны? Наскоро и на живую руку?

Вы уверяете меня, что Гоголь в обсуждаемом лирическом отступлении возвеличивает Россию? Мне представляется, что он ее умаляет и даже выставляет в карикатурном виде. Не сознательно, не намеренно. Сочинитель, сам словно птица, унесся мыслями в облачные высоты, устремился наподобие скакуна в далекие дали, и в приступе вдохновения он подпал под обаяние своих восторженных восклицаний. Когда я читаю, что *Русь ровнем-гладнем разметнулась на полсвета*, я, с одной стороны, не возражаю, подхватывая: широка страна моя родная! — только она, на шестую часть земной суши разметнувшаяся, не вся ровная и не везде гладкая. В нашей стране имеется множество возвышенностей и неприступных гор. И она, страна, неподвижна. Даже метафорически или гиперболически она никак не сопоставляется с легкой бричкой, несущейся во весь дух.

В мое школьное время от нас требовали знать наизусть означенный пассаж (прошу прощения за иностранное слово), которым весьма неожиданно завершаются похождения Чичикова. Мы тупо зазубривали, ибо осмысленному заучиванию эти строки не поддаются. Мы декламировали потом для учительницы все это: что Русь схожа с птицей тройкой, сработанной наскоро живьем, и что она мчится — вдохновенная Богом, но без определенной цели. Нет, насколько мне помнится, я даже уверен: в том виде, в каком мы затверживали в советское время, Бог не упоминался.

Гоголь в обращении к читателям уверял, что в «Мертвых душах» показаны *недостатки и пороки русского человека*. Он объяснил нам, что Чичиков и люди, его окружающие, взяты *затем, чтобы показать наши слабости и недостатки*. Однако в концовке звучит сиропная похвала, наш народ выставляется в сказочно-радужном свете: он *бойкий*, потому что, смотрите, какую необгонимую тройку он изобрел! И еще посмотрите: наша Русь — как бричка с тремя лошадьми. Этого уподобления автору мало, он дополнительно сравнивает Россию — или только тройку? — с молнией, *сброшенной с неба*.

Стремительная езда, по словам Гоголя, *наводит ужас*, так что *вскрикивает в испуге остановившийся пешеход*. Пешехода чрезмерно ужаснул, очевидно, *дорожный снаряд* — хлипкая, на живую руку смастаченная повозка, которая несется по дороге, усеянной, как поведаль нам автор, крутыми пригорками. Действительно, лучше отскочить на обочину, дабы не оказаться под колесами. Только вряд ли успеешь, поскольку *снаряд* — словно молния, значит, у него умопомрачительная скорость. Но *другие народы и государства*, видимо, *косятся не на бричку, а на Россию?*

В любом обществе есть предубеждение против иноплеменников. Местные люди смотрят косо на пришлых — объяснимо, ибо у живого человека есть глаза и в его голове гнездятся подозрения и предрассудки. Но нелепо утверждать, что какое-либо государство со своими незыблемыми границами *посторанивается* и дает дорогу какой-то другой стране.

Вам кажется, что в конце «Мертвых душ» Гоголь особенно ярко проявил свои писательские способности? Нет, имеет место тот случай, когда на литератора накатило так называемое вдохновение и он выпустил из виду, что плоды вдохновения полезно через какое-то время перечитывать свежим взглядом, вникая в смысл и исправляя то, что смысла не имеет. Мне сейчас вспомнился, кстати, совет Чехова, что, завершив произведение, «следует вычеркивать его начало и конец. Тут мы, беллетристы, больше всего врем». В «Мертвых душах» я как раз удалил бы в самом начале случайного прохожего в канифасовых панталонах, поскольку ни он, ни тем более нижняя часть его одеяния не имеют никакого отношения к рассказу о Чичикове, и я бы вычеркнул пресловутую концовку, к предшествующим событиям искусственно и без надобности притороченную.

Не хочу ли я сказать, что Гоголь в своем лирическом отступлении врет?

Выскажусь не столь грубо, но прямолинейно: так называемое лирическое отступление про *птицу тройку* является нелепицей по смыслу, оно сумбурно, в нем сильно коверкается русский язык. Добавлю следующее: литературоведы и литературные критики способны бесконечно препираться, настаивая на своем понимании, но незачем привлекать к подобным прениям детей школьного возраста. Взрослые любители русской словесности, рассуждая о прозе и поэзии, ничем не рискуют, умничая каждый на свой лад. Публике от подобных рассуждений (в том числе моих) ни холодно ни жарко (и, как ввернул бы Гоголь, от них нет никакой пользы отечеству). Школьник в подчиненном положении, его усаживают за книгу, ему велят: усваивай, вникай, анализируй, давай характеристики! Отроку просто не по уму многое в писаниях, созданных десятки или сотни лет назад сочинителями, каждого из которых отличает своеобразная манера выразиться. Перед тем как включить то или иное художественное произведение в школьную программу по русской литературе, неплохо бы убедиться, что оно полностью понятно составителям программы и они сами способны дать однозначные и безошибочные ответы на все возникающие вопросы.

Мршавко ШТАПИЧ

ХРИСТИАНСКАЯ И СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ АННЫ ДОЛГАРЕВОЙ

О книге «За рекой Смородиной» (2024)*

Если бы поэт мог в нынешних условиях быть идеологом России, этим поэтом, несомненно, должна была бы стать Анна Долгарева. Ее поэзия, хоть маркируется кем-то буквой Z, хоть и в основе многих стихотворений — фактура Донбасса, на самом деле эта поэзия в высшей степени — ради мира и, что сегодня еще важнее, — национального примирения.

Красные и белые

Долгарева, быть может, даже безотчетно, не рассматривая самое себя как автора цельной идеологической концепции, указывает путь к соединению советского и имперского прошлого России, к объединению красных и белых. Важно отметить, что эту идею найти у Анички можно и до стихотворений 2022—2023 годов, эта идея блестяще сформулирована в стихотворении «Бог говорит Гагарину». Вещь эта гениальна, потому что содержит совершенную мысль — *советскому человеку не хватало Господа, то есть красным не хватало веры белых*. Теперь же, «за рекой Смородиной», наши *праваки* воюют с теми, кто сносил памятники Ленину, наши *левые* воюют с теми, кто расколол церковь и осквернил Лавру. Наши вместе воюют с теми, кто воюет с Господом, потому что воюет с историей, отрицая Ленина и Пушкина, но ведь история в масштабе — суть вереница событий, произошедших по воле Его или Его попущению.

И сердце поэтическое принимает это вполне в своей форме:

...у бога они живые
и комбриг этот жегший церкви познавший что нет смерти
и этот большевик не заставший
тридцать седьмого

---

* СПб: издательство «Лира», 2024, 192 с.

Аничка обращается прямо или косвенно не раз к словам Христа, что «Бог не есть Бог мертвых». Но вот представить комбрига, сжигавшего церкви, в числе спасшихся или даже могущих спастись готов не всякий, и это, конечно, ярчайшая метафора, бьющая в глаз, спорная, вздорная даже, но иллюстрирующая мысль о примирении. Это так резко, как если бы наша Святая Церковь канонизировала Рокоссовского. Между тем именно такого радикализма требует примирение, победа над миром — и я отнюдь не призываю к канонизации маршала, но говорю об отношении к истории. Крайности вообще присущи стихам Анички:

Да, свет. Да, смерть. Да, это не финал.

Здесь вместо восклицания в ликующем нацбольском «да, смерть!» поставлена точка. Аничкино «да, смерть.» — это смиренное «да», это согласное с Иисусовым «ненавидящие мя любят смерть» — «да». Строчку же можно записать прозаически так: и стал свет, и явлена смерть, но душа бессмертна.

Небольшое отступление — к теме нацболов. Аничка — многие пишут через «е», но это ошибка. Аничка — это земляк и наследник Эдички, Эдуарда Вениаминовича Лимонова. Отчего эта наследственность важна нам в контексте примирительном и политическом? Лимонов, написавший «Ереси», заявивший, что съест Бога, коли Его увидит, хрипевший о том, что после смерти непременно попадет в вымышленную, чуждую всякому русскому Валгаллу, перед смертью, по свидетельству его адвоката Беляка, сам попросил поставить на своей могиле крест. Тот, кто кричал: «Да, смерть!», сменил интонацию и, находясь у черты, увидел жизнь вечную. *Красный получил веру белых — через скорбь*, и жаль, что не зафиксировал этого и не развил. Аничка же сразу идет дальше в вере, продолжая, однако, путь Эдички, храня то, что он имел — четкую государственность и приверженность имперской идее в ее цельности — в восприятии Руси-России-РСФСР-РФ как единой Родины. Эдичка же для Анички — наверное, один из тех комбригов, о коих сказано выше. Роднит их еще и то, что и Эдичка и Аничка — имперцы, римляне:

Обком звонит в колокол, предали нас анафеме. Нет хорошего русского, но мы в натуре ужасные русские. Типа как римляне, ущемляющие этрусков. Сорян, не потрафили.

Да, мы русские, римляне мы,
наши шлемы блестят,

Да, спускались мы в ад, и с потерями —
через ад...

Мотив искупления (открытие рая после крестных страданий и смерти Христа, сошествие Богочеловека во ад — это следствие искуплений грехов его кровью, именно тогда «свершилось») у Анички постоянен. Это — библейское отношение к войне, как к явлению

однозначно божественного характера, и в этом взгляде недавнее прошлое нашего государства, страны Советов, имеет свое и определенное место:

Как они уходят за реку Смородину,
За реку Донец, за мертвую воду,
За мертвую мою советскую родину,
За нашу и вашу свободу.

В этих строках разъясняется функция советского наследия — именно оно «мертвое», как и «мертвая» сказочная вода, способная излечить смертельные раны, сокрыть увечья, но не пробудить к жизни. Нужна еще и вода живая — а для красного, как сказано выше, это, очевидно, вера.

Слоган «за нашу и вашу свободу», связанный с польской «борьбой за независимость» обыгран тут, как и «да, смерть», — в совершенно противоположном смысле. «За нашу и вашу свободу» у Долгаревой — это скорее расплата за эту так называемую свободу, за неспособность отдать волю Господу. И русские, и украинцы распорядились и распоряжаются этой «свободой» не лучшим образом, поэтому вновь проливают кровь братьев.

...а мы же росли на книжках гайдара,
не того, а другого, правильного гайдара,
прыгали через резиночку и уважали старых.
были дети, а стали испуганные крысята.
нет смешнее нас, поколения восьмидесятых.

Собственно, тут я, одноклассник Анички, могу расписаться. Трехтомник Гайдара с красным корешком (а у кого-то я видел такой же с оранжевым) — это было обязательное чтение. Падение до испуганных крысят — почти также неминуемо. Поколение восьмидесятых и расплачивается. Тема расплаты встречается не раз и не два:

Как мы играли, не ведая, что творим,
как мы сочиняли, не ведая, что творим,
а теперь стоим перед ликом Твоим
посреди разрушенных городов,
небосвод широк, небосвод багров,
и стоим — такие маленькие перед бу-ду-щим,
и, как новорожденные, пищим,

потому что это все мы тут наиграли,
а за нами не пришли, не убрали,
по попе не надавали, некому стало...

Коллективный морок и до сих пор не дает многим ответа — что ж происходит, кто же дает по попе, а украинцы буквально вопрошают: «А нас за що?» А их за то же, за что и нас. Долгаревские «мы» — это

все мы, великороссы и малороссы, потому что суд в конце концов один и козлиц от агнцев Слово разделит, а эллинов от иудеев — нет. Страшные строчки — играть, не ведая, что творишь, потому что Долгарева, для которой Писание неизбывно, в уме держит не расхожую конструкцию, но точное понимание: «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят!» Первые слова Христа на кресте — обо всех, кто распинает и хулит, — и об иудеях, и о римлянах. И вот, нет более хохла и москаля, но все и во всем Христос. Принять это — непросто, но:

Над Россией метель рассеется
И мороз рубанет плеча,
Но мое помещает сердце
И убитого, и палача.

И вспоминаем 1937-й и повторяем:

Но мое помещает сердце
И убитого, и палача.

И вспоминаем Гражданскую и:

Но мое помещает сердце
И убитого, и палача.

И так много раз «и», покуда не вместит сердце.

Страна

Восприятие страны, России, у Долгаревой — христианское, цельное. И тут можно разделить все стихотворения сборника на две части: «северные» (место действия — Рязань, Белое море и т. д.) и «донбасские».

«Северные», на мой взгляд, — попытка обретения новой фактуры в своем уделе, а «донбасские» — это идейные, советско-христианские вещи.

Выключается свет.
Ночь будет чудищ полна.
Но права моя страна или нет — это моя страна.

Последняя строчка цитируется довольно часто, но отдельно, а это в корне неверно, ведь смысл в такой усеченной цитате теряется. Ведь Аничка не о попустительском личном отношении к анархичному и хаотичному государству пишет; она пишет о готовности принять греховность Родины, ее худшее, о готовности нести расплату за нее, вместе с ней. Это высоко, это ветхозаветный плач Иеремии. И потому Долгарева говорит в своих стихотворениях о «долге», и этот долг — совсем не возить гуманитарку, этот долг — есть кашу из солдатского

котла в смысле лишения и тягот, это ровно долг из «Отче наш», ведь в тексте установленной самим Господом молитвы долг есть грех; когда Долгарева говорит «мой долг», это она признает свое в общем падении. Убеждаешься в этом, когда читаешь другое:

...раздробленный
мир —
нет ничего кровавее и грязнее.

Вот в этом грязном кровавом мире, лишенном света, и работает «это моя страна». И это первый шаг к тому, что имеет развитие:

Я не умею ничего исправить,
Но я фиксирую: вот так они стоят

Еще живые, а потом не очень.

Кстати, о фиксации/зрении — одно из немногих молитвенных обращений:

Господи, если Ты там не очень занят — дай мне силы смотреть глазами,
взгляда не отводя.

«Если Ты там не очень занят» — это все равно что сказать «впрочем, да будет воля Твоя», только у Анички это такое женское, наивное обращение. Абсолютно точно, что путешествие «одной военной корреспондентки» — это путь смирения, совершенно христианский в точном понимании первой заповеди блаженства: «блаженны нищие духом»:

Вот имена — пожалуйста, молись.

Это все, что, помимо возможности фиксации, дано лирической героине. Тема смиренного, христианского отношения к судьбе Отечества и готовность разделить с ним судьбу прослеживается и далее:

И если чума, и если война,
И если горящий куст,
И если в крови и пепле страна —
Не я от нее отрекусь.

Чума-война-горящий куст — это вся цельность Писания, от Пятикнижия до Откровения, от Моисея до Иоанна Богослова. А формула «не я от нее отрекусь» (не знаю, Аничкина ли или заимствованная) — гениальна, ведь это синтаксис Тайной вечери (если следовать Синодальному переводу на русский), от Матфея, 26 глава, где апостолы спрашивают: «Не я ли, Господи?», и где предсказано отречение Петра. И вопрос «не я ли», как и всё в Евангелии, касается каждого. Вот Долгарева на него ответила.

Смерть в саду

А Андрюха ходит по яблоневому саду,
на ветру струится ковыль.
А Андрюха смеется, ему ничего не надо,
на лице у него пыль,
голова у него в цвету, в цветах.
Голова у него в кустах.

И

Воин уходит в подсолнухи,
Становится степью.

Погибшие растворяются в природе, в среде, в мире. И откуда пропагандисты с обеих сторон могут кричать про «удобрения», которыми становятся солдаты, Аничка видит, как они превращаются в сад, в степь, становятся частью пейзажа как естественного божественного откровения. Сад и яблоня, кстати, постоянные символы у Долгаревой, постоянные настолько, что это, наверное, требует отдельного изучения, но я склонен трактовать яблоню и сад именно как божественное откровение и как раз в силу незыблемости этого символа, потому как неизменность — черта божественная.

Нужно сказать, что такой же символической мощью у Долгаревой обладает река — и имен ей много: Ингулец, Донец, Смородина, Стикс. Функции реки многообразны, главенствует мотив перехода, и это никогда не форсирование, не атака, но перемена фазы, этап, иногда река и сама — смерть, разделяющая две жизни. Тут самое важное в таком коротком формате указать, что «за рекой Смородиной» находится лирическая героиня. Аничка тут не соврет: столько мертвых она проводила до этой реки, что уже и сама частью на том берегу. Это не пафос, это скорбь дает такую возможность.

«...Да, мы прах и порох», — пишет Аничка.

«Мол, земля мы, и прах, и порох, и артснаряд», — утверждает она в другой раз.

Вот Авраамовы «прах и пепел» становятся прахом и порохом. Прах здесь — догмат от праотца, а порох, горячий, смертоносный, — эпитет войны, но в этой формуле порох как бы приравнен пеплу и все одно — говорит о ничтожности человека перед Всевышним. Аничке вообще удастся играть с фразеологизмами, штампами, со всем устойчивым и хорошо известным. Вот Долгарева чеканит смыслы, ниспровергая Ницше легко и точно:

То, что нас убивает, делает нас сильнее.

О, как хороши эти слова, как точны, в них — отгадка непобедимых христиан: идущие за Христом смертью попирают смерть, погибая — побеждают. Тут «мы» — нация веры, нация истины, нация-монах, нация-панк.

Я молилась, чтоб не пришлось
тебя хоронить,
И действительно опоздала на похороны.

А это лирическая героиня у берега той самой реки, принявшая божественную иронию в скорби. За этим, как и почти всегда у Анички, — реальная история автора.

О воинах, которых пришлось проводить и не случилось, о павших и живых у нее — целый ряд стихотворений и поэма; Паганель, капитан Берег, Закат и другие — они собираются в отряд, в сонм; неясно пока, каковы очертания их коллектива, потому я, надеясь, конечно, что список этот завершен, подожду, пока Аничка поставит в нем точку, и тогда уже можно будет о нем отдельно поговорить и написать.

Гагарин отправляется

Поэзия идейная у Анички — это женская поэзия, это от большого сердца, от дара смирения. Ведущее, величайшее внутриполитическое устремление — через нищету духа, в скорбях обрести будущее:

Наши кости станут стенами новой империи.
Наша кровь станет космическим топливом.

Ракета для нового Гагарина должна быть заправлена, чтобы он отправился на встречу с Господом.

СЛОЖНАЯ ПРОСТОТА

Интервью с художником Виталием Казанцевым

Виталий Викторович Казанцев — художник, заведующий художественным отделением ГБУДО НСО «Маслянинская детская школа искусств».

Лауреат регионального этапа Всероссийского фестиваля народного творчества «Салют Победы», неоднократный участник и лауреат областных выставок творческих работ преподавателей детских художественных школ, детских школ искусств, лауреат и бронзовый дипломант Международного фестиваля-конкурса «Арт Проспект», трижды медалист Культурной олимпиады Новосибирской области, лауреат конкурса «Золотая книга культуры Новосибирской области» в номинации «Мастер — золотые руки».

В Маслянинской детской школе искусств Виталий Казанцев работает с 2009 года, многие из его учеников смогли поступить в специальные учебные учреждения, связанные с изобразительным искусством.

— Виталий Викторович, вы родились в Маслянине. Отучившись в Новосибирске, вы, что редко бывает с молодыми творческими людьми, не осели в мегаполисе, не поехали «покорять столицы», а вернулись в рабочий поселок. Почему вы сделали такой выбор, были ли альтернативы, что вы приобрели и что, может, потеряли, решив остаться на своей малой родине?

— По окончании школы я поступил в Новосибирское государственное художественное училище, учился по специальности «живопись». Спустя некоторое время перевелся на специальность «дизайн». Тогда, как мне казалось, я определился со своей будущей профессией, видел себя дизайнером и, конечно же, планировал работать в этой сфере. Надо сказать, что при этом занятия живописью я не забросил, в свободное от учебы время писал картины, это были чаще всего пейзажи и натюрморты. К сожалению, моим планам не суждено было сбыться — в силу некоторых обстоятельств мне пришлось прервать учебу, хотя оставался всего лишь год до окончания. Я вернулся в свой родной поселок. Работал в разных сферах, но параллельно продолжал заниматься изобразительным

искусством. Честно сказать, меня сильно тянуло обратно в большой город, и я даже был решительно настроен на переезд, но что-то не отпускало. Однажды мне поступило предложение от Ольги Алексеевны Михалевой — это мой первый педагог по изобразительному искусству — поработать в Маслянинской детской школе искусств. Я согласился. Это и стало одной из главных причин того, что я здесь. Я до сих пор работаю в той самой школе, в которой когда-то учился, и о принятом решении ничуть не жалею. Дома и стены помогают.

— **Но был еще и Институт искусств, который вы окончили...**

— Да, я учился там заочно, не оставляя работу в школе. Долгие, но очень интересные шесть лет. «Педагогика», «психология», «методика преподавания» и другие курсы, что я прослушал, — все это мне сейчас помогает в моей основной профессии.

Вообще, учеба — это всегда интересно! Я до сих пор, можно сказать, учусь, нередко бываю на различных учебных курсах, мастер-классах. Многие мои друзья, однокурсники сейчас работают в сфере дизайна, кто-то, как и я, преподает в различных учебных учреждениях, с изобразительным искусством связанных. Мы общаемся, иногда даже встречаемся и обсуждаем нашу нелегкую, но совсем не скучную жизнь.

— **А насколько для вас важно живое общение с другими художниками? Все же вы пребываете в некоем отдалении от тусовочной суеты... Или так сказать нельзя?**

— В принципе, я довольно часто бываю на различных выставках и тому подобных мероприятиях, где встречаюсь с коллегами, художниками. Обмен мнениями, споры, возможность увидеть какие-то нетривиальные решения тех или иных стоящих перед художником задач — без этого творческая жизнь была бы не вполне насыщенной. Я не скажу, что все это сильно влияет на творчество, но в отдельных случаях — да. Бывает, заряжаешься энергией, появляется желание тут же взяться за кисть, создать что-то свое или же попробовать перенять некоторые технические приемы, интерпретировать их.

— **Вы работаете в разных манерах, стилях. Какие-то, ранние, очевидно, картины написаны вполне в реалистическом духе, какие-то — пройдут, скорее, по категориям «импрессионизм» и «ташизм». Скажите, обнаруживаете ли вы в своем творчестве некий вектор: к чему вы движетесь, к чему стремитесь?**

— Знаете, мне трудно стоять на одном месте и делать одно и то же. Постоянно хочется чего-то нового. Каждая завершенная работа спустя некоторое время мне уже не нравится. Для меня весь интерес — в самом процессе создания картины, ты приобретаешь какой-то новый опыт, какие-то новые навыки, главное же — получаешь наслаждение от работы. А результат... Всегда есть ошибки. Всегда найдется критик — тот, кто осуждает. Всегда, правда, найдется и ценитель — тот, кто воспринимает, разделяет твой взгляд.

Я не говорю, что прислушиваться к постороннему мнению не стоит, но поддавать под его власть — вот этого точно нужно избегать. Порою надо быть хладнокровным и непоколебимым в своих утверждениях, быть творчески смелым, невзирая ни на что. «Творческий поезд» должен, я считаю, постоянно двигаться, меняя направление, обновляя перевозимый им груз, высаживая прежних, принимая новых пассажиров, тогда, возможно, будет эффект, будет рост. Какова «конечная станция» этого «поезда», я не знаю. Предпочитаю верить, что ее нет вовсе.

Вообще же в живописи меня привлекает цвет, фактура, пятно, а также эмоциональная составляющая картины. В своем творчестве — вот если можно, и правда, разглядеть какой-то вектор — я всегда стремился отойти от реалистичности изображения. Мне интереснее форма, геометрия, фактура цветовых пятен, сочетание этих пятен между собой. В последнее время меня все больше клонит к минимализму.

— Кто из мастеров оказал на вас самое большое влияние? И в чем именно, почему?

— Первым художником, который оказал на мое творчество влияние, да и, собственно, перевернул мое сознание, был Винсент Ван Гог. Его экспрессивная манера письма, чистые и насыщенные цвета, стилизация предметов, фигур — все это, мне кажется, не может оставить зрителя равнодушным. Его холсты буквально утопают в красках, он писал иногда по две, по три картины в день, со страстью, даже с исступлением, и это чувствуется в его работах. Я долго и много изучал Ван Гога, а параллельно — импрессионизм и постимпрессионизм в целом.

Еще один художник, который оказал и до сих пор оказывает на меня влияние, — фовист Анри Матисс. Опять же, здесь — чистота цвета, простота рисунка, полная творческая свобода.

Если перечислять далее, то, конечно, куда же без американского абстракциониста Марка Ротко! Ротко пытался воздействовать на эмоциональное состояние зрителей исключительно посредством цвета, а точнее, посредством цветовых пятен и их сочетаний. Еще в числе моих самых любимых живописцев Никола де Сталь, с его полуабстрактными пейзажами, владимирские художники Ким Бритов, Владимир Юкин. Нравится мне и то, что делают наши новосибирские художники. Являюсь большим поклонником творчества Виктора Бухарова, Владимира Фатеева, Вадима Иванкина, ну и конечно же, братьев Меньшиковых.

— Как вы считаете, может ли художник в наше время найти собственный стиль, или он вынужден бытовать в повторениях?

— Думаю, что сейчас художнику трудно, очень трудно чем-то выделиться из общей массы. Так много уже сделано до нас, так много всего придумано! И все это переплетается между собой, сплетается в некий гигантский клубок. Мне кажется, не следует заикливаться на своей оригинальности или неоригинальности, нужно позволить себе затеряться в этом огромном клубке и просто делать то, что тебе по нраву.

— **Вы много лет преподаете в Маслянинской детской школе искусств. Не мешает ли это заниматься собственным творчеством?**

— Прежде всего хочу сказать, что я в первую очередь преподаватель, потом уже — художник. Я с большой ответственностью отношусь к своей профессии, передо мной стоят серьезные задачи, я должен так построить учебный процесс, чтобы ученики не просто получили нужные знания, навыки и умения, но и научились мыслить, развиваться самостоятельно. Ведь — подчеркиваю — не учитель учит, а ученик учится. Да, преподавание — это непросто. Можно быть хорошим художником, но без педагогической подготовки, без педагогического опыта у тебя наверняка возникнут трудности.

Конечно же, педагогическая деятельность отнимает много времени и сил, но мне лично она не мешает заниматься творчеством. Может, я пишу в значительно меньшем объеме, чем было бы, если бы я не связал свою жизнь со школой, ну и ладно.

Мне очень нравится работать с детьми, это честные художники. Только ребенок может нарисовать птичку с человеческими ногами и верить в правоту этого изображения. А когда дети рисуют ветер несколькими закорючками, сам факт изображения ветра, само по себе желание изобразить ветер говорит о глубине и тонкости внутреннего мира маленького художника. И таких примеров можно приводить сколь угодно много. Детские рисунки всегда вызывают эмоции у взрослых, ведь даже улыбка — это эмоция. Как говорил Пабло Пикассо, «мне понадобится целая жизнь, чтобы научиться рисовать, как рисует ребенок».

— **Получается, вы учитите детей, а дети учат вас.**

— Безусловно! Мы тоже учимся у детей. Многому. Самое главное — честности и смелости, которые скрываются в сложной простоте.

Беседовала Марина АКИМОВА.

АВТОРЫ НОМЕРА

Безукладникова Анна Владимировна родилась в 1987 году в Кудымкаре Пермского края. По профессии юрист, работает в сфере образования. Публиковалась в журнале «Сибирские огни».

Васильев Константин Борисович родился в 1952 году. Окончил Ленинградский государственный университет. Филолог-германист, автор ряда журнальных публикаций и учебных пособий. Готовил к печати для издательства «Азбука» серию «Русская словесность» и редактировал такие произведения, как «История кабаков в России» И. Г. Прыжова, «Тайная канцелярия» Г. В. Есипова, «Остров Сахалин» А. П. Чехова, «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. Живет в Санкт-Петербурге.

Гловацкая Татьяна Борисовна родилась в Новосибирске, окончила НИИГАиК (ныне СГУГиТ). Работала в ОКБ Новосибирского электроракумного завода, в Пенсионном фонде России. Живет в Новосибирске.

Гришин Константин Владимирович родился в 1986 году в с. Мамонтово Алтайского края. Окончил Алтайский государственный университет по специальности «Филолог. Преподаватель». Публиковался в журналах «Знамя», «Алтай», «Урал» и др. Живет в Барнауле.

Корзова Ольга родилась в 1965 году в д. Корякино Архангельской области. Окончила Архангельский государственный педагогический институт, учитель русского языка и литературы. Автор трех книг стихов и ряда публикаций в российских литературных журналах. Лауреат премии журнала «Сибирские огни». Живет в д. Степановской Архангельской области.

Корякин Сергей Васильевич родился в 1974 году в Новосибирске. Окончил здесь же электромеханический техникум, медицинское училище и государственный педагогический университет. Публиковался в журналах «ЛитОгранка», «Сибирские огни», в межавторских сборниках «По ту сторону реальности». Автор книги для семейного чтения «Сережкины истории». Живет в Новосибирске.

Михеева Светлана Анатольевна родилась в 1975 году в Иркутске. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор тринадцати книг прозы, стихов, эссеистики. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «Октябрь» и др.

Лауреат Волошинского литературного конкурса, лауреат премии им. С. Т. Аксакова. Участник ряда литературных фестивалей. Член Союза российских писателей. Живет в Иркутске.

Огрызко Вячеслав Вячеславович родился в 1960 году в Москве. Публицист, критик, историк. Окончил истфак Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. С 2004 по 2021 год возглавлял еженедельник «Литературная Россия». Автор 51 книги, в т. ч. биографии М. А. Сулова, историко-литературного исследования о Солженицыне и путеводителя по жизни и творчеству Олега Куваева. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Юность», в «Литературной газете», «Независимой газете», газете «Завтра». Живет в Москве.

Светлосанов Владимир Сергеевич родился в 1957 году в Новосибирске. Окончил филологический факультет Новосибирского педагогического института. Работал преподавателем русского языка и литературы, сейчас работает библиотекарем в Новосибирской государственной областной научной библиотеке. Автор нескольких поэтических книг и ряда публикаций. Лауреат премии журнала «Сибирские огни». Живет в Новосибирске.

Штапич Мршавко (Артем Ляшенко) — сценарист, прозаик. Родился в Вологодской области, живет в Москве. Автор романа «Плейлист волонтера» (2020).

Шушарин Антон Алексеевич родился в 1987 году. Окончил Санкт-Петербургский государственный морской технический университет по специальности «преподаватель социологии» и магистратуру Московского финансово-юридического университета по специальности «административное, финансовое право». Работал санитаром в скорой помощи, кровельщиком, курьером, таксистом, социологом, воспитателем в колонии для несовершеннолетних. В настоящее время — старший инспектор в группе по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе. Майор внутренней службы. Член Союза писателей России. Автор трех книг. Рассказы публиковались в журналах «Дви́на», «Нева», «Север», «Наш современник» и др. Живет в Архангельске.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: **www.gornitsa.ru** E-mail: **n_gornitsa@bk.ru**

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «**СИБИРСКИЕ ОГНИ**» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15

E-mail: **sibogni@sibogni.ru** Сайт: **сибирскиеогни.рф**

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

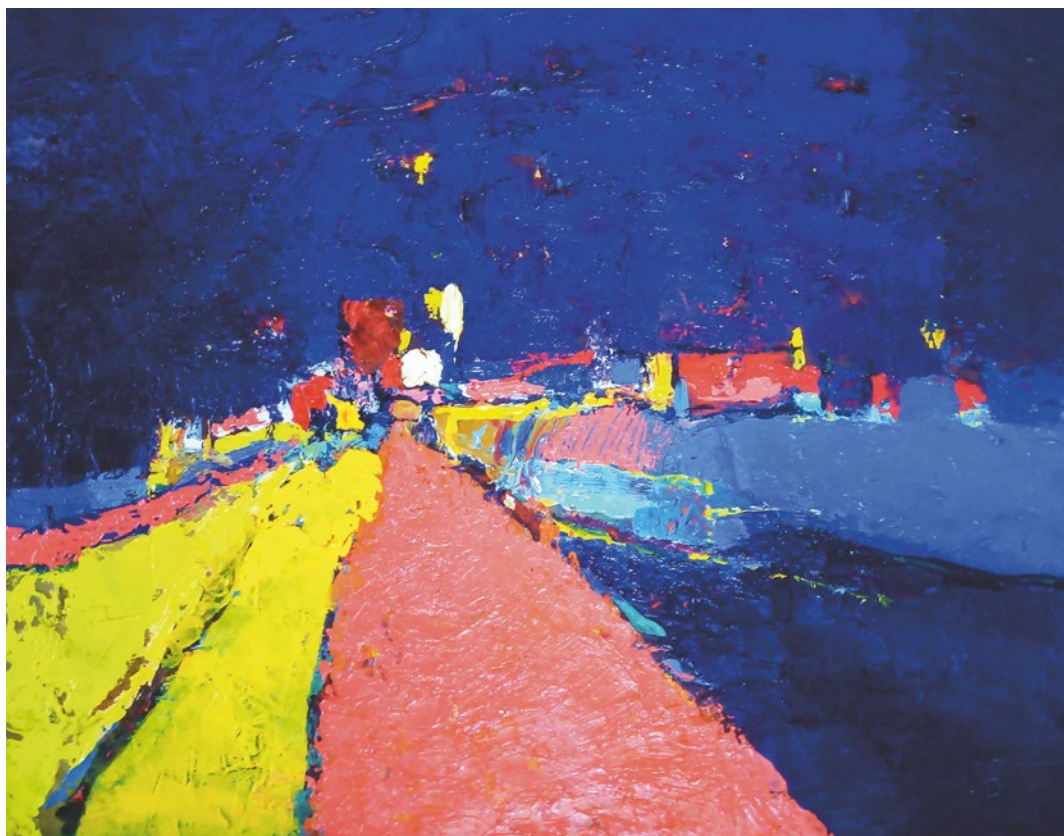
Сдано в набор 25.01.2024. Дата выхода № 2 за 2024 г. в свет 23.02.2024.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 11,89. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.

Виталий Казанцев. Март. 2016

Виталий Казанцев. Ночью. 2021

